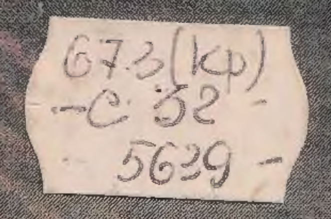

В.С. Сергеев, Б.В. Сергеев

УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО КАЛМЫКОВ XVII–XIX ВЕКОВ

(историко-правовые очерки)

В. С. Сергеев
Б. В. Сергеев

Уголовное и гражданское право калмыков XVII–XIX веков (историко-правовые очерки)

Элиста. 1998 год

ББК 67.3
С 322

ISBN 5-7102-0224-X

Предисловие

Заглавие настоящей книги, вполне естественно, может вызвать у читателей вопрос: а были ли правовые (юридические) нормы у калмыков, степных кочевников, которые только во второй половине XVII века завершили процесс добровольного вхождения в состав России и до семидесятых годов XVIII века имели статус Калмыцкого ханства. Да, были. Причем составленные в письменной форме в виде сборников, а именно Цааджин Бичик 1640 года (Степное Уложение, Устав взысканий) и Токтолы (постановления, законы) Дондок -Даши, принятые в середине XVIII века. Эти сборники права, безусловно, являются своеобразными историческими памятниками права, свидетельством законотворческой и правоприменительной деятельности калмыков, периода феодализма, документальными источниками изучения прошлого калмыцкого народа.

А настоящее всегда тяготеет к познанию прошлого, его осмыслению. Как отмечал немецкий философ Людвиг Фейербах, путешествие в прошлое – это всегда укол в сердце, тревожащий и волнующий. Подобное чувство пережили и авторы настоящей работы при знакомстве с текстами старинных памятников права калмыков, изложенных в трудах профессоров Ф. И. Леонтовича "Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин Бичик)" и К. Ф. Голстунского "Монголо - ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдана - Хун - тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши", опубликованные соответственно в 1879–1880 годах.

Тексты этих старинных калмыцких законов ученым Ф. И. Леонтович и К. Ф. Голстунскому были представлены Г. Бентковским и К. И. Костенковым, ответственными чиновниками российской администрации XIX века по управлению калмыцким народом. В частности, К. И. Костенков являлся в свое время Главным Попечителем калмыцкого народа. Сле-

довательно, официальные русские власти XVIII–XIX веков располагали текстами Цааджин - Бичик и законов Дондук-Даши. Полагаем, что читателям будет небезынтересно узнать, как это произошло.

Почти четыре столетия тому назад калмыки, потомки монголоязычных ойратов, составлявших население Западной Монголии (Джунгария, Зюнгария, Джунгарское ханство), добровольно вошли в состав России, оставив родные кочевья Джунгарии. Поэтому их общественный строй и образ жизни, естественно, соответствовали аналогичным социальным явлениям, бытовавшим в Джунгарии. "Калмыки принесли к нам из-за Алтая то же устройство, какое имели все монголы",– отмечал ориенталист П. Небольсин.[1]

Данной общественной системы периода феодализма, в частности, феодального способа производства, ярко выраженной классовой структуры, определенной системы управления, конкретно- специфичного права и суда калмыки почти в неизменном качестве придерживались в течение XVII, XVIII и первой четверти XIX веков, т. к. "Россия, приняв калмыков под свое покровительство, сохраняла совершенную неприкосновенность к правам сего народа, столь для нее нового и неизвестного нравами и обычаями, а поэтому оный и управлялся непосредственно своими властями и законами" [2]

Но только 29 июля 1736 года Коллегия иностранных дел (КИД) России дала поручение саратовскому воеводе полковнику В. П. Беклемишеву" яко издавна при тех калмыцких делах пребывающему" добыть копию калмыцкого уложения Цааджин-Бичик. По утверждению незабвенного исследователя истории калмыков Н. Н. Пальмова, основанному на архивных материалах, В. П. Беклемишев 14 августа 1736 года направил в калмыцкие кочевья переводчика Я. Самсонова для выполнения задания КИД, выдав на дорожные и иные расходы 20 рублей. Я. Самсонов, прибыв в улус нойона Дондук - Даши, внука знаменитого калмыцкого хана Аюки и будущего хана калмыков, при содействии знатного зайсанга и дарги

Арасланга получил разрешение на снятие копии с экземпляра Цааджин-Бичик 1640 года, хранившегося у Чюрюм-бакши. За оказанные услуги Я. Самсонов уплатил Арасланту 10 рублей, Чюрюм-бакши 4 рубля, а 89 копеек были истрачены на угощение Арасланга вином и арбузами. Кроме того, 1 рубль был выдан писарю Унзат-гецюлю за снятие копии на простом калмыцком языке".[3] Отдельные авторы полагают, что переводчиком с калмыцкого языка на русский этой копии Цааджин-Бичик являлся Я. Самсонов, "а исправления и замечания на его переводе были сделаны В. М. Бакуниным (долгое время он был переводчиком и представителем русских властей при калмыцких ханах, позднее – секретарь и советник КИД – В. С.), а также произвел сверку перевода Самсонова с текстом ойратского списка".[4]

Копия Цааджин-Бичик с оригинала, хранившегося у Чюрюм-бакши, с переводом Я. Самсонова 7 октября 1736 года полковником Беклемишевым была направлена в КИД России с толмачом коллегии Марком Семеновым. В настоящее время эта копия с русским переводом хранится в Калмыцком фонде Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) как "список Беклемишева" под заглавием "копия с права монгольских и калмыцких народов, полученная при донесении полковника Беклемишева" и справедливо считается одной из первых, возможно и единственным списком с оригинала. Таким образом, благодаря инициативе русских должностных лиц, подвижничеству Я. Самсонова, содействию зайсанга Арасланга, разрешению Чюрюм-бакши, переписке копии писарем Унзат-гецюлем текст Цааджин-Бичик 1640 года в виде "списка Беклемишева" дошел до наших дней и служит источником познания политических, социальных, юридических, экономических и религиозных концепций калмыцкого общества периода феодализма.

Не надо быть историком или юристом, чтобы понять значение Цааджин-Бичик (Степное Уложение, Устав взысканий) 1640 года и Токтолов калмыцкого хана Дондук-Даши

как своеобразных национальных энциклопедий быта, нравов и образа жизни калмыков тех далеких времен. Познавательное впечатление от этих сборников калмыцкого права XVII–XVIII веков было настолько волнующим, тревожащим и непроходящим, что обусловило стремление авторов извлечь из незаслуженного полузабвения своды древних калмыцких законов, раскрыть их историко - правовое значение.

Имеются веские документальные основания утверждать, что положения Цааджин-Бичик 1640 года, Указов Галдан-Хунтайджи семидесятых годов XVII века и Токтолов Дондук-Даши середины XVIII века действовали в среде калмыков не только в XVII–XVIII веках, но и в первой половине XIX века.

Подтверждением этому являются Зинзилинские постановления, принятые в 1822 году в селении Зинзили Астраханской губернии на совместном заседании калмыцких нойонов, зайсангов и русских чиновников. Для подготовки текста Зинзилинских постановлений специальная комиссия под руководством Главного Пристава калмыцкого народа Коханова взяла за основу нормы Цааджин - Бичик, Указов Галдан - Хунтайджи и Токтолов Дондук-Даши, чтобы подготовить новый кодекс законов для калмыков применительно к их обычаям и образу жизни. Принятие Зинзилинских постановлений должно было погасить возмущение калмыков введением в их общественную жизнь российских уголовных законов, когда “калмыки, не зная русских законов и обычаев, нередко подвергаются напрасной ответственности и многие из них содержатся в тюрьмах за такие преступления, которые по древнему народному уставу, составленному сообразно с обычаями калмыков, не навлекали бы на них такую меру наказания”.[5]

Кроме того, в Положении об управлении калмыцким народом 1847 года, высочайше утвержденного государем-императором Николаем Первым, закреплено право калмыков разрешать тяжебные (гражданские) дела “на основании их древних постановлений”.

Авторы полагают, что данная работа созвучна современной общественно-политической тенденции, складывающейся в калмыцком народе. В последние годы у калмыков отмечается буквально взрыв интереса к национальным памятникам истории, культуры и быта, что наглядно свидетельствует о пробуждении социальной памяти калмыцкого народа. Наблюдается нарастающая тяга к изучению и сохранению родного языка, стремительное возрождение буддийской религии и ее обрядов в Калмыкии. Востребованы из народной памяти полузабытые обычаи предков, реанимируются прогрессивные народные традиции, которые и сегодня могут питать калмыцкое общество живительной силой.

Благотворное влияние на возрождение социальной памяти калмыков оказывает и избрание первым Президентом Республики Калмыкия Илюмжинова К. Н., который экономическое, нравственное, религиозное возрождение калмыцкого народа, равно как и всего многонационального народа нашей республики, возвел в ранг своей государственной политики и подкрепляет ее практическое осуществление конкретными делами.

В настоящей работе авторы предлагают вниманию читателей историко - правовые очерки, раскрывающие источники и взаимосвязь права калмыков, вошедших в состав России, с правом Западной Монголии (Джунгарии), историю принятия Цааджин-Бичик 1640 года и Токтолов (законов) Дондук-Даши, их политическое, социальное и эскизное юридическое содержание.

Терпеливому читателю предоставляется возможность ознакомиться с текстами Цааджин-Бичик и Токтолов (законов) калмыцкого хана Дондук-Даши и совершить своеобразное путешествие в прошлое калмыков XVII–XVIII веков.

Вероятен и другой вопрос: чем в настоящее время может вызвать интерес право калмыков периода феодализма? В связи с этим позволим следующее образное сравнение. Национальной гордостью калмыцкого народа в течение пяти ве-

ков является героический эпос "Джангар", сокровище устного народного творчества. Эпос "Джангар" привлекает не только колоритным поэтическими и фольклорными достоинствами, но и как источник, свидетельствующий о социальном строе, образе жизни и культуре предков калмыков времен, укрытых веками седой давности.

Равным образом памятники калмыцкого феодального права могут служить и служат фактологическим источником познания реального общественного строя и быта калмыков того исторического периода. К тому же данная книга позволит удовлетворить и такие простые человеческие свойства, как любознательность и стремление к познанию прошлого своего народа.

Глава первая

Памятники права калмыков XVII–XVIII веков

Цааджин-Бичик 1640 года

История развития человечества эпохи феодализма неразрывно связана с законодательной деятельностью, содержание и характер которой обуславливался экономическими условиями жизни народов этой общественной формации. Свидетельства подобной деятельности, законодательные памятники, являются ценнейшим наследием, раскрывающими уровень экономического, общественного, политического и культурного развития отдельных народов. Данные памятники права, будучи вызванными к жизни совокупностью определенных объективных социальных факторов, были направлены на решение важнейших политических задач и установление необходимых правоотношений. Это положение всецело подтверждается различными сводами законов, разработанными и действовавшими во многих феодальных государствах. Например: Русская Правда, Соборное Уложение 1649 года, законы казахского хана Тауке, армянский судебник Мхитара Гоша, Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI и т. д.

К числу аналогичных памятников права, безусловно, должен быть отнесен монгольско - ойратский Цааджин-Бичик 1640 года. Рассмотрим обстоятельства, предшествовавшие его принятию.

Исторические корни и сущность любой правовой системы не могут быть постигнуты без анализа тех политических и социальных событий, которые и породили данную совокупность юридических норм. При этом имеется в виду, что история права неразрывно связана с историей общества, являясь ее составной частью.

К началу XVII века некогда могущественная Монгольская империя не являлась монолитной и распадалась на Западную (Джунгария), Северную (Халха) и Южную Монголию, которые были охвачены феодальными распрями и междоусобными войнами. Западная Монголия, население которой называлось ойратами, вошла в историю как Джунгарское ханство или просто Джунгария. Ойратское общество внутри себя подразделялось на отдельные этнические группы, носившие названия, как, например, дербеты, чороссы, торгоуты, хошоуты, хойты, баргу и другие. Каждое такое подразделение ойратов делилось на улусы (владения), во главе которых стояли нойоны (князья). Наиболее многочисленными и сильными были дербеты, чороссы, торгоуты и хошоуты, союз которых был известен как Дурбэн-ойраты (Союз четырех).

В первые десятилетия XVII века Джунгария также была подвержена феодальным распрям вследствие чего создавалась ситуация земельной тесноты и взаимной вражды. Выход из таких неблагоприятных обстоятельств некоторые ойратские нойоны, в частности, ике (главные) нойоны торгоутов Хо-Орлюк и дербетов Далай-Батыр, видели в "поисках новых" никем не занятых и слабо защищенных территорий, куда они могли бы откочевать. Поэтому подразделения ойратов (торгоуты и дербеты) в 1607–1609 годах двинулись из степей и горных долин Джунгарии к пределам России вначале Южной Сибири, а позднее – Приуралья и Прикаспия, стремясь найти привольные и безопасные пастбища, удобные для меновой торговли рынки, положив начало историческому процессу добровольного вхождения калмыков в состав России. Этот процесс, начавшись в небольшом сибирском городке Тара, завершился в 1657 году под стенами Астрахани. И с этого времени "...на юго-востоке России стала складываться и развиваться новая общность людей – калмыцкая народность. С этих пор в России утверждается новое географическое и административно-территориальное понятие – Калмыкия".[1] Уступая ойратам земли, русское правительство надеялось

найти в калмыках живой оплот для южных границ от вторжений разных орд...".[2]

Вместе с тем, следует особо отметить, что калмыки, добиваясь принятия в состав России, не порывали своих политических и религиозных связей с Джунгарией, полагая себя, очевидно, составной частью всего ойратского общества. Истоки этой тенденции могут быть поняты, если принять во внимание специфическую природу межфеодальных отношений кочевых народов, для которых характерными были "когда вооруженные столкновения перемежались отношениями политического и военного сотрудничества, династическими браками и союзами, когда вчерашние противники становились союзниками, а союзники – противниками".[3]

Вследствие этого, калмыки постоянно были в курсе политической жизни всего монгольского общества, а некоторые калмыцкие ханы (Шукур-Дайчин, Аюка-Хан) после возведения в ханский титул русскими царями, посылали посольства к тибетскому Далай-ламе для получения благословения. Более того, калмыки, оказавшись в пределах России из-за отмеченной выше территориальной проблемы и феодальных распрей, возможно, не оставляли надежд при благоприятных обстоятельствах возвратиться в родные кочевья.

Но к середине 30-х годов XVII столетия Южная Монголия подверглась нападению и полному захвату со стороны маньчжурских феодалов, организовавшихся к тому времени в грозное военно-феодальное государство и начавших безудержную экспансию на соседние с ними народы. Никогда ранее монгольское общество не оказывалось в тисках столь острых и многочисленных проблем внутреннего и внешнего характера.

Скорейшее урегулирование их перед лицом маньчжурской агрессии выдвигало настоятельную необходимость консолидации Западной и Северной Монголии, организации коллективного отпора, чтобы защитить независимое существование. Наиболее дальновидные и реалистически мыслившие

представители высшей нойонской знати, сознавая всю пагубность междоусобиц и опасность маньчжурской угрозы для их независимости, стремились к объединению всех ойрато-халхаских народов, созданию крепкого, прежде всего, военно-политического союза.

Данное стремление было настолько жизненно важным, что, в конце концов, привело к необходимости встречи ведущих ойрато-халхаских нойонов, чтобы переговорами посредством личного контакта прийти к взаимному согласию и обусловить единство действий.

В прекращении межмонгольских феодальных распрей и сплочении сил Западной и Северной Монголии было заинтересовано и буддийское духовенство. Это объяснялось тем, что в конце XVI века монгольской знатью буддизм был признан господствующей религией взамен шаманизму. В связи с этим буддисты рассчитывали создать централизованное монгольское государство под религиозной эгидой Тибета. Поэтому эмиссары Далай-ламы, в частности, общеизвестный Зая-Пандит с тремя советниками проявляли высокую активность, разъезжая по ойратским и халхаским кочевьям и призывая к единству. В результате усилий определенных кругов светской знати и под давлением духовных наставников представители высшей знати Западной и Северной Монголии в начале сентября 1640 года съехались на объединительный съезд. От калмыков участвовали Хо - Орлюк и его старший сын Шукур-Дайчин.

В ходе переговоров участники этого съезда "проявили заинтересованность в аннулировании старых споров и взаимных претензий, расчистив таким образом почву для новых, добрососедских и даже союзнических отношений между феодалами Халхи и Джунгарии".[4] В подтверждение тенденции к союзничеству они дали клятву о прекращении вражды, о политическом единстве, о совместных действиях против общего неприятеля, в частности, маньчжуров.

Примечательным событием, имевшим место в работе

данного съезда, несомненно, является принятие свода законов, вошедших в историческую литературу под названием Цааджин-Бичик (Степное Уложение, Устав взысканий).

Дата принятия последнего указана в тексте –"...в благополучный день 5-го числа среднего осеннего месяца, в год, называемый "богатырь-железо-дракон" (1640), князья сорока и четырех, ...положив начало, написали"....[5]

Изучив содержание законов и сопоставив их с историческими фактами, нашедшими отражение в трудах различных авторов-калмыковедов, можно сказать, что причины принятия Цааджин-Бичик могли быть обусловлены следующими обстоятельствами. Во-первых, участники съезда 1640 года, очевидно, ясно сознавали невозможность неукоснительного соблюдения достигнутых соглашений о союзничестве и добрососедстве без мер принуждения к их нарушителям, которые могли быть применены на определенной основе, носившей бы характер закона. Поэтому в Цааджин-Бичик были предусмотрены нормы об ответственности за нарушение межмонгольского мира, возобновление нападений с целью отгона скота и захвата людей и невыполнение союзнических обязательств о совместном выступлении в целях организации коллективного отпора внешнему неприятелю.

В частности, на эту причину указывал и дореволюционный исследователь истории калмыков Ф. Бюллер: "Поводом к составлению этого уложения были, как само содержание показывает, намерение утвердить на прочном основании ослабевший тогда политический союз ойратства, сознание настоятельной потребности действовать за одно как в деле нападения, так и в случае собственной обороны, водворить безопасность в улусах и постановить взыскание за всякое преступление, его нарушающее".[6]

Во-вторых, глобальное распространение буддизма среди народов Западной и Северной Монголии и превращение его в идеологическую опору феодального строя обязывало светскую знать официально признать за буддизмом роль гос-

подствующей религии и обеспечить правовую охрану ее моральных и материальных интересов. Это и явилось побудительным мотивом к разработке и включению в Цааджин-Бичик норм, определяющих круг деяний, признаваемых преступными посягательствами на основы буддистской церкви. Следовательно, Цааджин-Бичик, как сборник права, принятый столь представительным съездом, должен был окончательно утвердить буддизм официальной религией Джунгарии и Халха-Монголии, определить ее правовое положение как важнейшего элемента политической надстройки монгольского общества того времени и низвести шаманизм.

В-третьих. Исследования советских и монгольских ученых, основанные на разнообразных конкретно-исторических материалах, убедительно подтверждают бесспорность факта господства феодальных отношений в XVI–XVII веках в общественной жизни монгольских народов.[7] Естественно, что эти отношения являлись непосредственным отражением бытовавшего в их среде феодального способа производства. Следовательно, общественный строй народов Западной и Северной Монголии рассматриваемого периода был феодальным. Процесс развития феодальных отношений углублял и обострял сословную дифференциацию и наиболее рельефно подчеркивал политическое господство класса нойонов.

Подобная эволюция общественных отношений не могла не ставить перед феодально-нойонской знатью задачу законодательного оформления своих классовых феодальных прав и привилегий и необходимость фиксации их в форме свода права. Воплощению в реальность данной цели должен был служить Цааджин-Бичик. На данную направленность его законов указывал и видный советский монголовед И. Златкин: “В их основе лежала цель...укрепить феодальные порядки и власть ханов и князей...”.[8]

В-четвертых. То обстоятельство, что “сие... великое право постановили и утвердили...”[9] представители социальной элиты халхасцев и ойратов, прямо показывает на его пред-

полагаемую сферу действия. Исходя из этого, можно сделать вывод, что участники съезда 1640 года в силу принятых союзнических обязательств, вероятно, рассматривали Западную и Северную Монголии как целостную политико-административную федерацию, состоящую из отдельных автономных ханств и княжеств, с единообразным правовым режимом. Верховным законодательным и руководящим органом мог выступать периодически созываемый съезд высшей знати.

Поэтому вполне понятно, что съезд 1640 года стремился санкционировать применение в ойратских и халхаских улусах единых правовых норм, направленных на защиту сложившегося политического союза, и которые бы укрепляли силу и авторитет светской и духовной знати, охраняли их частную собственность и удерживали бы в повиновении массы албату (простолюдины). А это невозможно было без утверждения рассматриваемого свода Законов по следующим причинам.

До 1640 года в общественной сфере монголоязычных народов правовые отношения регулировались преимущественно многочисленными правовыми обычаями, составлявшими устное обычное право, и некоторыми писаными уголовными законами, совокупность которых известна в истории как Цааджин-Бичик, т. е. устав взысканий. Видный исследователь быта калмыков академик П. Паллас отмечал: "... у калмыков и монголов в древние эпохи совместной их кочевой жизни на зюнгарских равнинах и плоскогорьях существовали не только устные народные обычаи, но и действовал особый уголовный устав, известный под титулом Цааджин-Бичик".[10] Этот вывод подтверждал и такой специалист по монгольскому обычному праву, как Я. Гурлянд: "...у ойратов до 1640 года существовали законы, самостоятельно выработавшиеся от Ясы Чингис-хана и основанные на обычном праве".[11] При таком состоянии законности цель принятия Цааджин-Бичик заключалась также и в том, чтобы многообразные и волюнтаритивно применявшиеся правовые обычаи заключить по-

средством отбора в строго очерченные рамки конкретизированного законодательства.

Унифицируя свое законодательство и судебную систему, феодалы Западной и Северной Монголии также преследовали ликвидацию правового партикуляризма, бывшего характерным в ту эпоху для кочевых народов, не имевших постоянных, устоявшихся экономических и торговых связей и единой государственной власти. С другой стороны, функционирование единого правового режима на всей территории должно было явиться весомым свидетельством политической "респектабельности" халха-джунгарского союза.

Таким образом, вышеизложенное дает основание констатировать, что принятие Цааджин-Бичик 1640 года было продиктовано влиянием внешнеполитических событий и внутренней логикой развития монгольского общества начала XVII века. А сам свод законов явился продуктом и отражением политической, социальной и экономической жизни ойратских и халхаских народов в период развития феодализма.

Ценность Цааджин-Бичик, по выражению синолога И. Бичурина, заключается в том, что оно "Есть зеркало, на поверхности коего со всей ясностью изображаются нравы, обычаи, образ мыслей, способы жизни и степень просвещения монгольского народа".[12]

Данный свод законов, раскрывая черты общественного строя и социально-экономических отношений народов Западной и Северной Монголии того периода, служит важнейшим фундаментальным пособием как для изучения истории калмыцкого народа вообще, так и истории его права, в частности.

Действие Цааджин-Бичик среди калмыков, вошедших в состав России, объяснялось тем, что "первые калмыцкие ханы Хо-Урлюк и сын его Шукур-Дайчин принимали участие в утверждении ойратского устава, их подписи имеются под уставом. Несомненно, они привезли в волжские степи Цааджин-Бичик, как называли ойраты свой устав".[13] Пос-

ледний, по мнению профессора В. Рязановского, считался "основным писаным источником обычного права калмыков"[14] и, вследствие этого, в течение почти двух столетий являлся важнейшим правовым регулятором их общественной жизни. В особенности велико научное значение рассматриваемого сборника законов как юридического источника обычного права калмыков второй половины XVII–XVIII веков.

Цааджин-Бичик представляет из себя свод уголовных, военных, церковных, гражданских, семейно-брачных и процессуальных законов. Вместе с тем, "будучи устроено потребностям времени и кочевого быта племен, кочующих при наклонности к скотоводству и наездам, содержание этого законоположения – преимущественно уголовное", – отмечал Ф. Бюллер.[15]

На уголовных нормах Цааджин-Бичик преимущественно формировалось уголовно-правовое воззрение калмыцкого феодального общества. Данные нормы с учетом уровня развития степных законодателей и их техники правотворчества, естественно, не представляли систематизированного и законченного законодательства. Но, тем не менее, содержание этих норм в своей совокупности в достаточной степени раскрывали классовую служебную роль феодального уголовного права, его основные институты и определяли четкие контуры сущности уголовно-правового преследования.

В соответствии с положениями этого свода законов устанавливались понятие преступного, основания наступления уголовной ответственности, формы вины, обстоятельства, отягчавшие или смягчавшие ее, а также разрешались вопросы соучастия и прикосновенности к преступлению. Нормы рассматриваемого свода законов предусматривали ответственность за деяния, которые имели место в ойратском и халхаском обществе XVII века и признавались феодально-нойонским классом, посягающим на их политические, сословные и экономические интересы.

Кроме того, при классификации преступлений наибо-

лее характерно проявилась казуистичность (детализация) права периода феодализма, в особенности, в вопросах ответственности за нанесение телесных повреждений, кражу скота, предметов воинского снаряжения, домашнего обихода и за ряд других.

Устанавливая составы преступлений, Цааджин-Бичик за каждый из них предусматривал соответствующую меру наказания, которая должна была явиться наиболее острой и репрессивной формой принуждения. В качестве видов наказаний применялись смертная казнь, телесные и позорящие наказания, разорение (конфискация), штрафы, выкупы и другие. Данная система наказаний отличалась определенной специфичностью, природа которой зижделась на особенностях тех социально-экономических отношений, продуктом которых являлся данный свод законов.

Рассматривая Цааджин-Бичик как юридический памятник истории монголо-калмыцкого права, нельзя не акцентировать внимание на особом своеобразии его уголовно-правовых и процессуальных норм в целом. Это своеобразие – продукт процессов социально-экономического и политического развития ойрато-халхаского общества XVII столетия, обусловленного сущностью и отличительными особенностями развивающегося кочевого феодализма. Отмечаемое своеобразие уголовно-правовых норм было обусловлено также особенностями отражаемого ими национального быта и психологического склада народов Западной и Северной Монголии. Вместе с тем, эти нормы, соответствовавшие с точки зрения калмыцкой феодальной верхушки структуре их национальной жизни, в полной мере обеспечивали выгодный и угодный им правопорядок и проведение уголовно-репрессивной политики, отвечавшей их социально-политическим целям.

Тот факт, что уголовно-правовые и процессуальные нормы Цааджин-Бичик, являясь примером достоинств и недостатков правотворчества кочевых законодателей, в середине XVIII и в начале XIX веков выступали в качестве исход-

ной базы для дальнейшего развития калмыцкого права – есть свидетельство стойкой приверженности калмыцкой знати к данному памятнику права. Истоки подобного преклонения объяснялись, очевидно, стремлением законодательным путем сохранить те атрибуты национальной общественной жизни, которые были освящены незапамятною стариною и поддерживали в среде калмыков, принявших подданство России, близкий им по образу жизни монгольский быт.

Таким образом, изложенное выше подчеркивает то особое место, которое занимает описываемый свод законов в ряду других юридических источников исследуемого права.

Следует признать, что всестороннему изучению Цааджин-Бичик, как редкого в научном отношении сборника права кочевых народов, и по настоящее время не уделено должного внимания, которое оно, несомненно,заслуживает как уникальный регулятор правовых отношений монгольских народов, в том числе, и калмыцкого народа, в течение нескольких столетий.

Этим объясняется, что, несмотря на наличие ряд работ, по преимуществу дореволюционных русских исследователей, посвященных анализу вопросов, связанных с историей и правовым содержанием Цааджин-Бичик, по некоторым важным положениям и по настоящее время не имеется единой точки зрения.

Хотя в задачу настоящей работы и не входит специальное исследование этого свода законов, тем не менее, автор считает необходимым в познавательных целях высказать свое мнение по отдельным спорным вопросам. Некоторые исследователи высказали мнение о разработке этого свода законов главою одного из ойратских подразделений – чоросским Эрдени-Батуром-хунтайджи. Съезд же 1640 года только рассмотрел и принял его.

Так, Бичурин прямо утверждал, что данный глава чороссов “составил Степное Уложение для кочевого управления по делам военным, уголовным и гражданским...”, кото-

рые были затем "общим согласием"[16] утверждены на съезде 1640 года. Говоря о деятельности Эрдени -Батура-хунтайджи, Ф. Бюллер указывал, что он "составил из древних степных обычаев суда, по возможности, полное уложение".[17] Есть основание думать, что автором проекта сборника является известный степной политик Батур-хунтайджи...", – полагал Я. Гурлянд.[18]

Данное мнение нашло своих приверженцев и среди российских калмыковедов. В частности, профессор Н. Пальмов категорично утверждал, что Батур-хунтайджи "подготовил к сейму и сам кодекс законов".[19] Однако, в обоснование этого он не сделал ссылок на соответствующие источники.

Но подобные утверждения не могут быть признаны достоверными, поскольку они носят характер предположений, не подкрепленных реальными историческими фактами. Указанные выше авторы, по-видимому, основывали свои выводы на той роли, которую сыграл Батур-хунтайджи в созыве и проведении съезда 1640 года и на фактах, что ряд положений свода 1640 года были постановлены в его интересах.

Действительно, инициатива созыва съезда 1640 года исходила от главы чороссов и он играл видную роль в консолидации ойратов и халхасцев. Однако, это не дает оснований для безоговорочного признания его единоличным составителем Цааджин-Бичик.

Опровергая мнения Бичурина, Бюллера и других, профессор Ф. Леонтович писал, что "нет никаких данных утверждать с достоверностью, что устав действительно составлен Батуром, а роль же съезда монгольских вождей ограничилась лишь утверждением и принятием".[20]

С этим нельзя не согласиться при настоящем положении изученности Цааджин-Бичик. Поэтому будет правильным полагать, что Цааджин-Бичик 1640 года является коллективным трудом представителей высшей знати Джунгарии и Халха-Монголии, что и было зафиксировано с их общего согласия в самом сборнике. Что же касается роли Эрдени -Батура-

хунтайджи, то, не умоляя его заслуг, можно лишь предположить, что он был одним из деятельных участников составления и принятия этого устава.

Разноречивы в литературе мнения о месте прохождения съезда 1640 года.

Ряд дореволюционных исследователей, как например, К. Костенков, И. Ровинский и П. Муллов полагали, что данный съезд состоялся в районе Сибири или Урала, т. е. на территории России. "1640 года все калмыцкие владельцы, съезжались около увалов Уральских гор, и сентября 5 дня возобновили древнее, или сочинили новое уложение", – писал, в частности, И. Ровинский.[21] Данное утверждение, несомненно, является ошибочным. Авторы подобной версии основывались лишь на факте действия Цааджин-Бичик среди калмыков, вошедших в состав России и до сороковых годов XVII века кочевавших на юге Сибири и Урала.

Профессор Ф. Леонтович пришел к выводу, что "свод монголо-ойратских законов 1640 года был составлен вне пределов России и лишь позже перенесен в нее, когда калмыки вступили в русское подданство"[22] . Следовательно, Ф. Леонтович отрицал проведение съезда 1640 года на территории России. Более конкретны указания И. Златкина , что рассматриваемый съезд состоялся "в конце лета 1640 года в Джунгарии, в районе Тарбагатая".[23] Последнее соответствует и преданию, сохранившемуся у волжских калмыков и записанному Г. Лыткиным, что "съезд 1640 года проходил в урочище Шибэгыин Улан-Бура у Тарбагатайских гор".[24]

Если же учесть, что в созыве этого съезда и разработке законов, принятых на нем, основная организаторская работа принадлежала чоросскому Эрдени-Батуру-хунтайджи, то ссылка на урочище Шибэгыин Улан-Бура у Тарбагатайских гор в Джунгарии, как на место проведения съезда 1640 года и принятия Цааджин-Бичик, является, по нашему мнению, наиболее достоверной и окончательно разрешающей спорный вопрос.

Проблемным является и то, что до настоящего времени нет единого мнения о заглавном титуле калмыцко-монгольских законов 1640 года. В этом отношении интересно то, что каждый автор любого труда, связанного с этими законами, приводит свое титульное название.

Официально русским правительством исследуемые законы именовались в основном "как древние калмыцкие постановления". Первые печатные русские переводы этих законов, опубликованные в 1776 году в журнале "Опыты трудов" и в 1828 году в журнале "Северный архив", издавались под названием "Права мунгальских и калмыцких народов". Читателям, наверное, будет небезынтересно узнать, что журнал "Опыты трудов" являлся изданием Вольного российского экономического общества, руководимого императрицей Екатериной Второй. Текст Цааджин-Бичик для опубликования в журнале представил сиятельный российский граф П. Б. Шереметьев и этот текст идентичен по содержанию "Списку Беклемишева", о котором говорилось в предисловии. А, вот, каким образом к графу Шереметьеву попал текст Цааджин-Бичик – каких-либо сведений пока не имеется. Публикация в "Северном архиве" и именно в 1828 году "Права мунгальских и калмыцких народов", по-видимому, следует увязать с тем, что российская правительственная комиссия под руководством сенатора Энгле как раз в это время занималась подготовкой проекта первого Положения об управлении калмыцким народом.

Но вернемся к предмету рассмотрения. Н. Бичурин и Г. Георги именовали рассматриваемые законы титулом "Степное Уложение". Профессор Ф. Леонтович данным законам присвоил титул "Цааджин-Бичик", т. е. устав взысканий. При этом он исходил из того, что "термин" Цааджин-Бичик издавна был общим для сборников уголовных законов у всех народов монгольского корня.[25] Профессор К. Голстунский, лично сделав перевод ойратского текста законов на русский, опубликовал их под названием "Монголо-ойратские законы 1640 года".

Наиболее близко к правильному разрешению этого вопроса, на наш взгляд, подошли М. Гольман и М. Кичиков. В своей статье “Русские переводы и списки монголо-ойратских законов 1640 года” М. Гольман предложил назвать исследуемые законы как “Великое халха-ойратское Уложение 1640 года”[26].

М. Кичиков, правильно определив национальное название этих законов – Ике Цааджи, вместе с тем дал ему перевод как “Великое уложение”[27].

В ойратских текстах, в частности, помещенном в вышеназванной работе К. Голстунского, непосредственно указывается, что сами составители этого свода законов назвали его Ике Цааджи, т. е. Великое право. Возможно, данное титульное название более соответствует действительности. Это нашло свое отражение и в первых печатных русских переводах, в которых выражение Ике Цааджи было переведено как Великое право.[28]

Рассмотренные выше вопросы, а также и другие, не менее актуальные и требующие своего разрешения, еще раз наглядно подчеркивают необходимость специального исследования законов 1640 года.

Сведения об этом памятнике права, имеющиеся в настоящее время в научном обороте, в основном содержатся в трудах русских ученых и частных лиц XVIII–XIX веков, занимавшихся по долгу службы или вследствие научного интереса изучением истории и быта монголов и калмыков. Поэтому усилия этих исследователей, направленные на научное объяснение природы и сущности монголо-калмыцких законов 1640 года, заслуживают глубокой признательности. Благодаря их кропотливому труду, тексты данных законов сохранились до наших дней и поныне вызывают к себе живейший интерес. В подтверждение представляю вниманию читателей текст Цааджин-Бичик в переводе К. Ф. Голстунского, т. к. широкому кругу читателей книги Ф. И. Леонтовича и К. Ф. Голстунского труднодоступны.

Русский перевод

Да будет благополучие!

Покланяюсь ламе Очир-Даре, соединившиму в себе три свойства, могущественно украсившемуся совершенными знамениями духовного свойства пустоты, среди моря двух собраний. Всеми руководящий Шакджамуни, соблаговоли милостиво разрешить, горячим светом, мое сомнение, от начала волнующегося (во мне)! Приклоняюсь главою к стопам высокого святителя Зункавы, вращающего в настоящее время колесо совершенного учения, владыке веры, наследия того святого тойна (т.е. Шитемуни). Молитвенно припадаю к стопам двух святителей: покравителя Далай - Ламы, сделавшегося украшением чистого снежного царства (Тибета), и Банчнь-Эрдни, представляющаго бытием (на земле), под видом красно-желтого (одеяния), будду Абиду, ради (спасения) всех одушевленных существ. Святитель, прославившийся под именем святого Инзана-Римбоче, свойство, святая мысль и сострадание которого безразличны от всех победоносных (т. е. будд), соблаговоли исполнить пользу всех. В присутствии трех святителей: Амогасидди-Манзушири, Ангхобия-Манзушири и отца Инзана-Римбоче, Шакджа-муниева тойна, в благополучный день 5 числа среднего осенняго месяца, в год, называемый "богатырь-железо-дракона" (1640), мы, князья сорока и четырех, во главе с Эрдэни - Засакту-Ханом, (а именно): Тушету-Хан, Убаши-Далай-Нойон, Далай-Хунг , Хунг-Нойон, Цецен-Нойон, Дайчин-Хунг-Тайджи, Йэльдиг-Нойон, Мерген -Нойон, Эрдни-Хунг-Тайджи, Дайбунг-Хунг-Тайджи, Тенгери-Тойн, Аюши-Хатун-Батур, Эрдни-Батур-Хунг-Тайджи, Кондолон-Убаши, Гуши-Номыйн-Хан, Орлок, Шукур-Дайчин, Йэлденг, Дайчин-Хошучи, Очирту-Тайджи, Мерген - Дайчинг, Цюкер, Цецен-Тайджи, Медечи-Тайши, Бо-Йэлденг, Мерген-Нойон и Дамарин, положив начало, написали великое уложение.

1. Если какой-либо человек, разрушив это правление

(т. е. установленный порядок управления), побъет людей и разграбит большой аймак народа, то Монголы и Ойраты должны соединиться и, оставивший только его самого (разорителя), все другое (имение) его должны взять: одну половину отдать остающимся (от разорения), остальное разделить пополам.

2. Кто разграбит небольшой пограничный аймак народа, с того взять сто панцырей, сто верблюдов и тысячу табуна; все, взятое им, должен возвратить и (при утрате) возместить людей, скот и имущество. (Сверх того) чиновный человек (штрафуется) пятью, нечиновный человек – только одною ценною (вещью).

Поколения Баргу, Батут и Хойт, находившиеся с года "огня-змеи" (1617 г.) по год "земли-дракона" (1628 г.) у Монголов, должны оставаться во владении монголов; а находившияся у Ойратов – во владении Ойратов; другия, кроме этих, (перебежавшия) семейства все должны быть выдаваемы друг другу без задержания; будет кто не выдаст, с того брать (в штраф) , за каждую душу, по двадцати табуна и по два верблюда, а самого его (перебежавшаго) выдать. Если убежит кто-либо из людей Цоктуя, находящихся у Ойратов, таковых возращать Ойратам.

Если к Монголам и Ойратам придет неприятель, должны дать известие; кто из главных смежных князей, получив такое известие; не придет (против неприятеля), с того взять (в штраф) 100 панцырей, сто верблюдов и тысячу табуна; если не придет кто из малых князей, с того взять десять панцырей, десять верблюдов и сто табуна.

Кто, противно религии, побьет (людей) и разграбит аймак, принадлежащий духовенству, с того взять сто панцырей, сто верблюдов и тысячу табуна; только за некоторое (отнятое) взять большой штраф.

Если к кому придут перебежчики, то, взявши половину (их имущества), таковых возвращать; кто (при этом) убъет человека, с того взять большой штраф.

Пеня за (украденный) скот: восемь девятков и один девяток свидетелю.

Кто из князей, давши убежище многим (беглым) людям, не выдаст их, с того взять (в штраф) сто панцырей, сто верблюдов и тысячу табуна, (сверх того) должен получить половину (владелец тех людей).

Знатный и близкий родственник, находившийся в руках духовенства, выкупается пятью (скотинами), а низкаго сословия душа выкупается двумя (скотинами) или одною ценною. Из десяти человек (в пользу истца) должен получить одного (посланный по делу).

Никто не должен отступать от этого закона. При нарушении, если нарушат его главные князья, с таковых брать по десяти верблюдов и по сто табуна; если нарушат князья из раздела Мэргэн - Дайчин и Цюкера, то с таковых брать по пяти верблюдов и по пятидесяти табуна; если нарушат малые князья, то с таковых брать по три девятка с верблюдом во главе; если нарушат табунанги и четыре главных сановника (управителя), с них брать по два девятка с верблюдом во главе; если нарушат улусные чиновники, брать с них по девятку с верблюдом во главе.

Если, под каким-либо предлогом, убегут от неприятеля главные князья, то с таковых брать по сто панцырей, по сто верблюдов, по пятидесяти кибиток людей (семейств) и по тысяче табуна; если убегут, под каким-либо предлогом, князья из разряда Дайчина и Цюкера, с таковых брать по пятидесяти панцырей, по пятидесяти верблюдов, по двадцати пяти кибиток, людей и по пятисот табуна; с малых князей брать по десяти панцырей, по десяти верблюдов, по десяти кибиток людей и по сто табуна; с табунангов и четырех сановников (правителей) брать по пяти панцырей, по пяти верблюдов, по пяти кибиток людей и по пятидесяти табуна; с улусных чиновников брать по три ценных (вещи), по три кибитки людей и по тридцати табуна; с знаменосцев и трубачей – как с табунангов и сановников; штраф с бывших в авангарде – как с чиновников аймака, кроме того, сняв с них военное платье и панцырь, надеть женский безрукавный камзол; с телохранителей

и придворных служителей брать по одному девятку с одной кибитки людей и военным платьем: с простых воинов брать по четыре головы лошадей с военным платьем; с одетых в шлем брать по панцырю и по три лошади; с одетых в короткий кирас брать по кирасу и по две лошади; с простолюдинов брать по колчану и по одной лошади. Кто будет спасаться бегством, надеть на того женский безрукавный камзол.

Кто (во время войны) избавит князей (от опасности), того сделать дарханом в хошуне; кто покинет (в опасности), того убить, разорить. Кто избавит (от опасности) всякого, начиная с сановников и табунангов, того награждать по вышеозначенному положению. О различии между убежавшим и спасшимся бегством узнавать через свидетелей.

Кто увидит или услышит о значительном неприятеле и не сообщит, того, изгнавши с потомками потомков, убить, разорить. Кто увидит разбойников и не сообщит, с того взять половину его скота.

Если будет тревога, то должны собираться около князей; кто услышит (тревогу) и не явится, то да будет поступлено с тем по вышеозначенному положению, но при этом необходимо знать меру близости и дальности кочевья.

Если неприятель, разграбивши кочевье, угонит табун, то тому, кто отобьет его, дать половину (отбитого) скота и имущества; если при этом (отбивший) человек умрет, то должно возместить его по положению, если умрет неотбивший (скота) человек, то братья (разоренных) должны возместить одною ценною (за каждого); кто увидит и услышит (об отгоне скота неприятелем) и не будет преследовать, за то с знатного человека взять половину его скота и имущества, с человека среднего сословия – девяток, с простого человека – пять скотин.

Непременно должно давать три законных подводы. Должно различать обязанности посланного, отправляющегося по делам веры и правления. Посланному, отправляющемуся по случаю болезни главного князя и его супруги, или по

случаю нападения великого неприятеля, должно давать подводы; буде кто не даст, того штрафовать девятью девятками.

Кто оскорбит словами цорджи, с того взять девять девятков (скота); кто оскорбит ламу, наставника князей, с того взять 5 девятков. Кто оскорбит гелюнга, с того взять три девятка; кто ударит, с того взять пять девятков. Кто оскорбит банди или шибаганцу, с того взять пять (скотин), если побьет, взять девяток. Кто оскорбит убаши и убасанцу, с того взять лошадь, если побьет, то поступить, сообразуясь с обстоятельствами.

Кто из духовных лиц самовольно нарушит принятый на себя обет, с того взять половину его скота и имущества. Кто оскорбит женившагося банди, с того взять одну лошадь, если ударит – взять вдвое.

Кто возьмет подводы у лам и банди, с того взять одну корову; кто возьмет в подводы лошадь, посвященную буддам, с того взять лошадь; если дал (такую лошадь) подводчик – взять с подводчика, если сел посланный – взять с посланного; если же сел (на такую лошадь) по неведению, то привести к присяге.

Кто оскорбит главного князя, того разорить; кто оскорбит чиновных князей или табунангов, с того взять один девяток; кто ударит, с того взять пять девятков. Кто оскорбит малых князей или табунангов, с того взять пять (скотин), если, ударивши, сильно побьет, взять три девятка, за малые побои взять два девятка.

Кто оскорбит словами придворного служителя или шуленгу, с того взять лошадь и овцу, если сильно побьет, взять девяток, за малые побои взять пять скотин. Кто из чиновных князей и табунангов, сановников (управителей), из малых князей и табунангов, дэмчеев и шуленг побьет кого - либо ради (исполнения) распоряжений, приказаний и законов государя, то в этом вины нет; если кто после побоев (в этом случае) и умрет, то и тогда в вину не ставить. Если все эти сановники побьют кого-либо только по своему высокомерию, то с тако-

вых брать за большие побои по девятку, за средние побои – по пяти (скотин) и за малые побои – по лошади.

Кто какого - либо человека, едущаго пристойно, будет бранить, произнося "голова отца и матери", и подшучивать над ним, говоря "такой сякой", с того взять лошадь.

Посланный не по общественному делу должен брать подводы только из своего аймака, если возьмет подводы, переступя (в другой аймак), за то взять с него трехлетнюю кобылу; если подводчик (посланного), взявши где - либо лошадь, не объявит о том хозяину (лошади) в тот же день, взять за то (с подводчика) овцу, а по прошествии суток взять трехлетнюю кобылу. Кто побьет посланного, с того взять девяток, кто стащит его с лошади, взять с того пять (скотин). Кто не даст подводы, или взятую отнимет силою и побьет подводчика, с того взять одну лошадь.

Кто, назвавшись посланным, будет обманным образом брать подводы и продовольствие, с того взять девяток или, давши пять ударов, взять пять скотин; если же учинит одно из этих, то взять пять (скотин).

Если у проезжаго человека изнурится от езды лошадь и кто не даст ему (в обмен) другой лошади, с того взять трехлетнюю кобылу; кто не даст ночлега, с того взять трехлетнюю кобылу; если не даст ночлега бездетная женщина, за то взять с нея ея безрукавный камзол, а буде станет приводить отговорки, привести к присяге.

Кто в заповедном месте князей будет истреблять диких коз, с того взять девяток с верблюдом во главе; кто учинит это по неведению, то в вину не ставится.

Если будет перерыв в продовольствии главных князей, то (с виновного) взять девять девятков, если будет перерыв в продовольствии для чиновных князей или табунангов, то (с виновного) взять девяток; если будет перерыв в продовольствии малых князей или табунангов, то (с виновного) взять лошадь. Кто будет есть (из продовольствия князя) неправильно (т. е. сверх дозволенного), с того взять лошадь. Кто, в шут-

ку, будет есть после полудня и ужина, с того взять лошадь.

Кто (сильно) побьет своего учителя, отца или мать, с того взять три девятка; за средние побои взять два девятка и за малые побои взять один девяток.

Если невестка (сильно) побьет своего свекра или свою свекровь, то взять с нея три девятка; за средние побои взять два девятка и за малые – взять один девяток; кроме того, если побьет сильно, дать тридцать ударов, за средние побои дать двадцать и за малые побои дать десять ударов.

Если побьют отец своего сына или свекровь свою невестку ради нравоучения, то вины в этом нет; если же побьют неправильно (безвинно), то взять с них: девяток (за большие побои), за средние (побои) пять скотин и за малые – одну лошадь. Если свекор (сильно) побьет свою невестку, то взять с него два девятка, за средние (побои) взять девяток и за малые – взять пять скотин.

Если сын убьет своего отца или свою мать, то увидевший должен схватить (убийцу) и доставить к князю, и за то имеет получить (из имущества убийцы) девяток с ценною (вещью) во главе; кроме самого (убийцы) все другое его (имущество и семья) должно быть разсеяно (отнято). Если отец убьет своего сына, то, кроме его собственной семьи, все другое его (т. е. имущество и люди) должно быть взято. Кто убьет своего раба, с того взять пять девятков; кто убьет рабыню, с того взять три девятка. Кто убьет покинутую жену свою, с того взять пять девятков. Если убьет жена жену (при двоеженстве), то должно быть поступлено с нею по закону об (убиении) человека или же, отрезавши у ней уши, отдать замуж за другого человека. Одно из этих двух, т. е. жену (отдать другому) или (получить) скот (плату за убиение) должен избрать муж.

Отец должен выделить своим сыновьям наследство по обычаю; если отец обеднеет, то из пяти скотин имеет взять по одной.

Количество скота (выкупа за невесту) при сватовстве

между чиновными князьями и табунангами полагается следующее: тридцать ценных (вещей), сто пятьдесят табуна и четыреста овец. Число скота (выкупа), которое берется между малыми князьями и табунангами, следующее: пятнадцать ценных (вещей), пятьдесят табуна и сто овец. Выдача приданого вещами зависит от количества данного скота (выкупа); уменьшение же из этого (количества) зависит от воли обеих родственных сторон.

Число скота (выкупа) за дочь демчея сорока (кибиток) полагается: пять верблюдов, двадцать пять голов крупного скота и сорок овец; имущество, которое следует дать в приданое, заключается: в десяти с воротниками (сшитое платье), в двадцати несшитых, седле, узде, шубе, безрукавном камзоле и двух лошадях; если в числе приданого будет человек, то (зять) должен отдарить верблюдом; вообще нужно отдаривать, соображаясь с количеством имущества (данного в приданое).

(Количество) скота (выкупа), которое дается и берется шуленгами двадцати (кибиток), следующее: четыре верблюда, двадцать голов крупного скота и тридцать овец; в приданое же дается: пять с воротниками (сшитых платьев), пятнадцать несшитых, лошадь и верблюд. (Зять) должен отдарить, соображаясь с количеством приданого.

Положением для придворных служителей да будет это же (количество) скота.

(Количество) скота (выкупа) между людьми среднего сословия следующее: три верблюда, пятнадцать голов крупного скота и двадцать овец; приданое состоит: из верблюда, лошади, четырех с воротниками и десяти несшитых; (зять) должен отдаривать, соображаясь с количеством приданого.

(Количество) скота (выкупа) между людьми низкаго сословия следующее: два верблюда, десять голов крупного скота и пятнадцати овец; (в приданое) должно быть дано: лошадь, верблюд, шуба, безрукавный камзол, седло и узда.

Следует брать в жены девиц, имеющих свыше четырнадцати лет; о меньшем возрасте (девицы) должны свидетель-

ствовать дэмчеи и шуленги. Кто нарушит это постановление, дочь того взять и отдать замуж без скота (т. е. без выкупа). Убиваемое для (пира) дэмчея сорока (кибиток) заключается: в четырех головах крупного скота и пяти баранах; для шуленги двадцати (кибиток) – в трех головах крупного скота и четырех баранах; для человека среднего сословия – в двух головах крупного скота и трех баранах, и для человека низкого сословия – в одной голове крупного скота и двух баранах.

Из сорока (кибиток) четыре кибитки должны ежегодно женить своих сыновей, а десять человек должны оказывать пособие для женитьбы одного; кто даст (в пособие) голову крупного скота, тот имеет получить за то из приданого (невесты) с воротником (т. е. сшитую вещь), кто даст барана, тот имеет получить несшитую, но не должны брать (ничего) из одежды невесты. Кто не даст (пособие) на женитьбу, того штрафовать двумя верблюдами, пятью лошадьми и десятью баранами.

Сорок (кибиток) ежегодно должны сделать двои латы, если не сделают, то в штраф должны быть взяты лошадь и верблюд.

О (сговоренной) девице, достигшей двадцати лет, должно сделать троекратное заявление свекру (отцу жениха); если не состоится (свадьба), то заявить об этом князю и выдать ее (за другого); кто выдаст без заявления, то данный (в выкуп) скот отобрать от отца невесты и (сверх того) поступить по слову закона (по суду).

Если девица, по случаю (сговора) которой было уже пиршество (свадьба), умрет, то приданое ея должно быть выдано (мужу); если то будет девица, по случаю (сговора) которой еще не было пиршества (свадьбы), то (жених) имеет получить половину его скота (т. е. выкупа); если дал шлем, или латы, или панцырь, то имеет получить: за шлем пять (скотин), за латы или панцырь девяток с верблюдом во главе; если дал ружье, имеет получить за него пять (скотин).

Кто украдет латы и панцырь, с того взять десять девятков; кто украдет латы, с того взять три девятка; кто украдет кирас, с того взять три девятка; кто украдет шлем, с того взять один девяток; кто украдет ружье, с того взять один девяток; кто украдет хорошие меч и саблю, с того взять девяток, за плохие – пять (скотин); кто украдет копье, с того взять: за хорошее – три лошади, за плохие – лошадь; кто украдет хорошие лук и колчан с десятью стрелами, с того взять три девятка, если колчан и лук будут посредственные, то взять девяток; за плохие колчан и лук козу с козленком.

Если (девица) просватана, то штрафуется сват (отец невесты), если (девица) не просватана, то сват не штрафуется. Если родители по соглашению, сговоренную дочь свою выдают замуж за другаго, за то брать: с знатных по пяти девятков с верблюдом во главе; с среднего сословия – по три девятка с верблюдом во главе, и с низкаго сословия по девятку с верблюдом во главе, и (первый жених) имеет взять свою жену (т. е. невесту) с данным за нею (в выкуп) скотом). Если это сделается без (согласия) родителей, то должно поступить по тройному штрафу, (при чем) о невиновности родителей должно разузнать чрез присягу. Этот (тройной) штраф следует взять со (втораго) жениха и им должен воспользоваться отец выданной девицы.

Если взятый на воспитание мальчик, по расположению, уйдет (от воспитателя) к своему (родному) отцу, то мальчик не выкупается) но может уйти только один, жену же и детей своих должен выкупить. Взятая на воспитание девица должна быть в распоряжении того, кто ее воспитывал; скотом (т. е. выкупом при выдаче замуж) пользуются наравне (отец и воспитатель), а также и приданое должны давать поровну.

Кто подговорит бежать с собою несговоренную девицу, за то брать: с знатного человека по семи (скотин), с человека среднего сословия по пяти и с человека низкаго сословия по одному верблюду.

Человек, перешедший от другого владельца, возвра-

щается в место своего (прежнего) жительства, как пришел (с принесенным имуществом). Если родственники того князя, у котораго (перешедший) приютился, что-либо дадут, то из этого взять (при возвращении) половину, а равно и половину скота, приобретенного им самим.

Если умрет (скотина) от укушения бешеною собакою, то (с хозяина собаки) взять за то одну (скотину) из пяти; если умрет человек, то взять: за знатного человека девяток, за человека среднего сословия семь (скотин) и за человека низкаго сословия пять. Если бешеный человек убьет человека, то имущества (его) разделить пополам (взять половину его имущества), при чем нужно сообразить обстоятельства (т. е. рассмотреть судом). Если (бешеный человек), в следствии того, что постоянно причинял вред, будет убит, то вины в том нет.

Если в ущелье гор умрет человек (от скота, ходящаго) с хозяином, то (с хозяина скота) взять за то: за знатного человека девяток с ценною (вещью) во главе, за (человека) среднего сословия пять (скотин) и (за человека) низкаго сословия одну ценную; если скот был без хозяина и не пасся (т. е. бродил), то (наследники убитаго) из того скота имеют взять одну (скотину).

Если искраденные верблюды, быки и жеребцы побьются (до смерти), то платежа не полагается.

Если ходящий на свободе скот убьет человека, то да будет поступлено по закону об ущелье (т. е. об убиении скотом без хозяина). Если лошадь, на которой кто-либо ехал, убьет человека, то да будет поступлено по закону об ущелье с хозяином (т. е. об убиении в ущелье скотом, при котором был хозяин).

Кто, защищая жизнь, убьет на войне мужа (главное лицо), тот имеет взять его жену (в награду). Кто убьет человека, одетаго в панцырь, тот имеет взять его панцырь (в награду), следующий за ним (т.е. соучастник) имеет взять по выбору или латы или шлем, а следующий за этим имеет взять соответственно раннему или позднему его прибытию (т. е. что застанет); если убьет голаго (без панцыря) человека, то должно

быть поступлено по первому положению (т. е. взять жену убитаго).

Кто, защитив (жизнь) бегущаго (от неприятеля) человека, освободит его, тот имеет получить две лошади и панцырь, кто освободит человека, прорвавшагося (к неприятелю), тот из большой добычи имеет получить девяток с ценной (вещью). Если (на войне) умрет человек, выпрошенный у князя в услужение, то, если будет добыча, (убитый) должен быть возмещен девятком с ценною.

Если в походе будет добыча, то застрелить лошадь перваго человека (т. е. первым бросившагося на добычу); (кроме того) человек (захвативший) тот скот должен сполна его возвратить и заплатить девяток (штрафу). Кто, до трех суток, что-либо (из добычи) украдет, с того взять пять (скотин); следующий за тем (по времени кражи) должен быть подвергнут пене (как за кражу). Кто на войне, по ошибке, убьет союзника, и если свидетели это подтвердят, то (с убившаго) взять один девяток; если (свидетели) скажут, что это неправда, то взять три девятка.

Если (на облаве) диких коз (от чьего-либо выстрела) нечаянно умрет человек, то (с выстрелившаго) взять половину пени, т. е. взять по вышеозначенному положению (об убиении) человека.

Кто лишит кого - либо шести членов, с того взять пять девятков с ценною; кто лишит большого или указательного пальца, с того взять два девятка, и пять скотин, за лишение средняго пальца взять девяток, за лишение безымянного пальца взять пять (скотин), за мизинец взять три (скотины). Кто выздоровеет (бывши ранен), тот имеет взять (с ранившаго) девяток с ценною; если покажется немного крови (будет легко ранен), имеет взять пять, если же (выстрел) коснется платья (будет прострел), имеет взять одну лошадь. Если (от чьего - либо выстрела) нечаянно умрет лошадь, то (хозяин убитой лошади) имеет взять (с выстрелившаго) лошадь, достоинством его (убитой) лошади, и воспользоваться мясом; если же мясом не

воспользуется, то имеет за то взять толстую лошадь (т. е. лошадь свыше четырех лет).

Кто в кочевье, с котораго откочевали, погасит (оставшийся) огонь, тот и имеет получить за то овцу. Кто спасет человека, долженствующаго умереть от пожара или воды, тот имеет получить пять (скотин). Кто, желая помочь другому, сам погибнет от пожара или воды, то (наследники погибшаго) имеют получить девяток с ценною; если при этом погибнет лошадь, на которой ехал (помогавший), то имеет получить возмещение (такою же лошадью) с ценною. За (спасение) раба, или лат, или панцыря имеют получить по одной лошади за каждое. Кто вытащит латы или панцырь, тот имеет получить (с хозяина) лошадь и овцу. Если вытащат юрту с вещами и имуществом, за то имеют получить (с хозяина) лошадь и корову, и разделить между собою. Кто спасет от пожара несколько стад скота, за то из многаго (количества) имеет получить две (скотины), а из малого (количества) одну скотину; впрочем, должно выделить, соображаясь со временем и обстоятельствами.

Кто, по ненависти, произведет пожар, с тем должно быть поступлено очень строго; если (при этом) будет убит знатный человек, то (поджигатель) должен быть разорен; если будет убит человек среднего сословия, то взять (с поджигателя) триста скотин и тридцать ценных; за убиение человека низкаго сословия взять пятнадцать девятков с ценною (вещью) во главе.

Законы о краже. Должно брать штраф (за кражу): верблюда по пятнадцати девятков, мерина и жеребца по десяти девятков, кобылы по восьми девятков; коровы, двухгодовалаго жеребенка и овцы – по шести девятков. Верблюд должен входить в число девятка. Сколько украдено, столько мер и брать (с вора); кто возьмет лишнее, то (с вора) половина пени, а хозяин скота должен получить в возмещение только вдвое: за приплод, после цаган-сара брать по одной лошади. Кто захватит имение (вора), не доведя об этом до сведения князя, то,

за (выделом) расхода на князя и того, что должен получить (за труды) посланный (по этому делу), хозяин (краденаго скота) имеет получить возмещение вдвое (против покраденнаго).

О приводе следов. Привод следов должен быть рассматриваем в трех отношениях: при ведении следа, если след будет доведен, в присутствии знатных свидетелей, до конца, то тогда должно быть поступлено по закону (о воровстве); если при этом не будет знатных свидетелей, то дознать чрез расследование (судом); но если след будет приведен (только потерпевшим), то следует привести к присяге старшину того кочевья, или же, в замен этого, (старшина) должен указывать кочевья человека, учинившаго кражу, и таковой должен быть наказан. Старшина кочевья (аула) должен присягать в присутствии улусных властей, улусные власти дают присягу в присутствии князя; хотя бы старшина кочевья оказался правым, то все-таки взять с него девяток с ценною за нераспорядительность.

О долгах. Относительно долга (кредитор) должен заявить три раза при свидетелях и (затем) взять (что - либо); при заявлении, должен заявить шуленге; если не будет (заявлено) шуленге, то взять его (кредитора) лошадь. Если (кредитор), не объявивши, возьмет (у должника) что - либо днем, то долг его пропадает, если, не объявивши возьмет что-либо ночью, то штрафуется девятком (кроме лишения долгу). Долги, касающиеся Була-Тайши, уничтожаются. Если женщина, привезя вино и барана; взяла что-либо (в долг), то долг уничтожается; если же долгу было много, то (долг) должен быть половинным (т. е. отдать половину долга).

О заблудившемся (бродячем скоте) скоте следует объявить по прошествии трех суток и затем можно на нем ездить; кто не объявивши в течении (трех) суток, будет ездить (на таком скоте), с того (хозяин скота) имеет взять за то трехлетнюю кобылу; с положившаго на ушах (чужаго скота) свою метку, имеет взять девяток, с остригшаго имеет взять пять (скотин); если же это будет сделано по объявлении, то в вину не

ставится. Захвативший бродячий (без хозяина) скот должен отдать его шуленге, а шуленга должен передать кийре; (вообще) захвативший (чужой скот) должен передать его шуленге или кийре; а кто не передаст, с того взять вдвое. Если будут спрашивать (о таком скоте) и кто скроет, с того взять девяток. Кто (захваченный) бродячий скот передаст дальнему человеку, с тем должно быть поступлено по закону (о краже); кто передаст близкому (по местожительству) человеку, с того взять три девятка. Кто воспользуется падалью, не объявивши об этом, с того взять семь (скотин).

Если женщина, по влечению к постороннему человеку и по обоюдному желанию, учинит блуд, то с женщины взять за то четыре (скотины), а с мужчины взять пять (скотин); если же женщина не имела желания и (мужчина) учинил с нею (блуд) силою, то с мужчины взять за то девяток; за (насилование) рабы взять одну лошадь, а если было на то желание, то в вину не ставить. Если девушка ляжет спать (с мужчиной) против своего желания, то взять (с мужчины) два девятка, а если было на то и ея желание, то взять один девяток.

Кто будет заниматься скотоложством, то человек, увидевший это, должен отнять скотину, а хозяин той скотины имеет получить с того преступного человека пять (скотин).

Кто, во время ссоры (драки) двух (партий), будет помогать и при этом умрет (т. е. будет убит), то (с убившаго) взять девяток с ценною; сколько человек помогали, столько голов лошадей у них (обиженные) имеют взять.

Кто острым мечем (оружием) кого-либо разсечет, кольнет или стрельнет, с того взять, если будет большая (рана), пять девятков, если будет средняя (рана), взять три девятка, если будет малая – взять девяток; если только кольнет, то взять одну лошадь; если обнажит, то обнаженную вещь взять, кто, схвативши, остановит, тот имеет получить лошадь.

Кто сильно побьет кого-либо деревом или камнем, с того взять девяток с ценною, за средние (побои) взять лошадь и овцу, за малые – взять трехлетнюю кобылу. Кто сильно по-

бьет кого - либо кулаком или нагайкой, с того взять пять (скотин); за средние (побои) взять лошадь и овцу, за малые – взять трехлетнего жеребенка.

Кто издерет на ком-либо платье, с того взять двухлетнего жеребенка; кисть на шапке и коса имеют (цену) пяти (скотин); (за выдрание) бороды взять лошадь и овцу. Кто знатному человеку плюнет в лицо, или бросит в него землей, или ударит по голове его лошадь, или стащит его (с лошади) за полу, с того взять лошадь, за все сделанное в совокупности взять лошадь и две овцы; если будут учинены два из них (т. е. два действия), за то взять лошадь и овцу; (за учинение) онаго человеку низкаго сословия взять овцу с ягненком. Кто вырвет у женщины волосы или кисть на шапке, с того взять девяток. Кто будет причиною выкидыша дитяти, с того взять столько девятков, сколько месяцев было (выкидышу). Кто возьмет за груди (девицу) или поцелует ее, тому дать щелчок по срамному месту; если девица будет иметь больше десяти лет, то полагается штраф, если меньше – то штрафа не полагается. За (повреждение) больного глаза, шатающагося или режущагося зуба, (т. е. такого зуба, вместо котораго еще вырастает другой) взять пять скотин; если хорошие глаз и зуб были неповрежденными, то взять половину (пени за убийство человека). Если в игре кто - либо умрет (будет убит), то (наследники убитаго) имеют взять (с убившаго) столько голов скота, сколько было (участвовавших) в игре; за толстаго (возмужалого) человека имеет взять ценную. Если в игре было двое и один из них умрет (будет убит), то (с убившаго) имеют взять девяток; если умрет (будет убит) и будет скрыт, то взять три девятка. Кто в игре повредит кому - либо глаз, или зуб, или руку, или ногу и, лечивши, вылечит, то в вину не ставится: если же оставит (лечение) взять пять (скотин).

Кто злонамеренному человеку, потворствуя, даст подводы и продовольствие, с того взять семь девятков (скота); если (этот злонамеренный человек), пред побегом, оставил в чьем - либо доме свое имущество или скот, тот (у кого остав-

лена) это скроет и не выдаст, то взять с онаго три девятка.

За кражу шелкового тулупа, собольей шубы, тигрового, леопардоваго и выдроваго ковра, шелковой на вате куртки и горностаевой шубы полагается (штраф) в пять девятков; (за кражу) волчьей, лисьей, корсачьей, росомашьей или бобровой шубы и ковра полагается (штраф) в три девятка; (за кражу) хорошаго тулупа или тигровой, леопардовой (шкуры) или хорошаго сукна, или сафьяна, или выдравой (шкуры), или шелковаго халата полагается (штраф) в девяток; (за кражу) волчьей, или рысьей, или росомашьей, или бобровой (шкуры), полотнянаго халата, или среднего достоинства тулупа полагается (штраф) в семь (скотин); (за кражу шкуры) соболя, лисицы, белки, корсака, манула (род лисицы, живущей в горах), дикой кошки и горностая, и особенно (за шкуры) малых зверей брать (в штраф): за большия (шкуры) по трехлетней кобыле, а за малыя по овце. (За кражу) зверя, попавшего в капкан должно быть поступлено по (положению о (краже) тех (вышеуказанных предметов); (за кражу) хороших, в серебряной оправе, седла, узды и пахвей должно быть поступлено по положению о (краже) собольей шубы; (за кражу) средняго достоинства, в серебряной оправе, седла, узды и пахвей должно быть поступлено по положению о (краже) волчьей и росомашьей (шкуры); (за кражу) молотка, наковальни и шипцов полагается (штраф) в девяток, но при этом нужно дознать, чрез расследование, хороши или нехороши (были эти вещи).

Если от самострела, о (месте постановки) которого было объявлено, умрет человек, то (хозяин самострела) должен возместить (умершаго) одною ценною (вещью); если же выздоровеет, то в вину не ставится. Если человек умрет от самострела о (постановке которого) хотя и было объявлено, (но поставленнаго) украдкой (т. е. в неизвестном месте), то (хозяин самострела) должен быть штрафован тремя девятками: если же помучившись, выздоровеет, то (с хозяйна) взять бульон (т. е. довольствие за время болезни) и лошадь. Если человек умрет от самострела (о постановке котораго не было

объявлено, то (хозяин самострела) должен быть штрафован пятью девятками; если (пострадавший) выздоровеет, то имеет взять пять (скотин). Если (о самостреле), о (постановке) которого не было объявлено, умрет какая-либо скотина, то (хозяин самострела) обязан возместить в количестве (умершаго) скота; если (о месте постановки самострела) было объявлено, то в вину не ставится. Если от самострела умрет какой зверь, то им должен воспользоваться хозяин (самострела); кто воспользуется (чужим) зверем, объявивши о том, то (воспользовавшийся) должен зверя возместить (когда сыщется хозяин): должен отдать по количеству и по одной только (скотине за зверя); если кто (воспользуется) не объявивши, то (хозяин зверя) имеет взять с того пять (скотин за зверя).

Кто освободит овец от волка, который их режет, тот имеет получить (с хозяина овец) живую и зарезанную (волком) овцу, (за число) меньше десяти (овец) имеет получить пять стрел; кто воспользуется убитою (волком) падалью, с того (хозяин) имеет получить трехлетнюю кобылу.

Кто вытащит из грязи верблюда, тот имеет получить трехлетнюю кобылу; за лошадь имеет получить овцу, за корову – пять стрел, за овцу – две стрелы.

Кто, леча вылечит (больного человека, родильницу и обмершаго от задавления), тому должно дать то, что было обещано; если ничего не было обещано, то дать лошадь.

Когда кто-либо, отправившись в гости, на войну или на ловлю зверей, в дороге лишится животного, на котором ехал, то тот человек, который ему поможет и доставит до дому, имеет получить за то лошадь.

Если двое подсудимых на суде будут заявлять (один на другого) о встречных преступлениях, то таковыя уничтожать (не принимая во внимание); если же относительно заявления встречных преступлений будут свидетели, то об этом дознать через расследование.

Если простаго звания одинокий человек не имеет у себя скота, то относительно (удостоверения в неимуществе) скота (в случае кражи) следует привести к присяге его шуленгу, а самого его (вора) должны выдать.

Кто не даст кумысу (для утоления жажды), с того взять овцу; кто силою отнимет вино, с того взять его лошадь с седлом. Кто разломает юрту, с того взять лошадь; кто воткнет дерево в очаг (где горит огонь), и если (очаг будет в юрте) княжеской, то взять с того шесть девятков; если же (очаг) будет (в юрте) подданного человека, то взять девяток.

Скот убитый, шутя (т. е. в игре), должен быть возмещен по количеству (т. е. сколько убито), и сверх того (хозяин убитаго скота) имеет взять его (убившаго) лошадь; но при этом следует дознать чрез расследование: была ли то шутка или нет.

Кто захватит (чей-либо) заблудившийся скот, назвав его своим, то (хозяин скота) имеет взять с того пять (скотин).

Кто взведет на кого-либо клевету и захватит его имущество, говоря, что он совершил кражу, а впоследствии будет дознано, (что это была клевета), то если, вследствие клеветы, был взять штраф, да будет, за то, оштрафован (клеветник) и (оклеветанный) имеет взять (с клеветника) свой скот, который был отобран у него через клевету.

Если вор принесет и подкинет к (чужому) улусу внутренности (зарезанного им скота), то владелец улуса имеет взять (с вора) девяток.

Когда кто-либо выслеживает следы (украденного скота), а (другие) эти следы будут уничтожать, то следует привести к присяге шуленгу; если же он присяги не примет, то перваго человека (уничтожившаго следы) штрафовать пятью (скотинами); и (вообще) сколько бы человек, при этом не было, столько голов их лошадей взять.

Если много или мало людей (т. е. артель) отправятся и (что-либо) украдут, а один из них в последствии явясь, о том объявит, то объявившему (кража) в вину не ставится, с остальных же должно быть взято все сполна; если же кто объявит (о краже) тогда, когда сделалось это известным (до его объявления), то во внимание не принимать. Кто собрав войско, отобьет вора, с того взять девяток с цепною.

Если посланный, предназначенный (к посылке), не отправится, то взять с него девяток. Если будет приказ, о даче посланному (со свитою) подвод и кто не дает, с того взять вдвое. Посланный не должен пить вина до достижения туда и сюда (т. е. в оба конца пути); если же будет пить, то штрафовать его пятью (скотинами), а если даст (вино) князь, то пить дозволяется.

Кто убьет беглеца, перешедшаго извне (из другаго места) со спросом, с того взять пять девятков; кто приведет (перебежавших) к князю, тому дать столько лошадей, сколько (было) колчанов. Кто поймает беглеца намеревающагося перейти (в другую страну), тот, кроме его (беглеца) души, из прочаго его (имущества) имеет взять половину.

(Родственники), желающие выкупить жену, покинутую мужем, имеют взять ее, заплативши девяток с ценною (вещью); за (жену) человека среднего сословия – пять скотин и за жену человека низкаго сословия – лошадь и верблюда

Раба в свидетели не принимается; если же она (в удостоверение свидетельства) принесет кости и мясо (краденаго), принимать во внимание.

Кто, по злобе, угонит какой-либо скот или добьет, и если это окажется справедливым, то должен заплатить штраф по количеству скота; относительно же способа (совершения) кражи должно разузнать чрез приведение к присяге.

Кто нарушит (правила) облавы будут стоять рядом и будут ходить рядом (один возле другаго), с таковых брать по пяти (скотин). Кто (на облаве) выскочит (вперед) на разстояние трех выстрелов, с того взять лошадь; если на два выстрела взять овцу, если – на один выстрел взять пять стрел. Если было объявлено о (подстреленном и убежавшем) звере со стрелою и кто другой (поймавши) его утаит, с того взять пять (скотин); кто утаит зверя без стрелы, с того взять голову лошади его. Кто поднятую с земли стрелу, при спросе, не возвратит, с того взять лошадь. Кто убьет птицу на снурке (ловчую), с того взять лошадь.

Если кто будет свидетелем в чем - либо, то из штрафа скотом (свидетель) должен получить девяток; (если же будет свидетелем в пожитках), то награждать сообразно с количеством пожитков.

Кто украдет огниво, нож, стрелу, подпилок, веревку, треног степной, ременную узду, носимый при себе молоток, ожерелье, хорошую шапку, сапоги, штаны, ножницы, кинжал, железныя стремена, деревянное седло, войлочную эпанчу, бурку, чапрак, чехол налучника, чехол для стрел, бумажную рубаху, бумажный пояс, чехол на шлем или панцырь, мотыку, топор, хорошие пахви, мясо с мешком, мясо (тушу) целаго барана, плохой тулуп, женский безрукавный камзол, пилу, футляр с украшениями, щипцы, хороший перстень, тенета (для ловли), сети для ловли птиц и рыб, и колчан, тому отрубить палец; если же пальца пожалеет, то взять пять (скотин), а именно: две головы крупнаго скота и три овцы.

Чунбур (повод), закидной аркан, верблюжий повод, иголка, шило, гребень, наперсток, нитки, сухие жилы (дратва), пуговицы, чашка, ковш, блюдо, ведро, маленький кожаный мешок (бурдюк), плохая шапка, сапоги, чулки, подпруга, седельный ремень, ременные пахви, плоская чашка, рыбий клей, резец, бурав, нагайка, комод, сундук, попона, овчина, козья шкура, мерлушка, стрела без железного наконечника, тетива (от лука, пресс и какие бы ни было носимыя при себе мелочные вещи вошли в это уложение; за (кражу) хороших (из них) брать по овце с ягненком, за плохие – по козе с козленком.

Если оба тяжущиеся не будут на лице, то суда не производить. Тяжущийся человек (истец) должен три раза заявить (ответчику о явке в суде), затем отправиться в суд с хорошими свидетелями и объявить о том (в суде); если (ответчик) не явится, то привести его чрез посланного и взять лошадь. Кто совсем не допустит до обыска, того подвергнуть законному штрафу, но при этом необходимо дознать чрез свидетелей о лжи и истине (т. е. допустил или не допустил до обыска); если

свидетелей (по этому случаю) не будет, то привести к присяге старшину аймака.

Кто пригласит к себе шамана или шаманку, то с пригласившаго человека взять его лошадь, и с прибывшей шаманки взять ея лошадь; буде кто увидит и не возьмет (по лошади у них), то и с того взять лошадь. Кто увидит онгона, тот должен его взять, а если владеющий онгоном вступит в спор и не отдаст, то взять с него лошадь.

Если (шаман) подбросит к знатному человеку заклятие, за то взять пять (скотин); если подбросит к человеку низкаго сословия – взять две лошади. За (употребление для обряда) турпуна, воробья и собаки брать по лошади; за всех змей, кроме находящихся в Алак - Ула, брать по две стрелы, за неимением стрел брать по ножу.

Кто падаль скотины, умершей от изнурения голодом возьмет ранее десяти дней, с того взять трехлетнюю кобылицу.

Если лошадь, брыкаясь, побьет малого ребенка почти до смерти, тот, который помог, имеет взять овцу.

Кто, кроме верблюдицы, оставшейся без верблюженка, кобылицы, оторвавшейся от привязи, и коровы, недавно отелившейся, будет доить (чей - либо скот), с того взять трехгодовалую кобылицу.

По отдаче девушки в приданое (за дочерью князя), если эта девушка, с позволения родителей, сделается (замужней), то штрафовать ея отца; если же то будет сделано без позволения (родителей), то должно быть поступлено по вышеозначенному закону (об уводе девицы).

Кто подговорит (с собою) к побегу жену знатного человека, того штрафовать девятью девятками с верблюдом во главе; кто подговорит (с собою) к побегу жену человека средняго сословия, с того взять пять девятков с верблюдом во главе. Кто уведет (чужую) жену туда, где ее не видно (трудно найти), то (муж) имеет взять за то (с уведшаго) его скот вместе с покинутой им женой; братья (покинутой жены) имеют пра-

во взять ее к себе, давши за нее скот в количестве данного скота (т. е. выкупа); если же они скота не имеют, то могут взять ее к себе аймачные братья (родственники в аймаке), давши за нее девяток; если же аймачные братья ея будут люди неимущие, то тогда должен ведать (об этом) князь.

Если человек, воспитанный (в чьем - либо семействе), будет иметь привязанность к своему (родному) отцу, то может уйти (от своих воспитателей), взявши с собой своих сыновей, дочери же его должны остаться при своей матери. Если родители пожелают взять к себе свою дочь, кем - либо воспитанную, то должны дать за нее (воспитателям) девяток, если дочь имеет свыше девяти лет; а если она была плохо воспитываема, то дать половину. Если дочь будет иметь свыше пятнадцати лет, то должна остаться при своих воспитателях; оба отца (родной и воспитатель) должны получить (при выдаче замуж) скот (выкуп) по полам, а также и имущество (приданое) должны дать поровну.

(Чей-либо) сын не должен иметь долговых счетов с родственниками по матери, если племянник что-либо украдет у родных по матери, то штрафу не подвергается, а только обязан платежем.

Кто намерен взять у кого-либо, при верных свидетелях, (свои) убежавший (пропавший) скот, тот имеет взять голову, (лучшую часть) скота, а тот, который купил (этот пропавший) скот, имеет взять задницу его (худшую часть). Человек, державший у себя чей-либо бродячий скот, по прошествии года, имеет взять половину его приплода; приплод же родившийся после (по прошествии года) от его собственного верблюда, быка, или жеребца, имеет взять сполна; за (содержание) одной или двух (скотин) не следует брать ничего, за (содержание) свыше десяти (скотин) имеет взять две (скотины), а за (содержание) от девяти до трех (скотин) – одну.

Кто украдет котел или таган, то брать: за хорошие по девятку, за посредственные по пяти (скотин), за плохие по трехгодовалой кобылице.

Указы Галдана-Хунтайджи

Историки отмечают, что одной из побудительных причин откочевки калмыков из Западной Монголии явилась вначале XVII века централизаторская деятельность главы чороссов Хара-Хулы. Последний стремился подчинить своему влиянию торгоутов, дербетов, хошоутов и другие народности ойратов, чтобы преодолеть феодальную раздробленность, создать независимое и сплоченное Джунгарское ханство. Этого удалось добиться его сыну Эрдени -Батуру-хунтайджи, (дед по материнской линии калмыцкого Аюки-хана), который пришел к власти в середине 30-х годов XVII века. Благодаря настойчивым усилиям Батура-хунтайджи, действовавшего где силой, а где и убеждением, на территории Западной Монголии погасло пламя межфеодальных распрей, сложилось сильное ханство и на съезде 1640 года был заключен союз о ненападении и взаимопомощи с Халха-Монголией. Данные плоды целеустремленной деятельности Батура-хунтайджи позволили ойратам и халхасцам сохранить свою политическую самостоятельность перед лицом надвигавшейся маньчжурской агрессии.

После смерти Батура-хунтайджи в 1653 году по завещанию управление ханством перешло к одному из младших его сынов – Сенге. Приход к власти последнего вызвал острое неудовольствие у его старших братьев, рассчитывавших в силу монгольской династической традиции на ханский трон. Вследствие этого между Сенге и его противниками за прерогативы ханской власти вспыхнула длительная и кровопролитная борьба, в которую были втянуты многие феодалы Джунгарии. В 1670 году Сенге был убит одним из своих братьев.

Тогда самый младший из сыновей Батура-хунтайджи – Галдан, отданный в Тибет для служения делу религии и познания основ буддизма, "с согласия Далай-ламы или его приближенных снял с себя духовный сан и обрушился на убий-

цу Сенге"[29], и занял его место во главе ханства.

Объясняя причины столь быстрого успеха Галдана, видный советский монголовед И. Златкин справедливо указывает, что "Галдан не мог бы расчитывать на победу в этой борьбе, если бы не пользовался поддержкой и помощью церкви".[30]

Джунгарское ханство в глазах буддийского духовенства было бастионом защиты и активным пропагандистом ее идеологии в среде монгольских народов. Смерть Батура-хунтайджи, а затем вспыхнувшая междоусобная война между его сыновьями значительно подорвали внутреннее единство Джунгарии и устойчивость центральной власти.

С другой стороны, длительная междоусобица, являвшаяся тяжким военным и материальным бременем для рядовых кочевников (албату), привела к тому, что они массами бежали от своих господ и отказывались нести феодальные повинности. А это не могло не отразиться на непрерывности и значительности пожертвований, которые делала феодально-нойонская знать своим духовным пастырям.

Буддийская церковь была кровно заинтересована в восстановлении былого могущества Джунгарского ханства, которое стабилизировало бы свое внутреннее положение, вновь подчинило бы своему влиянию Халха-Монголию и калмыков, окончательно вошедших в состав России, что способствовало бы бесповоротному утверждению в их среде буддизма и усилению его влияния на межмонгольские дела.

Претворение в действительность этих целей должен был осуществить их воспитанник Галдан, которому и был выдан мандат на "реализацию великодержавных планов ламаистской церкви" и на "создание объединенной Монголии под эгидой верховного ламы Тибета".[31] "И Галдан оправдал надежды. Он твердой рукой подавил "беспорядки", укрепил центральную ханскую власть и, сломив сопротивление своих главных противников..., превратился в единодержавного правителя ханства".[32] Поэтому Далай-лама в знак признания зас-

лут Галдана перед буддистами происвоил ему титул Бошокту-хан, что значит “Благословенный правитель”.

В целях упрочения внутреннего единства и прекращения беспорядков, вызванных бегством феодально-зависимых албату и открытым неповиновением их своим господам, Галдан-Бошокту-хан и издал свои Указы, ставшие впоследствии одним из источников уголовного права калмыков XVII-XVIII веков.

Говоря о личных качествах Галдана, Н. Бичурин отмечал, что “Галдан Бошокту, образованный для духовного звания, известен остался в истории как просвещенный государь и законодатель. Он пополнил Степное Уложение”.[33]

Содержание этих указов есть наглядное свидетельство неразрывной связи права конкретного общества с политикой господствующего в нем класса на определенном этапе. Указы Галдана были направлены, прежде всего, на пресечение под страхом уголовного наказания бегства албату от своих феодалов, на усиление борьбы с посягательствами на собственность, т. е. “с воровством” и на улучшении деятельности судов. Так, повинные в самовольных откочевках из своего аймака подвергались штрафу. А если такие лица пытались скрываться в чужих аймаках, то ответственность наряду с ними несли все их одноаймачники.[33] Кроме этого, рассматриваемые Указы устанавливали ответственность за отсутствие должного административного надзора со стороны зайсангов, демчеев, шуленг и десятских[34] за местами кочевок албату.

Подобными нормами Галдан, очевидно, пытался повысить чувство ответственности этих должностных лиц по надзору за албату, чей подневольный труд являлся основным источником увеличения богатства феодалов.

Интересно предписание Галдана, что зайсанги, демчеи и шуленги обязаны были материально поддерживать “ведомства своего убогих людей”. И если кто от этого уклонялся, вследствие чего “убогий человек погибал от голода, то виновное должностное лицо несло ответственность как “за убитие человека”.

Природа этой нормы, вероятно, объясняется учением буддизма о любви к ближнему.

В целях усиления борьбы "с воровством" Галдан установил строгую ответственность за недоносительство. В силу этого, если старший над десятью кибитками не выдавал вора из своей десятки, то ему полагалось "у обоих рук отрубить персты, а прочих того десятка людей наказать скованием в железа". Лицо, трижды уличенное в кражах, подвергалось полному разорению. С другой стороны, поощрялось преследование грабителей и отбитие у них похищенного имущества.

Учитывая важную роль органов суда в укреплении внутреннего правопорядка, Галдан в целях повышения его эффективности и авторитета предусмотрел в своих указах ряд норм. Галдан обязывал производить суд в строго определенном месте, если ответчик трижды не являлся, то признать его виновным; судью, трижды решившего дело неправильно, отстранить от должности; наказывалось взяточничество и внесудебное разбирательство.

Таким образом, Указы Галдана содержали в себе нормы как уголовного, так и процессуального права и были направлены на нормализацию внутреннего положения в ханстве, на укрепление феодальных привилегий, на защиту частной собственности и улучшение судебной деятельности.

Хотя данные указы были изданы в Джунгарии, но они нашли свое применение и в сфере общественной жизни Калмыкии. Рецепция калмыцкими феодалами этих норм джунгарского права, вероятно, объяснялась следующим. Калмыцкий хан Аюка, почти одновременно с Галданом пришедший к власти, в течение нескольких лет находился на воспитании у Батура-хунтайджи. Безусловно, что плоды воспитания этого хитрого степного политика не могли не отразиться на взглядах Аюки-хана и, естественно, что он поддерживал тесные политические и религиозные связи с Джунгарией, перенимая опыт джунгарских правителей в деле укрепления своей ханской власти. Поэтому Аюка-хан, сам проводя политику со-

здания централизованного ханства, не мог не сознавать всей важности Указов Галдана, как правовой основы, для усиления ханской власти, укрепления феодального строя и установления устойчивого правопорядка в Калмыкии. Это, по-видимому, и предопределило санкционирование им применения рассматриваемых указов в общественной жизни Калмыкии, отдельные нормы которых явились дополнениями к действовавшему законодательству.

Тексты Указов могли быть получены Аюка-ханом непосредственно от самого Галдана, с которым он поддерживал постоянную связь. Либо они были доставлены ему нойонами, прикочевавшими в Калмыкию, "опасаясь тяжелой руки нового хана Джунгарии".[35]

Ряд исследователей полагают, что правовые нормы, изданные Галданом, в своей совокупности составляют один Указ, т. е. были обнародованы одновременно в виде единого законодательного акта. На этой точке зрения стоял Ф. Леонтович[36] и об этом же утверждает И. Златкин. Так, он указывает, что "Галдан в 1678 году, вскоре после своего прихода к власти, обнародовал указ..."[37]

Однако с этим согласиться нельзя. Анализ текста правовых норм Галдана, опубликованных в названных выше работах Ф. Леонтовича и К. Голстунского, показывает, что они в целом не связаны единством содержания и временем издания, а распадаются на отдельные группы, составляющие самостоятельные друг от друга Указы.

К первому Указу относятся нормы, изложенные в работе Ф. Леонтовича, начиная со ст. 151 по 159. Этот Указ преследовал две цели: во-первых, активизировать низовые звенья административного управления, во-вторых, усилить борьбу "с воровством". О том, что эта группа статей является самостоятельным Указом, свидетельствует, в частности, и следующее. Для монголов и калмыков было традиционным составление текста писаных законов начинать с прославления своих небесных покровителей, а заканчивать пожеланием всяческих благ. В списках Ф. Леонтовича и К. Голстунского дан-

ный Указ заканчивается аналогично – в грядущие лета всем доброе здравие да будет.

Второй Указ по списку Ф. Леонтовича изложен со ст. 160 и по ст. 166. Данный Указ включает в себя нормы, направленные на улучшение судебной деятельности, на борьбу с самовольными передвижениями целыми аймаками и с бегством отдельных албату от своих феодалов. Последние являются подтверждением тому, что этот Указ был издан позже выше нами рассмотренного. Приступив к управлению, Галдан, вероятно, полагал, что беспорядочное движение народных масс внутри ханства, есть следствие нерадивости зайсангов, демчеев, шуленг, десятских и других низших звеньев феодальной иерархии, неподчинения их указаниям нойонов. Поэтому он считал достаточным повысить к ним требовательность и случаи "шатания и разброда" прекратятся. Однако действительность, очевидно, показала истинные причины бегства албату, а именно – желание избавиться от феодальных повинностей. А поскольку это прямо угрожало сословным привилегиям класса цаган-ясн, то Галдан и предусмотрел меры уголовных репрессий за подобные действия.

Третий Указ содержит ряд общих процессуальных норм и регламентацию подсудности дел по искам между ойратами и туркестанцами. Текст его содержится только в работе К. Голстунского "Монголо-ойратские законы 1640 года". Данный Указ был издан действительно в 1678 году сразу же после покорения Галданом Восточного Туркестана и его нормы отвечали новым задачам по управлению завоеванных земель туркестанцев. Дата 1678 год указана в самом тексте Указа. "Написали в счастливый день новолуния белого месяца года земли - лошадь", т. е. 1678 год.[38]

Повеление и приказ Галдана - Хунг - Тайджия следующие:

Управляющий каждым отоком (поколением народа) должны внушать дэмчеям каждых сорока (кибиток), чтобы дэмчеи собирали своих людей, (т. е. чтобы имели их всегда в

своем виду); если дэмчеи не будут собирать то, взявши девяток, лишать их (звания) дэмчея. Если управляющий отоком такого распоряжения не делал, то (взыскание) да будет на управляющем отоком; если же объявлял и дэмчеи не собирали (людей), то да будет (взыскание) на дэмчее. Дэмчей должен заботиться о призрении своих несчастных (бедных); если не будет в состоянии призреть, то должен заявить об этом управляющему отоком. Управляющий отоком должен заботиться о призрении всех наравне с своими (людьми); если не будет иметь средств призревать, то должен распорядиться довести выше (высшим властям). Кто мог призреть, но не призрел, и вследствии этого человек умрет, то да будет поступлено с тем по закону об (убийстве) человека; но при этом необходимо дознать чрез разследование: действительно ли или не действительно умер (оттого, что его не призрели).

Относительно воровства вообще (постановить): десятью кибитками должен заведывать один и заведующий должен иметь свои десять кибиток в распоряжении; об учинении воровства (десятский) должен объявить, если не объявит, то обрубить ему руки, а других его (людей) заковать в железо. Если кто учинит воровство три раза, того раззорить. Вообще людей, ходящих по чужим хошунам и между собою смешавшихся, должны собирать, если они без отоков (не входят в составе отока), то водворяются в отоки, если они без аймаков, то водворяются в аймаки. Людей, считающие это (распоряжение) неправильным, пусть скажут, что неправильно, и выскажут свои мысли; считающие же справедливым должны теперь же заявить. Если, же заявивши здесь, а впоследствии будут заявлять, говоря "вот как было бы", между тем как весь народ признает это справедливым, то я буду гневаться, говоря, "не желающий". Да будет всегда благополучие!.

Если кто-либо подлежащий суду, после троекратного объявления при свидетелях, не явится, то на него, будет ли правым или виноватым, должно наложить штраф.

Долги, (взятые) ранее года "лошади" (1654), касающа-

гося Батур - Хунг - Тайджия, оставляются; но следующие затем долги, если сделаны при свидетелях, должны быть взысканы, а если сделаны без свидетелей, то оставляются.

Вообще судьи не должны решать дела вне (определеннаго места). Если (судьи) не выделяют определенной части на дворе (князя), то взять с них вдвое. Если судья три раза решит дело неправильно, то должен оставить отправление обязанностей судьи.

Кто, с дракою, освободит от воров (скот), тот имеет получить: за пять (скотин) одну лошадь, за четыре и три (скотины) трехлетнюю кобылицу, за две – двухгодовалого жеребенка, за одну – овцу. За отбитие скота, без драки, имеет получить: за девять (скотин) одну лошадь, за пять – двухгодовалаго жеребенка, за остальных (ниже пяти) овцу.

Кто, поймав перебежчика доставит его к князю, тот имеет получить: из десяти (лошадей) среднюю, из пяти – последнюю, из двух – двухгодовалаго жеребенка, за одну – овцу.

Если какие – либо люди живущие в определенном им отоке переменят (местожительство), то за людей целаго аймака с управляющаго им (аймаком) можно взять девяток. Кто, не послушавшись слов управляющаго (аймаком), отделится от своего аймака и переменит (местопребывание), с того взять девяток. Кто, скрывающагося из своего отока или аймака, человека доставит в его аймак, тот имеет получить с управляющаго им (т. е. аймаком) лошадь, с других же столько баранов, сколько было (в аймаке) юрт.

Повеление и приказ Галдана - Хунг - Тайджия:

Так как вообще иски (тяжебныя дела), по неимению определенных законов, бывают ошибочны, и так как бывает много отступлений от суда и закона, то положив начало, установим эти законы в год "земли - лошади" (1678 г.), и с этого года впоследствии должны поступать по этим законам.

Если кто иск (свой) сделает иском высшим!, то владелец иска должен ведать сам. Если иск будет (по решении) не-

правильным и лихоимственным и не будет согласоваться (с постановлениями), то, отобрав вещи его (т. е. взятое судьею), его самого взять и удалить (от должности). Правое и неправое между Олетами и Туркестанцами должно ведать чрез расследование (судом). Вообще Туркестанцы, сделавшиеся родственными (по женитьбе), если пожелают оставить своих родных, то им дать позволение, если же будет вести себя одинаково (с родичами) в своих разсеянных селениях (хотонах), то Туркестанцам не дозволят своеволия, дабы следствием этого не сделались преступными Олеты; заставлять их жить по прежнему, по родственному. Взаимные их отношения должен ведать чрез расследование, главный суд. Вообще никто не должен покупать иска; если кто купит, то увидевший человек должен взять вещи (данное) с человеком (лихоимцем); кто купит тайно, с того взять вдвое. Вообще селения (хотоны) должны свои собственные иски (дела) решать чрез своих хотонных судей; дела общия (народныя) должен ведать здесь главный судья. Написали в счастливый день новолуния белаго месяца года "земли-лошади" (1678).

4. Токтолы (законы) Дондук-Даши

Вторым по значимости после Цааджин-Бичик 1640 года памятником права калмыков второй половины XVII–XVIII веков, бесспорно, является свод законов, ставший известным в истории, как Токтолы Дондук-Даши. Подобное название этих Токтолов объясняется тем, что они были разработаны и приняты в период правления Калмыцким ханством Дондук-Даши (1741–1761 гг.).

После смерти Аюки-хана 19 февраля 1724 года, на 82 году жизни, за время полувекового правления которого Калмыцкое ханство было наиболее централизованным и организованным, Калмыкия стала ареной ожесточенной борьбы отдельных группировок калмыцких феодалов за ханский трон. Этому немало способствовало и решение российского прави-

тельства о новом порядке назначения калмыцких ханов. В специальной инструкции от 3 мая 1724 года, данной Астраханскому губернатору после смерти Аюки - хана, содержалось указание, чтобы калмыцкие нойоны (владельцы) сами не выбирали себе хана, а просили бы об этом “Его Императорское Величество”, т. е. царя Петра I. Вполне очевидно, что этим преследовались цели установления прямой зависимости калмыцких ханов от российского правительства, ограничения их полномочий и более жесткого контроля за ними со стороны русских властей.

Следует пояснить, что до 1724 года правителями калмыков, вошедших в состав России, становились по наследству в силу старшинства в нойонской иерархии. Так, до 1644 года правителем калмыков был ике нойон торгоутов Хо - Урлюк. После его гибели полномочия правителя калмыков перешли к старшему сыну Шукур - Дайчину, потом к сыну Шукур - Дайчина Пунцуку (Мончак), а в 1672 году во главе калмыков стал Аюка - хан, сын Пунцука. В 1690 году Аюка - хан получил от Далай - ламы титул Хана и ханскую печать.

Калмыцкая нойоно - зайсангская знать, а также рядовые калмыки безоговорочно признали такой порядок вступления в должность своих правителей и подчинялись их административной власти.

Теперь же в соответствии с инструкцией от 3 мая 1724 года Калмыцкой светской знати было предоставлено право рекомендовать кандидатуры из своей среды для назначения ханом калмыков указом российского царя. Практическое претворение в жизнь этой инструкции сразу же привело к расколу рядов калмыцкой знати, образованию нескольких группировок (партий), каждая из которых стремилась навязать своего кандидата в ханы. Ряд партий настаивали на кандидатурах Дондук - Омбо, Дасанга, Дондук - Даши и Баксадай - Дорджи (все внуки Аюки - хана). Дарма - Бала, младшая жена Аюки - хана, выдвигала своего сына Церен -

Дондука. Русские власти предлагали в ханы Дорджи - Назарова, родственника Аюки - хана. Такого числа претендентов на ханство не могло быть, да и сама эта инструкция о новом порядке назначения хана вообще могла бы не появиться, если бы к этому времени здравствовал бы Чакдор - Джап, старший сын Аюки - хана, умерший (погибший) еще в 1722 году. Дело в том, что Аюка - хан после 1710 года фактическое управление Калмыцким ханством, особенно военными делами и ханскую печать передал Чакдор - Джапу, который обладал властным, решительным характером. Он был талантливым военноначальником и по поручению отца возглавлял многие походы калмыков против "государевых (русского царя) недругов". Авторитет Чакдор - Джапа и его права наследника Аюки - хана полностью признавали не только его девять братьев (Аралтан, Шурбан, Сан - Джап, Гун - Джап, Церен - Шунун -Лоузанг, Гунделен, Церен - Дондок, Галдан - Данжин и Баарынг) и остальные нойоны, но и росские чиновники, ведавшие калмыцкими делами, правители народов Средней Азии, Казказа и Крыма. Об особом положении Чакдор - Джапа при Аюке - хане свидетельствует и такой факт. Из знатных женщин того времени только Джалла, старшая жена Чакдор - Джапа, в 1713 году совершила поездку в Тибет на богомолье. Любопытно и то, что перед этой поездкой Джалла послала хивинца Сафара к султанскому двору Турции "уведомить об этом и что может быть чего нужно будет купить".[39] Преждевременная смерть (гибель) Чакдор - Джапа, выдающейся личности и прямого наследника Аюки - хана, обострила борьбу за титул калмыцкого хана и выдвинула такое количество претендентов.

Из названных претендентов особенно выделялся Дондук - Омбо, внук Аюки - хана от сына Гун - Джапа. Но он не внушал полного доверия российским властям.., так как самостоятельно "сносился" с горцами и был женат на кабардинке Джане. Калмыцкие нойоны также остерегались

его властолюбивого и жестокого характера. Другой претендент, Дорджи Назаров, поддерживаемый русскими властями, добровольно отказался от притязаний на ханство.

Поскольку вопрос о назначении фактического преемника Аюки - хана затянулся и калмыцкие нойоны не смогли выдвинуть единого кандидата, то российское правительство 19 сентября 1724 года объявило наместником ханства Церен - Дондука, сына Аюки - хана от Дарма - Балы. Сказать к слову, во время посещения Петром I Астрахани Аюка - хан именно с Дармой - Балой представлялся императорской чете. Аюка - хан получил в подарок от Петра I саблю с алмазами, а Дарма - Бала из рук императрицы Екатерины I драгоценный пояс. Следовательно, Дарма - Бала была известна высшим русским чиновникам, что могло положительно повлиять на назначение ее сына Церен - Дондука вначале наместником, а затем ханом калмыков.

В период правления (более десяти лет) Церен - Дондука, а затем пятилетнего правления хана Дондук - Омбо среди калмыцких нойонов не затихали распри, что приводило порой к вооруженным столкновениям, откочевке части калмыков в приграничные регионы. Так, Дондук - Омбо не признавал власти хана Церен - Дондука, нападал на его военные отряды, улусы, увел часть калмыков на Кубань. Когда ханом стал сам Дондук - Омбо, то он преследовал сторонников Дарма - Балы и Дондук - Даши, добился выселения из калмыцких кочевий своего старшего сына Галдан - Нормо от жены калмычки, выступившего с группой нойонов против отца.

Особо кровавые события произошли после скоропостижной смерти Дондук - Омбо. Его вдова, кабардинка Джана, стала добиваться назначения ханом калмыков своего малолетнего сына Рандула, а себя регентшей при сыне до достижения им совершеннолетия. Некоторые нойоны, выступившие против Джаны, были убиты ее людьми, а сама Джана пыталась с частью улуса бежать в Кабарду. Но была задержана, и русскими властями выслана в Самарскую

губернию на поселение, где приняла православие, фамилию Дундуковых и дала обязательство не претендовать с сыном на должность калмыцкого хана.

По ходатайству большой группы калмыцких нойонов, духовенства и самой Дарма - Балы русскими властями наместником Калмыцкого ханства был назначен Дондук - Даши, отличавшийся выдержанностью, мудростью и умением находить возможность мирными средствами разрешать конфликты.

Назначению Дондук - Даши наместником Калмыцкого ханства способствовало то обстоятельство, что он согласился отдать в заложники русским властям своего единственного в то время сына Асарая, мальчика 12 – 14 лет. На этом категорически настаивал представитель императрицы Елизаветы граф В. Н. Татищев, вскоре назначенный губернатором Астраханской губернии. Об отдаче в заложники сына Асарая убеждала и Дарма - Бала. До этого ни один калмыцкий хан не позволял русским властям даже вести переговоры об отдаче в заложники кого - либо из своих детей. Царские чиновники полагали, что нахождение сына Дондук - Даши в заложниках сделает наместника более послушным, управляемым и предотвратит уход калмыков из России. Следует пояснить, что после смерти Аюки - хана, русские власти постоянно подозревали калмыков в намерении ухода из России в Джунгарию.

Сын Дондук - Даши Асарай, как заложник, содержался в городе Астрахани.

Предусматривались меры по его обучению грамотности и русской речи, с ним проживали приставленные в услужение калмыки. Трагично, что Асарай, находясь в заложниках, через несколько лет скоропостижно умер.

Дондук - Даши считал виновниками подобной печальной судьбы своего сына В. Н. Татищева и Дарма - Балу. Обращаясь непосредственно к императрице Елизавете, добился смещения с должности губернатора В. Н. Татищева и высылке из калмыцких улусов Дарма - Балы. Губернатор был

обвинен в надменности, мелочном вмешательстве в калмыцкие дела и мздоимстве. Ханша изобличалась в установлении тайной связи с Галдан - Цереном, правителем Джунгарии (были задержаны с письмами к Дарме - Бале три посланца).

Дарма - Бала с челядью в 30 человек была выслана в город Саратов с предписанием к местным властям "накрепко смотреть, чтоб она ни с кем письменной переписки не имела, а паче чтоб сама куда не ушла". На житейские расходы выдавались 100 рублей, по тем временам деньги не малые. И все же она жаловалась 7 июня 1746 года новому Астраханскому губернатору генерал - лейтенанту князю И. О. Брылкину: "Русских овец мясо здоровью моему противно, кирпичный же чай и калмыцких баранов мясо весьма б изрядно было, коих в Саратове отыскать невозможно". По этой жалобе в августе 1746 года для Дарма - Балы было закуплено 10 калмыцких баранов за 16 рублей 50 копеек и 6 бахчей кирпичного чая у купца Ильи Игуменова, по цене 2 рубля за кирпич".[40]

Справедливости ради нужно пояснить, что через несколько лет по личному ходатайству Дондук - Даши ханша Дарма - Бала была возвращена в калмыцкие улусы, где и скончалась 6 февраля 1754 года.

Видимо, императрица Елизавета испытывала неловкость и какую - то виновность перед наместником Калмыцкого ханства Дондук - Даши за смерть его сына Асарая, находившегося в качестве заложника под присмотром русских властей. Этим, отчасти, можно объяснить текст "особо милостивой грамоты" Государыни Елизаветы, врученной Дондук - Даши через Астраханского губернатора князя Еропкина И. О. : "Мы ... за доброе постоянство содержим тебя в высочайшей нашей императорской милости, и никак от тебя в долгой нам верности и пользе Калмыцкого народа противных поступков не чаем. ...Повелели мы ... Нашего верного подданного и весь Калмыцкий народ высочайшею нашею царской милостью накрепко обнадежить".

Но вернемся к теме нашего исследования.

Длительная междоусобица расшатала устои центральной власти, нарушила внутренние административные связи, усилила сепаратизм отдельных нойонов и привела к обнищанию народных масс. Пришедший к власти в 1741 году в этой обстановке Дондук-Даши, сын Чакдор - Джапа от второй жены Габиль, и внук Аюки-хана, ясно сознавал пагубные последствия данного кризисного состояния для дальнейшей судьбы всего калмыцкого общества и о необходимости скорейшего оздоровления общественного организма Калмыкии. Лейтмотив его политики в этом направлении заключался в ликвидации последствий междоусобицы, нормализации обстановки в ханстве, укреплении единовластия и преодолении сепаратизма отдельных нойонов.

Дондук-Даши удалось пресечь феодальные распри и сплотить калмыцкие улусы в централизованное ханство. Однако, окончательное восстановление внутреннего равновесия калмыцкого общества требовало ряд реформ.

Будучи для своего времени и круга достаточно образованным, наделенным административными способностями, гибким и реалистически мыслившим деятелем, Дондук-Даши, безусловно, представлял себе соответствующее значение права и суда в деле полной консолидации внутреннего положения калмыцкого общества. Недостаточно было просто пресечь феодальные распри. Необходимо было установить на территории ханства такой правопорядок, который охранял бы внутреннее единство, обеспечил бы борьбу с преступными проявлениями и пресекал бы посягательства на основы феодального государства.

Но действовавшее законодательство, в частности, нормы Цааджин-Бичик и Указы Галдана-хунтайджи, принятые почти 100 лет назад, в полной мере не отвечали выполнению этих политических задач и не соответствовали новым условиям жизни калмыков.

Хотя кочевой образ жизни, основной отраслью хозяйства которого было экстенсивное скотоводство, и является наиболее медленно изменяющимся, но, тем не менее, экономические отношения Калмыкии середины XVIII столетия претерпели определенную эволюцию, объясняющуюся влиянием экономики России. Находясь в пределах России, калмыки, естественно, оказались втянутыми в её экономическую жизнь. Калмыки вели интенсивную торговлю с русским населением продуктами скотоводческого хозяйства. Калмыцкие нойоны являлись крупными поставщиками лошадей для русской армии. Калмыки же, в свою очередь, приобретали у русских промышленные изделия и продукты оседлого земледельческого хозяйства.

Все это способствовало широкому проникновению в среду калмыцких улусов товаро-денежных отношений. И как следствие этого "усиление роли и значения денег в жизни калмыков".[41]

Подвергся изменению и вид трудовой деятельности калмыков. Сфера их труда уже не ограничивалась лишь скотоводством, охотой и домашним ремеслом. Калмыцкие нойоны охотно представляли своих подвластных в распоряжение владельцев рыбных и соляных копий, получая за их труд денежное вознаграждение.

Распространение товаро-денежных отношений среди калмыков наложило свой отпечаток как на формы их взаимных расчетов, так и на уплату феодальной подати. Изменения в быте калмыков, обусловленные веяниями новых экономических отношений, естественно, вызвали необходимость внесения соответствующих корректив и в законодательство.

Следовательно, не только задачи политического характера, но и логика внутреннего развития самого калмыцкого общества продиктовали необходимость правовых реформ. Поэтому совокупность рассмотренных выше объективных причин явились побудительными мотивами

для Дондук-Даши и высшей феодальной знати к модернизации своего права. Об обстоятельствах принятия новых законов "История калмыцких ханов" указывает, что поскольку у калмыков за время пребывания в России"... изменились нравы и привились многие хорошие и дурные качества, прежде всего не бывшие, то настояла надобность в новых постановлениях и законах, а потому Дондук-Даши признал необходимым написать новые законы (токтолы)".[42] Летописец данной "Истории" в приведенном выше абзаце, бесспорно, называет подлинный национальный титул законов Дондук-Даши, а именно - Токтолы. Поэтому правильным будет именовать данный свод постановлений как Токтолы Дондук-Даши, что подчеркивает его национальную принадлежность и соответствует калмыцкой правовой терминологии.

Конечно, является ошибочным, что Ф. Леонтович называет Токтолы Дондук-Даши уставом или законами калмыков лишь Дербетовского улуса[43], а не всей Калмыкии, население которой составляли не только дербеты, но и торгоуты и хошоуты. Корни такой ошибки Ф. Леонтовича, с одной стороны, кроются в недостаточности его знаний по истории калмыцкого народа. В частности, он ошибочно писал, что этот устав издан был "именно для Дербетовского улуса".[44]

С другой стороны, Ф. Леонтович был введен "в заблуждение" академиком П. Палласом. Последний после откочевки в 1771 году значительной части калмыков из России по заданию Императорской Академии наук приезжал в калмыцкие улусы и знакомился с образом жизни и обычаями калмыков. В период своего пребывания в Калмыкии он переписал с помощью переводчиков тексты Цааджин-Бичик и Токтолов Дондук-Даши. Однако, не зная историю принятия последних, П. Паллас дал им титул "Новые добавления к уложению "и полагал их действующими только в среде калмыков-дербетов.

Конкретизировать дату принятия этих Токтолов пока не представляется возможным. Многие историки полагают,

что Дондук-Даши издал свои Токтолы не ранее начала 1758 года. При этом они исходят из того, что в тексте самих постановлений перед именем Дондук-Даши не указывается титул хана, который ему был присвоен императрицей Елизаветой 20 февраля 1758 года.

К. Голстунский, первым сделавший перевод Токтолов с калмыцкого на русский язык, указывал, что они были приняты в период между 1741 и 1753 годами. Но основания подобного утверждения остались неизвестными.

Весьма расплывчато высказывание Ф. Леонтовича по этому поводу, что "этот устав издан в позднейшее время и при том для одних калмыков, когда они окончательно вступили в русское подданство".[45]

Дондук-Даши в своих письмах от 17 и 31 декабря 1749 года писал астраханскому губернатору Брылкину, что "хотя некоторые воровские калмыки и сыскиваются, но мы их штрафуем по древнему нашему обыкновению". Исходя из этого, А. Лебединский констатирует, что Токтолы Дондук-Даши к моменту написания данных писем еще не были приняты, так как в соответствии с ними "воровские калмыки подвергались телесным наказаниям, штрафу деньгами или продавались в рабство". Основываясь на этом, А. Лебединский суживает период, в течение которого были изданы исследуемые постановления, ограничивая его временем с 1749 года по 1758 год.[46] Возможно, что эта точка зрения и близка к своей достоверности. Поскольку дата принятия анализируемых постановлений альтернативна, то, видимо, следует согласиться с мнением, что "в каком именно году появились эти законы, – установить точно невозможно".[47]

Поэтому говоря о времени издания Токтолов, очевидно, следует придерживаться формулировки, что они были приняты в период правления Дондук-Даши.

Утверждение Токтолов собранием представителей высшей светской и духовной знати во главе с Дондук-Даши является весьма характерным. Этот факт еще раз наглядно

подтвердил традиционный, издревле установленный среди монголов и калмыков законодательный порядок.

Постановления Дондук-Даши более детализировали ответственность за неявку на сборный пункт для участия в военном походе, за дезертирство, за самовольное нападение, если оно повлекло большие потери и за нарушение процедуры раздела военной добычи. Предусматривая специальные составы подобных преступлений, Токтолы устанавливали различную меру наказания в зависимости от социального положения виновного. Так, если от явки на сборный пункт уклонился нойон, то он подвергался штрафу в два десятка голов скота. А за аналогичные действия с знатного человека взыскивалась лошадь с панцирем, а с людей низкого сословия – по 4-годовалой лошади.

В целях уголовно-правовой охраны порядка управления специально предусматривалась ответственность за нарушение установленных границ кочевий, за непослушание указаниям зайсанга, за непредоставление подвод ханскому посланцу и нанесение ему побоев, за игнорирование правил предоставления ночлега, за потраву запрещенного места и т. д.

Особое место занимают преступления против правосудия. К их числу Токтолы относили злоупотребление судей своим положением при рассмотрении дел, подмену на суде виновного другим лицом, лжесвидетельство, сокрытие совершенного преступления, тайное примирение потерпевшего с вором и недопущение обыска.

Токтолы специально подчеркивали необходимость правовой охраны чести и достоинства служителей буддийской религии. Вместе с тем вводилась ответственность этих лиц за нарушение религиозного обета и распитие спиртных напитков. Устанавливалась ответственность и для светских лиц за нарушение церковных церемониалов и за необучение сыновей грамоте. По поводу последних К. Голстунский указывал, что

“Такими постановлениями Дондук-Даши думал утвердить в народе известные знания и религию в виду ослабления духовной связи калмыков со своими родичами Зюнгарами”.[48]

Регламентируя ответственность за “воровство”, Токтолы устанавливают понятия просто кражи, грабежа, разбоя. Такого разграничения по нормам Цааджин-Бичик не делалось. По новому законодательству вводились понятия рецидива и отягчающих обстоятельств при совершении кражи. К числу последних относились ранение потерпевших оружием и стрельба из лука в них при нападении с целью ограбления. Так, если нападут воры и ранят кого-либо оружием, за то раненому взять с воров человека; если ранят лошадь, то за лошадь взять четырехгодовалого верблюда. Если воры будут стрелять и промахиваться, то взять по числу стрел по четырехгодовалой лошади. Отдельно оговаривалась ответственность за похищение людей. Кража человека приравнивалась к его убийству и влекла за собой аналогичное наказание.

Дондук-Даши за время своего правления стремился избегать столкновений с соседними народами, желая жить с ними в мире. Видимо, только этим можно объяснить природу постановлений об ответственности за ограбление чужестранных послов и за разбойные нападения на селения казахов, крымцев, черкесов, кубанцев и других.

Наибольшей трансформации подверглась система наказаний. В качестве штрафа были предусмотрены денежные взыскания. Шире стали применяться телесные и позорящие наказания, целью которых, по-видимому, было усилить психологическое воздействие наказаний.

Так, за лжесвидетельство полагалось 15 ударов нагайкой. Зайсанг, защищавший вора, подвергался осмеянию и вождению в одном белье вокруг княжеской кибитки. Уличенный в воровстве , клеймился, а на шею ему надевали деревянную колодку в течение месяца. Вводился такой вид наказания, как продажа в рабство на Кубань или в Крым. Он

применялся в отношении лиц, которые, будучи дважды наказанным по суду за кражи, совершили её в третий раз.

По-видимому, таких рецидивных преступников имел в виду Дондук-Даши в письме к Брылкину, сетуя, что они "по междоусобным ссорам и убожеству научася худых нравов, от того не унимаются".[49] Поэтому-то он и выбрал столь оригинальный способ избавления от них.

Анализ размеров штрафов, в особенности, скотом за отдельные категории преступлений не может не засвидетельствовать тенденции резкого снижения её размеров по сравнению с нормами Цааджин-Бичик. Так, если по Цааджин-Бичик за кражу верблюда взыскивалось 15 девятков скота, за лошадь – 10, за корову – 6 и т. д., то Токтолы ограничивались штрафом в двойном размере от количества похищенного.

Такое явление объясняется не недооценкой опасности таких посягательств, а, по-видимому, практической невозможностью взыскания огромных штрафов вследствие "оскуднения народа". Междоусобицы и тяжкое бремя феодальных повинностей явились подлинно катастрофическими народными бедствиями, отрицательно сказавшимися на его материальном благосостоянии. Это вольно или невольно вынужден был официально признать в своих Токтолах калмыцкий повелитель Дондук-Даши.

Следует признать обоснованность общего мнения историков-калмыковедов, что рассматриваемые Токтолы изданы в целях дополнения отдельных положений Цааджин-Бичик. Вместе с тем, было бы неверно механически понимать их как составную часть Цааджин-Бичик.

Природа и сущность Токтолов Дондук-Даши дают им неоспоримое и заслуженное право на самостоятельное значение в качестве важного памятника калмыцкого феодального права. Ниже приводится текст Токтолов Дундук Даши по книге К. Ф. Голстунского.

Токтолы (законы) калмыцкого Хана Дондук - Даши

Поклоняемся учителю Манчжучоше. Припадаем к стопам Очир Дары, покровителя одушевленных существ, наслаждающегося семью высшими способами и пребывающему пятью истинными (совершенствами) во дворце чистой высочайшей Аганисты. Преклоняемся пред совершенно чистым духовным свойством (будды), исполненным сущности, которая не приходит и не уходит, ведающим в одно мгновение многоразличным и обладающим качеством, равным небу. Преклоняемся пред свойством воплощения (будды), восходящим там, куда только направлено помышление, украшенным различными знамениями (совершенствами), прекрасным, как радуга. Преклоняемся пред Зая - Пандитой, возвращающим семена мудрости, напускающим на землю и одушевленные существа дождь учения основного разума и великий глас сострадания которого распространяется во все страны из середины моря достоинств. Уповая на этих высших, с согласия Раджамбы - Санджа - Джамцо, Балдана - Габцу, Або - Гелюнга, Лонрик - Цорджи и Нагбана - Санджи, мы, во главе с Дондук - Даши, все светские и духовные (лица), решив, написали вкратце светские и духовные законы.

Законы о духовенстве. Вообще все, по причине (принятых) обетов и прочего, должны соблюдать, законным образом, свой долг. Так как четыре падения составляют для гелюнгов корень великого греха, то если кто из них сделается действительно грешным, того, побуждая к оставлению (греха), оштрафовать четырехлетним верблюдом и отдать (этого верблюда) в казну Хурула (храма). Человек, увидевший гелюнга пьющим вино, имеет взять (с него) трехлетнюю лошадь.

Если такое падение приключится с гецюлем, то взять с

него четырехлетнюю лошадь. Человек, увидевший (гецюла) пьющим вино, имеет взять (с него) трехлетнего барана. Если так преступно будут поступать банди, то брать (с них) по трехлетнему барану; если будут пить вино, то увидевший имеет взять пятьдесят копеек.

Кто из духовных женится, должен развестись; если не оставит (жены), то не дозволять ему входить в храм, не допускать до исполнения обрядов и включить в податное (сословие).

Кто осквернит или оскорбит (словами), или побьет духовную особу, законно исполняющую (свои обязанности), с тем поступают по большому писанию сорока четырех (по древнему уложению). Вообще все принадлежащие к храму должны исполнять, как выше написано, правила при служении.

Если (которые) духовные лица будут старательно учиться наукам, то таковых по мере награждать и уважать.

Все духовные (лица) не должны ходить без оркимджи (перевязи); если не будут иметь (перевязи), то начальники храмов должны таковых по мере штрафовать.

Светские люди, принявши (исполнение) правил восьмичленного (обета), должны соблюдать (пост) в три (дня) месяца; если кто нарушит, то взять за то: с знатного человека трехлетнего барана; с многим известного человека тридцать копеек и ударить три раза по щеке; с (человека) низкого сословия взять десять копеек и ударить пять раз по щеке.

Всякий человек должен читать что возможно, особенно же мани (шестисложную молитву). Никто не должен лишать жизни (какое-либо животное) в постный день; если кто нарушит, то человек, увидевший (это), должен взять то животное, и хотя бы побил, но без повреждения членов, штрафу не подвергается.

Если сыновья знатных людей не будут обучаться монгольской грамоте, то с отцов таковых взыскивать по трехгодовалой лошади, сыновей же отдавать для обучения учителю; с многих известных людей (взыскивать) по трехгодовалому барану, а с (людей) низкого звания брать по

пятнадцать копеек, и детей их отдавать по прежнему, для обучения учителю. Если (чей-либо) сын не будет учиться до пятнадцати лет, то (таковых) штрафовать.

При известии о (приближении) быстрого неприятеля, кто услышит, тот тотчас должен дать известие в ставку князя, и сам должен выехать в сторону (против) того неприятеля. Если не выедет во время, то взыскивать: с князя по два девятка, со знатного человека по панцырной лошади и четырехгодовалому верблюду; с многим известного человека по четырехгодовалому верблюду, с людей низкого сословия по четырехгодовалой лошади.

Другие военные правила: войско, предназначенное к походу, должно выступить тотчас по получении объявления (о походе); если (кто) не явится в назначенный срок, таковых штрафовать по закону: князя девятком, знатного человека четырехгодовалым верблюдом, многим известного человека четырехгодовалой лошадью, (человека) низкого сословия трехгодовалой коровой; возвратившиеся из похода преждевременно не имеют отличие (т. е. подвергаются тому же штрафу), а на совсем отказавшихся (т. е. не выехавших) законный штраф налагать вдвое.

Если передовой отряд (при самовольном нападении на неприятеля) не достигнет цели (будет отбит), то (захваченную) им добычу всю отобрать и (кроме того) с передового отряда взять тридцать лошадей; если кто из передового отряда (своевольно) убежит, такого изгнать нагим (т. е. все обобрать). С завладевших добычей (преждевременно) отобрать добычу и взыскать по лошади с человека. Отличившихся и нерадевших в сражении награждать и наказывать по мере, справляясь с древним уложением.

Если какой князь, вступив в спор во время обыска, нечаянной ссоры, или при даче подвод, будет побит, за то штрафу не полагается, так как такой поступок неприличен князю и есть самоунижение.

Судьи должны производить суд без лицеприятия; если

обнаружится лицеприятие, то такового, при обществе, должны осмеять и пристыдить; вторично – поступить также, в третий раз – отстранить от суда.

Не допускать до говорения на (суде) вместо вора постороннего человека; если явится к говорению, то с такого человека, наказавши десятью ударами, взять трехгодовалую лошадь и отдать ее в пользу княжеской ставки (в пользу князя).

Если зайсанг, без суда, будет защищать каким-либо образом вора, то, вызвавши, осмеять и пристыдить его при обществе; вторично – поступить также; в третий раз водить его, в одних штанах, вокруг княжеской юрты, а на самого вора, наказавши пятьюдесяти ударами, в течение одного месяца надевать выдолбленного (из дерева) жеребца (т. е. колодку) и поставить на щеках по клейму; при вторичной (кражс) поступить такжс, а при трстьсй продать (вора) на Кубань или в Крым. Вообще продавать оштрафованного (по воровству) человека, по объявлении о том яргачею, в вину не ставится; если кто продает, не объявивши яргачею, того штрафовать по закону, и ту цену, (которую получил за вора), отобрать и отдать в пользу княжеской ставки (т. е. князя). Если вор будет находиться под защитою лам и лиц сильных, то с зайсанга его взять четырехгодовалого верблюда в пользу княжеской ставки (князя); если (зайсанг) будет говорить, что (о таком воровстве) он не знал, то должен (вместо себя) дать к присяге совершенно равного себе человека (т. е. зайсанга же). Если бы самого зайсанга в то время (дома) не было, то таким образом подвергнуть штрафу его жену или братьев, кто будет на лице, если и этих не будет на лице, то таким образом штрафовать чиновного демчея, и со старосты селения (хотона) вора взять четырехгодовалого верблюда на (место служения) будде (т. е. на храм); сколько бы хотонов (селений) не было безразлично (поступить со старостами); если бы была только одна юрта (вора), то верблюда, следующего со старосты селения (хотона), взять с самого вора.

Если староста селения (хотона) будет говорить, что он

не знал (об этом), то привести к присяге его зайсанга; если жена и дети старосты селения (хотона) будут говорить, что они (об этом) не знали, то присяга (для их Зайсанга) безразлична (т. е. Зайсанг должен быть приведен к присяге). Если кто, поймавши вора, представит его в княжескую ставку, тому, сверх законного вознаграждения, дать четырехгодовалого верблюда; наказание и штраф с того вора взыскать, по закону ли о воровстве или по закону о доказательстве, зависит от того, как покажет доказатель.

Если кто, зная (о совершении воровства), скроет воровство, с того, наказавши пятнадцатью ударами, взять четырехгодовалого верблюда в пользу князя; человеку, заявившему (о сокрытии воровста), от верблюда дать четырехлетнюю корову.

Кто совершит кражу у послов чужеземцев, как - то: русских, киргизов, черкесов, кубанцев и крымцев, то с такими поступать по определенному штрафу и наказанию; хозяевам возвратить (украденный) скот и взыскать особый штраф в пользу княжеской ставки (князя); человеку, который заявил (о воровстве), дать четырехгодовалого верблюда; относительно (взятия) верблюда с старосты селения и укрывательства зайсанга, по наказании вора, поступить по прежнему правилу.

Что касается действительного (явного) вора, то не следует ожидать зайсанга его, а какой заведующий (будет при этом), тот вора, оштрафовав, должен выдать.

Если в штраф за действительное (явное) воровство должны быть (даны вором) люди, или скот, или имущество, и если (за вора) будут просить духовные лица или люди сильные, а владелец штрафа (того) не отдаст (не уступит), того в вину не ставить.

Если хозяин (украденного) скота помирится с явным вором и возьмет тайно свой иск (согласится на сделку), то вора оштрафовать надлежащим образом и (штраф) отдать на нужды княжеской ставки, а хозяина скота наказать двадцатью пятью ударами и уничтожить его иск.

Если два зайсанга, боясь присяги, согласят (вора и потерпевшего), то могут они примириться, давши то, что следует взять в пользу княжеской ставки (на князя); если так не сделается (т. е. если ответчик не даст), то привести к присяге надлежащим образом. Но если тот, кто должен присягнуть, согласится возместить (украденное), то это разрешается.

Человек, доказавший на помирившегося с вором, имеет получить за то четырехгодовалого верблюда. С двух зайсангов, участвовавших в примирении явного вора, должно взять по четырехгодовалому верблюду на княжескую ставку; тому же человеку, который это доказал, от тех верблюдов дать по четырехлетней корове.

Если кто украдет (какую-либо) вещь и она будет (стоить) по цене свыше рубля, то наказание (вору), (штраф) со старосты селения (хотона) и следующее на княжескую ставку безразличны (от взыскания) за воровство скота; следующую с них пеню должны давать одинаково. Количество штрафа: хозяину (покраденного) возместить вдвое, ему же барана для принесения в жертву огню; тому, кто об этом известил, трехлетнюю лошадь для (принесения) будде (на храм); на княжескую ставку – верблюда, судьям по четырехлетней корове, свидетелю четырехлетнюю лошадь, яргачею четырехлетнюю лошадь, посланному (по этому делу) трехлетнюю лошадь, палачу трехлетнюю (скотину), с начальника селения (хотона) верблюда; судья, который решил дело (по воровству), имеет получить свою корову (т. е. следующую ему по закону) с главного (из воров).

О ночлеге. Когда отпускают (после ночлега заезжего) человека из Дербетов или других людей, имеющих дома близ русских (селений), то все родственники или знакомые, должны отпускать (такого заезжего человека), или записавши его, или заявивши (о нем) какому-либо знатному человеку; если не будет так поступлено и в следующую ночь в соседстве того человека, (у которого ночевал проезжий), пропадет несколько скота, то тот, у кого ночевал, должен возместить и сверх того

(должен) трехлетнюю лошадь на княжескую ставку; хотя бы и не пропало скота, все таки взыскать в штраф трехлетнюю лошадь (за не объявление).

Если ночевавший уведет (у кого-либо) скот, то того, у кого он ночевал, штрафовать; и этот скот свой (отданный в штраф) должен сам искать с того ночлежника.

Положение об объявлении о ночлеге. Следует отпускать (заезжего после ночлега), объявивши о нем человеку, появившемуся в обществе уважением, или человеку знатному, живущему в окрестности; это (правило) для людей, живущих вдали (от князя); люди же, живущие вблизи княжеской ставки, должны отпускать (заезжего после ночлега), заявивши одному из находящихся здесь в ставке) чиновников; если этого не сделают, то поступить по вышеписанному положению.

Обязанности яргачея. (Яргачей), не взирая ни на дружбу, ни на родство, должен соблюдать правила судопроизводства; если будет лицеприятие по дружбе или по приязни, то поступить с ним по закону о штрафе для судей. Кто из многих судящихся (будет) первым (по времени поступления дела), дело того должно решать прежде. Если встретится судебное разбирательство, весьма нужное и требующее скорого решения, то (яргачей) объяснивши судьям причину, должен представить (это дело) на решение прежде (других дел).

Яргачей, вообще посылая к ответчику по делам (просителя), должен посылать с приказанием, чтобы (ответчик), если имеет разбираться судом, явился бы в суд и заявил свои претензии (на истца); если же не намерен разбираться судом, то отдал бы его вещи (т. е. удовлетворил ты истца).

Если посланный по делу имеет получить вознаграждение, то должен ехать на своей лошади и привести дело к окончанию; посланного же, отправившегося, не поступивши таким образом, а поехавшего, севши на лошадь просителя, и получившего (свое) вознаграждение, не окончив

дела, ударить по скуле шесть раз и отобрать (от него полученное) вознаграждение, посланным же назначить другого человека.

Общие правила для посылаемых. Все посылаемые (по делам), кроме трех законных (нужд), должны переменять лошадей (подводы), законным образом; не должны миновать очередной подвод, отбирать деньги и взятки; если минуют (очередных подвод), то взыскивать по тридцати копеек за лошадь, если же (лошадь) падет, должен возместить. Не должны пить вина. Кто побьет таким образом едущего посланного и сделают ему какую - либо несправедливость, с тем поступить по законному суду; кто побьет посланного, поступающего иным образом, несправедливо, и пьющего вина, то в вину не ставится, если только не повреждены у него члены.

Законы о присяге. Должно присягать в назначенный срок; кто замедлит (пропустит срок), процесс того уничтожить. Судьи должны осмотрительно назначать день (присяги). Если тем, который должен присягать (т. е. ответчик) и который побуждает привести к присяге (т. е. истец), встретится крайняя нужда, по которой они (ответчик и истец) не могут явиться в срок, то должны к сроку прислать кого - либо и заявить (о невозможности) яргачею; если этого не сделают, то процесс их уничтожить. Правила для принимающего присягу (ответчика) и побуждающего к принятию присяги (истца) безразличны.

Вообще (всякий) сам должен заявить, при свидетелях, тому человеку, с которым имеет судиться, чтобы он явился (в суд); если (противник) этого не исполнит, то взять у яргачея посыльного (и послать), заставивши (противника) заплатить (посыльному) вознаграждение; если не послушается посыльного, то взыскать трехлетнюю лошадь; во второй раз поступить таким же образом, в третий раз процесс решить в пользу истца.

Если кто возьмет (у яргачея) посыльного, говоря, что

он имеет судебное дело с (тем) человеком, и если это окажется (делом) пустым, не имеющим основания, (делом), из которого ответчик может выйти без присяги, то посыльный имеет получить свое вознаграждение с того человека, который взял посыльного без (всякого) основания.

Вообще (всякий) человек должен, при свидетелях, заявить должнику о требовании какого - то то ни было своего долга; если (должник) не отдаст, то должен заявить яргачею и получить (свой долг) через посланного. Посланный должен получить свое вознаграждение с ответчика. Если (заимодавец) так не поступит и захватит у должника (что-либо) ночью, то долг его уничтожить, и (сверх того) взыскать с него четырехгодовалого верблюда и отдать в пользу княжеской ставки (князя); посланный же имеет получить вознаграждение от верблюда. Если (заимодавец) захватит (что-либо) днем, то долг его уничтожить, а вознаграждение посланному получить с того человека (должника).

Кто украдет человека, того штрафовать по закону об убийстве. Если нападут воры и ранят кого-либо оружием, за то (раненому) взять (с воров) человека; если ранят лошадь, то за лошадь взять четырехгодовалого верблюда. Если (воры) будут стрелять и промахиваться, то взять, по числу стрел, по четырехгодовалой лошади. Свидетелю, который, поймав вора, без хозяина (покраденного) представит его князю, дать четырехгодовалого верблюда; свидетель же, доставивший и хозяина (покраденного), имеет получить вознаграждение по древнему уложению. Если свидетель, ради получения вознаграждения, будет показывать ложно, то, обнажив его при обществе, дать пятнадцать ударов нагайкой, и вознаграждение, которое следовало бы получить за то дело, взыскать с самого свидетеля и отдать таковое в пользу княжеской ставки (князя).

Законы о грабеже. Сверх законного наказания и штрафа, взыскать (с грабителей) столько душ (человек), сколько человек было ограблено. Кто, при знатных свидетелях,

не допустит до обыска, того штрафовать по закону. Если случится свидетель, по словам которого не может быть разъяснено (дело), то (не допустивший к обыску) обязан возместить (покраденный) скот, а вместо штрафа дать присягу.

Законы о следах. Кто, при знатных свидетелях, не отведет следов (пропавшего скота) на цельном снеге, на цельном песке, на совершенно свежей и цельной грязи, того оштрафовать по закону; если случится такой свидетель, на словах которого не может быть разъяснено (дело), то (не отведавши следов) должен возместить (пропадший) его скот, и в штраф (т. е. вместо штрафа) дать присягу. О других следах, кроме этих, должно решать по древнему уложению.

Если тайного (случившегося под рукой) свидетеля заставить давать показания судье или яргачею, то (показание такого свидетеля) должно принимать, соображаясь с положением человека; если нельзя будет объявить и чиновникам, то все, таки втуне не оставлять, а, обращая внимание на слова и обращения, учинить решение.

Если вообще, начиная с служащих чиновников, близкие камердинеры или телохранители, принимающие в делах участие, или слуги, или подносители яств (при высших особах) будут поступать вне правил (т. е. неприлично), а именно: будут сварливы, завистливы, небрежны, ленивы, преданы игре и вину, то с предоставлением такового времени, они сами собой будут опорочены; такие люди не должны говорить, что я унизился из своего положения, а должны видеть, (что это произошло) именно от них самих.

Кто не даст повод на три законные (нужды), того штрафовать по древнему писанию (уложению). Если люди сильные, не обязанные давать подвод, будут прикрывать лошадей (подводы) других людей, с таковых брать по трехлетней лошади.

Если прийдут воры и угонят из смежного улуса скот, или если будут выходить изнутри (из общества) перебежчики, то каждый преследующий их близкий (по местности) человек

награждается, а не преследовавший подвергается штрафу.

Награждение и штраф (при спасении и неспасении) за расхищенный волками скот, или (находившийся в опасности) от огня и (непрочности) льда да будут по древнему писанию (уложению).

Вообще каждый должен жить в своей части, или левой, или правой, или средней; со старшины сорока (юрт, т. е. аймака), кочующих, в числе сорока (юрт), отдельно от своей части, взыскать четырехгодовалого верблюда и присоединить их (к своей части). За людей, кочующих отдельно не в числе сорока (юрт, т. е. аймаком), взыскивать по четырехлетней лошади с (каждого) хотона и присоединить к их сорока (юртам, т. е. к их аймаку); если кто, кочуя таким образом отдельно, лишиться чего - либо от внешнего неприятеля, то зайсанга их устранить от народа (от управления). Если будут кочевать отдельно от своих сорока (юрт, т. е. аймака) без зайсанга, то тех, которые лишатся чего - либо от неприятеля, старший из них передает русским и по времени должно расследовать (о них).

Каждый человек должен носить на шапке кисть; мужчина должен заплетать свою косу; женщина не должна носить одежды с двумя пазухами; если будет носить вдова, то в том вины нет.

Каждый человек должен поступать по словам зайсанга (т. е. быть в послушании); если зайсанг сам будет поступать против справедливости князя и общества, то не должно поступать по словам такого зайсанга и следует объявить (об этом) князю и обществу. Кто не поступит таким образом, того оштрафовать по закону.

Не возбраняется зайсангу примирять людей, подчиненных одному зайсангу (т. е. людей одного аймака), в воровстве, подлежащем разбирательству суда; если же (воровство) было явное, то поступить по вышеозначенным законам.

Если малые князья, командированные с войском в

поход, будут нуждаться в вьючных животных, в определенной пище и определенных подарках (из яств и прочего), то им (позволяется) пользоваться лошадьми для переезда, вьючными животными, работниками и теми приношениями, которые следует дать иноземцам; кроме же этого, по своему желанию, ничем пользоваться не должны.

Вообще всякие дела, которых в этом (уложении) нет, следует решать, или применяясь к древнему писанию (уложению), или словесным разбирательством, на основании принятого обычая.

Относительно (найденного) бродячего скота должны заявить яргачею и доставить его в княжескую ставку. Кто так не поступит, с того взять трехлетнюю лошадь и отдать ее в пользу княжеской ставки (князя). Человеку, доказавшему, что (найденный) бродячий скот был скрыт, дать должное вознаграждение за тот скот от утаителя. Поймавши бродячий скот, следует об нем объявлять в продолжение трех суток тамошним (т. е. соседям), а затем, не позже как через (трое) суток, представить (в княжескую ставку); но при этом следует принимать во внимание близость и дальность расстояния (от ставки). Человек, по взятии (скота) должным образом и по законном о нем объявлении, представивший скот (кому следует), иметь получить свое законное вознаграждение.

Если самовольно учинят воровство и разбой в жилищах Киргизов, Крымцев, Черкесов и Кубанцев, то, отобравши все привезенные ими вещи, взять всех их лошадей (на которых приехали); если зайсанг их знал (об этом воровстве), то взять с него четырехгодовалого верблюда, если же будет говорить, что не знал (об этом), то привести (вместо него) к присяге совершенно равного человека (т. е. зайсанга же). Человеку, доказавшему это, дать от тех ездивших (для грабежа) людей трехлетнего верблюда.

Потрава запрещенного места и распугивание диких коз (штрафуется) девятком с верблюдом во главе. При (недоставлении) определенного продовольствия (для князя), поступить по древнему уложению. Кто истребит диких коз и

(потравою) место по неведению, то в вину не вменяется; однако должно исследовать судом.

Если гелюнги, заведующие чистотой (храмов), сойбоны, йэшэи (название должности), тойны (духовные), заведующие делами светскими, и телохранители будут пить вино, но пить с дозволения ламы, князя и общества, то таковых штрафу не подвергать; если же будут пить (вино) иным образом, то штрафовать по вышеписанному положению.

Если встретится важное судебное разбирательство, по которому присяга по воровству должна дойти до зайсанга, то должно быть разыскиваемо через топор; если же дело будет не важное, по которому (присяга) до зайсанга не дойдет, то привести к присяге должного человека.

Пеня (за воровство) с султанских гор (следующая): два трехгодовалых верблюда вместо человека; прочий (штраф) безразличен от калмыков (т. е. как за воровство у калмыков); наказание и штраф со старшины тоже безразличны. Если вора будут защищать другие люди, как то: ламы и люди сильные, то взыскивать с таковых по четырехгодовалому верблюду на княжескую ставку; если будут запираться, то таковых из них привести к присяге по закону.

5. Регламентация ответственности за преступления между калмыками и сопредельным населением

Анализ показывает, что ни нормы Цааджин-Бичик, ни Указы Галдана-хунтайджи, ни Токтолы Дондук-Даши не предусматривали регламентацию уголовно-правовых отношений, возникавших вследствие совершения преступлений между калмыками и сопредельным с калмыцкими улусами населением. Это объяснялось тем, что указанные выше памятники монголо-калмыцкого права предназначались только для нормирования внутренних

отношений Джунгарского и Калмыцкого ханств. Однако, с начала XVIII столетия все настойчивей стала проявляться необходимость в правовом регулировании отношений, связанных с совершением преступлений между калмыками и, в частности, русскими.

Калмыцкие улусы, кочуя по степным просторам Прикаспия, Волги и Дона, естественно, вступали в соприкосновение с русским населением. При этом калмыки, в силу укоренившихся в них традиций кочевого быта, зачастую совершали набеги на русских, отбивая у них скот и иное имущество. Русские же в свою очередь нападали на калмыцкие хотоны (селения), угоняя стада, захватывая людей. Кроме организованных взаимных нападений часто бывали случаи ограбления или убийства отдельных русских калмыками или наоборот.

Подобные явления не могли не вызвать беспокойства русских властей и калмыцких ханов и их стремления к урегулированию таких конфликтов. Трудность последнего заключалась в том, что не было единой правовой основы для применения равных репрессивных мер в отношении русских или калмыков, виновных во взаимных грабежах, убийствах. Калмыки, хотя и являлись подданными России, но во внутренних делах пользовались полной самостоятельностью и не хотели нести ответственности по русским уголовным законам. Тем более, что им чуждо было за грабежи и убийства подвергаться пытке, лишению свободы, смертной казни, членовредительству, направлению на каторжные работы, которые широко применялись в Российской империи в соответствии с Соборным Уложением и Уставами Петра I. Русским же чиновникам непонятны были калмыцкие законы, по которым лица, виновные в грабежах и убийствах, наказывались только штрафами. Поэтому они настаивали на применении за преступления между калмыками и русскими наказаний, предусмотренных имперскими уголовными законами.

Но в первые десятилетия XVIII века эти попытки были отвергнуты Аюка-ханом, который пользовался большим расположением Петра I и имел твердость противодействовать притязаниям местных русских властей. Аюка-хан и его приближенные предлагали русским по рассматриваемому вопросу свою систему наказания и способ рассмотрения дел между русскими и калмыками.

Так, Чакдор - Джаб, старший сын Аюки-хана, писал астраханскому воеводе М. Чирикову 2 октября 1713 года, что "а которые люди в воровстве приличены будут, и тех людей смертию казнить худо. И хорошо бы вместо тех пропалых (убитых) людей вашим и нашим людям чинить платы".[50]

Желая уклониться от обострения русско-калмыцких отношений, т. к. Россия в это время остро нуждалась в военных силах калмыков, воеводы городов Саратова, Царицына и Астрахани вынуждены были временно согласиться с калмыцкими предложениями. Вследствие этого была установлена такая судебная практика, что за убийство "знатного или чиновного" русского или калмыка потерпевшим взыскивали с виновных штраф в 100 рублей, а за убийство "простого" человека – 50 рублей.[51]

Для расследования случаев, связанных с отгоном скота или ограблением людей, устанавливался следующий порядок. В чей улус приводил след перегоняемого краденного скота, те и возмещали как похищенное, так и штраф. Подобные же последствия наступали, если в данном улусе обнаруживалась хотя бы одна голова из угнанного скота или часть из похищенных предметов. При этом в вопросах возмещения ущерба судебная практика полностью исходила из показаний потерпевших о количестве похищенного. Например, утверждали потерпевшие, что было угнано 20 лошадей, признанный виновным улус возвращал заявленное количество.

Если же калмыки задерживались на месте преступления русскими властями на русской территории, то для участия в рассмотрении дела выделялись специальные ханские

представители, именовавшиеся бодокчеями. Они обязаны были следить за обоснованностью обвинения и правильностью установления взысканий.

Однако, как свидетельствовала судебная практика, русским поселенцам было трудно, а порой и невозможно, самим доказать виновность калмыков в преступлениях против них, т. к. калмыцкие нойоны крайне редко выдавали виновных. В связи с этим инструкция от 27 декабря 1722 года за подписью канцлера графа Головкина для русского представителя при ханской ставке В. Беклемишева обязывала его быть посредником в судебных делах между русскими и калмыками.

В частности, в п.II этой инструкции говорилось – "ежели когда калмыки учинят кому из российских людей какую обиду, и ему, капитану, о том будет сведомо, и о том предлагать Аюке-хану и требовать дабы он приказал о том сыскивать и виновным за обиду русских чинить указ и наказание, и взятое что возвращать".[52]

Приведенная выше судебная практика почти в полном объеме действовала до конца жизни Аюки-хана.

После его смерти русские власти все чаще стали отходить от этой практики, применяя к калмыкам, уличенным в нападениях на русских, нормы Соборного Уложения. Так, за кражу вещей у русских калмыками последние на основании главы 21 п. 9 Соборного Уложения подвергались битью кнутом, отрезанию уха и высылке в калмыцкие улусы.[53]

В период с 1724 по 1735 годы, время междоусобицы и падения авторитета ханской власти, участились случаи неосновательного осуждения и жестокого наказания непосредственно русскими судебными инстанциями калмыков, захваченных по подозрению в совершении преступлений. Калмыки же по предъявляемым русскими претензиям, продолжали придерживаться системы штрафов, не выдавая виновных для наказания по имперским законам. Таким образом, за деяния однородного преступного характера назначались диаметрально противоположные виды наказаний

в зависимости от воли русской или калмыцкой судебной инстанций.

Изучение проблемы наказания калмыков и русских за преступления между ними показывает, что в этом вопросе столкнулись коренные интересы калмыцких ханов и русской администрации. Калмыцкие ханы стремились сосредоточить в своих руках судебное разбирательство дел по обвинению калмыков в преступлениях против русских по той причине, что, возмещая русским потерпевшим только ущерб, они одновременно взыскивали с виновных калмыков штраф, предусмотренный по калмыцкому уголовному праву. Настаивая на ответственности русских за преступления против калмыков по системе штрафов, калмыцкие феодалы также преследовали цель получения материальной компенсации, которой они, естественно, лишались вследствие наказания виновных по имперским законам.

Русские же власти стремились использовать “проблему наказания” для усиления своего влияния на калмыков и подготавливали почву для русификации их национального права. Противодействуя этому, калмыцкие ханы выдвинули идею разработки “особливого права” для разрешения уголовных дел между русскими и калмыками, который отвечал бы их рассмотренным выше интересам. Поэтому калмыцкий хан Дондук-Омбо в 1736 году возбудил ходатайство перед русским правительством о выработке “особливого права, по которым можно было производить суд и расправу в тяжбах между русскими и калмыками.”[54]

Для разрешения данного ходатайства российская коллегия иностранных дел (КИД) поручила саратовскому воеводе В. Беклемишеву “яко издавна при тех калмыцких делах пребывающему” представить свои соображения.

В. Беклемишев, изучив существовавшую судебную практику, внес ряд предложений для устранения царившего партикуляризма. В частности, он предлагал следующее: жалобы, об имевших место ограблениях, сообщать в соответствующую канцелярию, где об этом сделать запись;

точно устанавливать сумму ущерба посредством свидетельских показаний и иных доказательств; возмещать ущерб от кражи скота не по правилу "голова за голову", а по заранее установленной стоимости похищенного, чтобы избежать неэквивалентного удовлетворения иска; убийцу наказывать смертной казнью; если ему удавалось бежать, то задерживать любого калмыка с его аймака до явки убийцы. Если в установленное время последний не являлся, то предлагалось повесить заложника; рассмотрение дел между калмыками и русскими рекомендовалось возложить на командиров городов, граничивших с калмыцкими улусами; наказание определять по имперским законам.[55]

Но коллегия иностранных дел предложения В. Беклемишева не решилась ввести в практику, оставив без удовлетворения также ходатайство калмыцкого хана.

Дондук-Даши, пришедший к власти после смерти Дондук-Омбо, также обратился к русскому правительству с просьбой "для произведения между калмыками и россиянами суда и расправы во всех местах единым, а не разными образами, пожаловать выдать письменное право, а волжских городов командирам указом наикрепчайше подтвердить, дабы оные потому суд производили без продолжения времени".[56]

Коллегия иностранных дел на этот раз предложила управляющему Комиссией калмыцких дел В. Татищеву составить совместно с Дондук-Даши такое право. При этом рекомендовалось, что "в новом праве для суда с русскими, кажется, надобно постановить об убийстве по нашим правам, изъясняя при том бываемые случаи; за краденных с обе стороны лошадей и другой скот написать немалую цену".[57] Однако В. Татищев с порученным ему заданием не справился, и калмыцкие ханы так и не дождались от русского правительства "особливого права", о котором они столь тщетно хлопотали.

Наоборот, в 50-х годах XVIII века русские власти окончательно установили ответственность калмыков за преступления против русских по законам империи, строго обязав калмыцкого хана выдавать преступников, укрывшихся

в калмыцких улусах, русским полицейским чиновникам. Так, канцлер граф Бестужев-Рюмин 7 сентября 1754 года уведомил Дондук-Даши, что установленная еще при Аюке-хане плата за убитого в 100 и 50 рублей прекращается. Виновные в убийстве с обеих сторон подлежат наказанию и ссылке на казённые работы. Указом коллегии иностранных дел за № 9 от 9 января 1755 года "калмыков за воровство велено пытать по силе Соборного Уложения и в чем повинятся, то взыскивать".[58] А Указами коллегии иностранных дел от 20 ноября 1762 года и 10 мая 1763 года калмыки, признанные виновными в воровстве хотя бы в первый раз, подвергались обязательной ссылке на каторжные работы.

Таким образом, этими указами официально и окончательно была регламентирована ответственность калмыков за преступления против русских по имперским уголовным законам.

В то же время за преступления внутри калмыцкого общества они продолжали отвечать в соответствии с нормами своего национального уголовного права.

Глава вторая

Вопросы, связанные с понятием преступления по уголовному праву калмыков второй половины XVII–XVIII веков

В общей системе права калмыков XVII–XVIII веков самым развитым по уровню правотворчества степных кочевников и наиболее широко применявшимся в общественной жизни калмыков было уголовное право.

Необходимо заметить, что, изучая уголовное право калмыков XVII–XVIII веков по нормам Цааджин-Бичик и Токтолов Дондук-Даши, нельзя его модернизировать, полагать в нем в полном объеме такие институты и понятия, которые сформировались в более поздние исторические эпохи. Попытка модернизации была бы, несомненно, связана с непониманием сущности калмыцкого феодального общества и уровня его развития в рассматриваемое время. "... право никогда не может быть выше, – подчеркивал К. Маркс, – чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества".[1] Поэтому исследуемое уголовное право полностью соответствовало консервативному характеру феодальных отношений калмыков того периода.

Однако было бы ошибочным отрицать известность уголовному праву калмыков тех положений, которые характерны для более развитых правовых систем. Другое, что они в силу того уровня правотворчества не были конкретизированы и четко сформулированы. Вследствие этого раскрытие наиболее важных вопросов исследуемого уголовного права, в частности, понятие преступления, формы вины, цель наказания и его виды, а также и других, связанных с общим понятием преступления, возможно лишь посредством установления и анализа сведений о них, вкрапленных в

содержание отдельных норм Цааджин-Бичик и Токтолов Дондук-Даши.

Понятие преступления

Благодаря исследованиям историков считается установленным, что калмыцкое общество, принявшее подданство России, было феодальным, но осложненным пережитками патриархально-родовых отношений. Калмыцкое феодальное общество характеризовалось четко выраженными контурами сословного разделения, в котором политическое и экономическое верховенство принадлежало классу светской и духовной знати. Поэтому ханская власть, нойоны, зайсанги, другие представители светской знати и духовенства всеми средствами укрепляли свое политическое и экономическое всевластие. Мощным и специфичным рычагом к достижению этого всевластия служило уголовное право калмыков XVII–XVIII веков. Вследствие этого данная отрасль права калмыков по своей направленности и структуре являлась типичным образцом феодального права.

Данное право калмыков, как и право любого другого народа эпохи феодализма, являлось сословным правом привилегий, правом сильного. Фактическое неравенство членов калмыцкого феодального общества, основывавшееся на частной собственности и классовом делении, дополнялось открыто утверждавшимся юридическим неравенством по отношению к классу албату (феодально зависимые рядовые калмыки).

Уголовно-правовые нормы калмыков XVII–XVIII веков последовательно защищали частную собственность на средства и продукты труда, способствовали эксплуатации рядовых кочевников внеэкономическим принуждением к труду и, будучи обусловленными экономическим базисом калмыцкого феодального общества, активно обслуживали этот базис, способствовали его упрочению.

Таким образом, уголовное право калмыков XVII–XVIII веков представляло совокупность юридических норм, установленных и санкционированных феодально-нойонской знатью, определявших как преступление действия, опасные для интересов политически и экономически господствовавшего класса нойонов и духовенства, а также регламентировавшие условия назначения и применения наказания за их совершение.

Безусловно, что в общей структуре уголовно-правовых воззрений калмыцкого феодального общества исследуемого периода, важнейшим компонентом являлось само понятие преступления, исходя из которого конкретное деяние считалось представляющим повышенную общественную опасность для устоев феодальной Калмыкии.

"Преступление – понятие юридическое, исторически изменчивое", – указывал Н. Дурманов.[2] Классовая природа понятия преступления в феодальном обществе проявлялась в том, что как преступление рассматривались такие деяния, которые являлись опасными для политических и экономических интересов господствовавшего в данном обществе класса, посягавшими на жизненные основы его существования.

Исходя из изложенных выше положений о понятии преступления, рассмотрим социальную сущность понятия преступления по уголовному праву калмыков XVII-XVIII веков.

Цааджин-Бичик, Указы Галдана-Хунтайджи и Токтолы Дондук-Даши не содержат в себе нормы, специально определявшей бы понятие преступления с позиций феодально-нойонского класса. В изучаемом уголовном праве калмыков не было также и специального термина, употреблявшегося бы в смысле русского слова "преступление". Но существовал термин понятия закон, называвшийся "йосун". Отсюда понятие преступного у калмыков ассоциировалось с деянием, связанным с нарушением закона.

Анализируя уголовно-правовые нормы, можно прийти к выводу, что как преступление в калмыцком феодальном обществе рассматривались деяния, причинившие материальный или моральный ущерб личности или обществу в целом. Такое понимание преступного не является случайным, и, как свидетельствует история права, оно тождественно аналогичному понятию по памятникам права других народов, стоявших на более или менее одинаковом уровне общественного развития. Так, "самого слова "преступление" Русская Правда не знала . На языке этого памятника то, что мы понимаем под преступлением называлось "обидой". Преступление воспринималось в первую голову как причинение потерпевшему ущерба – материального или морального.[3] "Первоначально в праве Литовского государства преступлением называли действие, причиняющее ущерб материальный или моральный другому лицу".[4] "...в казахском обычном праве под преступлением фактически подразумевались лишь те действия, которые причиняли материальный или моральный вред экономическим или политическим интересам класса феодалов и нарушали установленный им же правопорядок".[5] Природа подобного тождества объясняется тем, что содержание понятия преступления в феодальном уголовном праве определялось феодальными общественными отношениями.

Как преступление по уголовному праву калмыков XVII–XVIII веков считались, например, убийство, причинение телесных повреждений, изнасилование, совершение кражи, похищение женщин, скотоложество, а также несообщение о приближении "великого неприятеля", уклонение от участия в военном походе, самовольная откочевка из владений нойона, непредоставление подвод посланцу "по делам веры и службы", дача ложных показаний, взяточничество судей и т. д.

Классовость понятия нарушение закона вытекает непосредственно из содержания уголовно-правовых норм,

защищавших как личные интересы феодалов, так и основы их общественного строя. В соответствии с этим признавались преступными не только посягательства на честь, достоинство, жизнь и имущество представителей класса цаган-ясн (знати), но и деяния, в частности, направленные против сословных привилегий данного класса в целом, против установленного им порядка управления и системы военной организации. В свете этого, очевидно, что "понятие преступления в буржуазном и добуржуазном государствах определяется опасностью данной группы деяний для устоев существующего строя и для правопорядка, т. е. для порядков, угодных и выгодных эксплуататорам".[6]

Рассматриваемое уголовное право считало преступлением причинение материального, морального и физического ущерба как лично потерпевшему или его сородичам, так и интересам всего калмыцкого общества. Следовательно, понятию преступления по уголовному праву калмыков изучаемого периода были присущи не только частные, но и общественные интересы. В силу этого "что могло и должно было считаться обидой, устанавливалось не произволом и усмотрением потерпевшего".[7] Подтверждением этому служит то, что по исследуемому уголовному праву были предусмотрены ряд преступлений, по которым судебное преследование могло возбуждаться не только по воле конкретного потерпевшего лица. Таким образом, нарушением закона являлось такое деяние, которое было предусмотрено источниками уголовного права, зафиксировано в них и отвечало классовым чаяниям феодально-нойонской знати. Поэтому к рассмотрению дела суд мог приступить не только по инициативе частного лица, но и по усмотрению хана, нойона или духовенства, если предполагалось причинение вреда интересам всего господствовавшего класса. В частности, в случаях несообщения о приближении "великого неприятеля ", бегства с поля боя, нападения на церковные владения, злоупотребления судей и т. д.

Классовость понятия преступления по исследуемому уголовному праву находит свое выражение и в том, что степень общественной опасности деяний, квалифицируемых как преступление, дифференцировалось в зависимости от того, к какому социальному сословию относился либо виновный, либо потерпевший. Так, нанесший оскорбление главному князю подвергался разорению. За аналогичное оскорбление "человека низкого сословия" с виновного взымался штраф всего в одну овцу с ягненком. За нанесение побоев чиновному князю полагался штраф в пять девятков скота. Если же нойоны или их чиновники наносили побои своим албату "дела ради", то они не несли никакой ответственности, даже если наступала смерть потерпевшего.[8]

Посредством анализа норм уголовного права калмыков XVII–XVIII веков в той последовательности, в которой принимались Цааджин-Бичик, Указы Галдана-хунтайджи и Токтолы Дондук-Даши, можно проследить какие именно деяния в соответствующие периоды времени феодально-нойонской знатью признавались преступными и насколько общественно опасными. Так, в соответствии с нормами Цааджин-Бичик самовольные откочевки албату от одного нойона к другому хотя и запрещались, но не признавались преступлениями. Указы же Галдана-Хунтайджи в целях усиления борьбы с массовым бегством албату в форме откочевок от своих нойонов установили уголовную ответственность не только беглецов, но и зайсангов, демчеев и шуленг, допустивших попустительство, а также тех, кто принимал их в свои кочевья.

Показательна регламентация уголовной ответственности судей. Цааджин-Бичик вообще не предусматривал ответственности судей. Указы Галадана-Хунтайджи устанавливали ответственность судей, если они при разрешении дел не взыскивали с виновных штрафа, шедшего в пользу князя, и если три раза неправильно рассматривали дело. Причем мотивы последнего не

оговаривались. Токтолы же Дондук-Даши развили дальше это положение, регламентировав ответственность судей в случаях "лицеприятия", очевидно, под этим имея в виду факты взяточничества и проявления иной корысти. Цааджин-Бичик и Указы Галдана-Хунтайджи не содержали специальной нормы об ответственности свидетеля за дачу на суде ложных показаний. Токтолы Дондук-Даши лжесвидетельство вводят в круг деяний, признаваемых преступлением. Приведенные выше и другие данные являются подтверждением того, что понятию преступления по рассматриваемому уголовному праву калмыков была характерна тенденция к эволюции в зависимости от исторических условий.

Немаловажную роль в формировании понятия преступления в калмыцком обществе XVII–XVIII веков сыграло буддийское духовенство. Оно в интересах утверждения своего господства и поддержания сословных привилегий нойонов активно участвовало в разработке правовых норм, стремясь придать светскому праву сакральный (священный) характер. Буддисты и калмыцкие феодалы настойчиво внушали простым трудящимся мысль, что преступные посягательства на их личные и имущественные интересы есть открытое и самое греховное неповиновение. Такое тесное переплетение взглядов феодально-нойонской власти и духовенства на понятие преступного не было случайным. Поэтому правильным является замечание Т. Культелеева, что "смещение юридического понятия преступления с религиозными представлениями вполне соответствовало интересам господствовавшего класса феодалов, использовавшего религию как свою опору для удержания трудящихся масс в повиновении, темноте и невежестве".[9]

Реализуя свое влияние на правотворчество калмыцких феодалов, буддисты предопределили установление ответственности за посягательства на их общественные, имущественные и иные интересы. Так, считалось

преступлением нападение на церковные владения, оскорбление чести и достоинства служителей религиозного культа, нарушение последними взятых на себя духовных обетов и другие. Как преступление расценивались преклонение перед шаманизмом и занятие шаманством. Данная норма была направлена на утверждение господства буддизма и на искоренение шаманизма в калмыцком обществе. Налетом буддистских догм обусловлено признание ряда деяний как преступление. Например, ответственность за истребление красной утки, воробьев, собак и змей, а также за нарушение соблюдения поста представителями как знати, так и простого люда.

Включение в правовые памятники норм, предусматривающих ответственность за употребление вина служителями религии, за нарушение ими обета о безбрачии, являющихся по своему существу религиозно-безнравственными проступками, по-видимому, можно объяснить лишь широким проникновением концепций буддизма в общественную жизнь калмыков. Однако вышеуказанное не может служить основанием к суждению, что у калмыков XVII–XVIII веков все безнравственные проступки ассоциировались с понятием преступного или рассматривались как идентичные явления. Изучение содержания монголо-калмыцких памятников права показывает, что калмыцкое общество отграничивало преступное от безнравственных проступков. Критерием к этому служили степень общественной опасности совершаемых деяний и, безусловно, их угроза классовым интересам феодалов и духовенства. Так, не считалась преступлением попытка к самоубийству, неуплата долга, причинение себе телесных повреждений, уничтожение своего имущества, избиение жены, хотя их аморальный характер является очевидным.

На понятие преступного у калмыков рассматриваемого времени оказали определенное влияние патриархально-

родовые пережитки, бытовавшие в их среде. С наибольшей силой они проявлялись в явном преклонении албату перед нойонами, в семейно-брачных отношениях и в институте круговой поруки. Феодально-нойонской знати было выгодно сохранять эти пережитки; поэтому нарушение некоторых из них они возвели в ранг преступления.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно сказать, что по уголовному праву калмыков второй половины XVII–XVIII веков как преступление признавались деяния общественно опасные для политических и экономических интересов феодально-нойонского класса и нарушавшие санкционированный им правопорядок. Совершение подобного деяния влекло за собой применение к виновному конкретно указанного наказания, входящего в систему наказаний.

Исследуемое уголовное право подразделяло преступления на тяжкие и менее тяжкие. Подобное деление осуществлялось исходя из объектов преступных посягательств, из предусмотренных за тот или иной вид преступлений наказаний, а также из порядка размещения статей в монголо-калмыцких памятниках права.

К тяжким видам правонарушений относились преступления, посягавшие на внешнюю безопасность калмыцкого общества, систему военной организации, церковные владения, честь и достоинство нойонов, убийства, кражи скота и другие. За их совершение предусматривались смертная казнь, разорение, умертвление со всей семьей и крупные штрафы скотом. Эти виды преступлений были помещены в начале текста Цааджин-Бичик, что, видимо, должно было свидетельствовать об их особой важности и большей степени тяжести.

В группу менее тяжких преступлений входили преступления, связанные с причинением телесных повреждений, нанесением оскорблений, деяния, совершенные по неосторожности, изнасилования, скотоложество и т. д.

По смыслу отдельных норм исследуемого права

преступление, как деяние, могло быть совершено не только посредством активных, целенаправленных действий, как, например, убийство, кража, изнасилование, нанесение оскорблений, но и в форме бездействия, т. е. несовершением определенных действий, которые виновный обязан был совершить в силу служебного, морального или иного долга. Так, например, "кто увидит приближение великого неприятеля или о том через кого "уведает", да и другим не объявит, и того с детьми и со внучатами разорить и самого его со всею "фамилиею" умертвить; ежели кто посланцу не даст подводы...с такого взять лошадь: а буде кто, увидя какую воровскую партию, и другим о том не объявит, и с того взять штрафу половину его скота; десять человек должны оказывать помощь для женитьбы одного. Кто не даст пособия, того штрафовать двумя верблюдами, пятью лошадьми и десятью баранами".

При этом интересна тенденция законодателей регламентировать уголовную ответственность виновных за совершение ими преступлений в форме бездействия лишь за правонарушения, касающиеся внешней безопасности, основ порядка внутреннего управления и развития в людях чувства коллективной взаимопомощи.

Субъект преступления

По уголовному праву калмыков XVII–XVIII веков в качестве субъекта преступления выступал только человек, совершивший определенное деяние, опасное для калмыцкого феодального общества и установленного в нем правопорядка. Но отдельной нормы, специально определявшей бы специфичные свойства этого субъекта, в данном праве не имелось.

Отсутствие четкой характеристики морально-социального облика субъекта преступления было обусловлено

незрелыми уголовно-правовыми воззрениями монголо-калмыцкого общества рассматриваемого времени. Однако отдельные правовые признаки, в своей совокупности дающие общее представление о субъекте преступления по исследуемому праву, все же могут быть выведены из содержания ряда его норм.

В соответствии с требованиями уголовного права различных социальных формаций общими признаками субъекта преступления являются вменяемость и достижение лицом, совершившим преступление, определенного возраста. На вопрос был ли известен исследуемому уголовному праву калмыков возрастной признак субъекта преступления, очевидно, следует ответить положительно, хотя прямого указания об этом признаке в самих нормах не имеется. Думается, что уголовная ответственность в калмыцком феодальном обществе наступала по достижению правонарушителем совершеннолетия.

Ответ на вопрос с какого возраста лицо считалось совершеннолетним, на наш взгляд, содержится в нормах Цааджин-Бичик и в Токтолах Дондук-Даши. Так, Цааджин-Бичик устанавливал, что "каждую девушку замуж надлежит отдавать от четырнадцати лет и выше. А будет сговоренная девушка меньше четырнадцати лет, что и ясашные сборщики засвидетельствуют и таковую до урочных лет, хотя бы жених и требовал не отдавать". Отсюда совершенно ясно, что совершеннолетие для лиц женского пола наступало по достижении четырнадцати лет. В Токтолах Дондук-Даши имеется указание, что "если чей-либо сын не будет учиться до пятнадцати лет, то таковых штрафовать". В соответствии с этой нормой, по-видимому, юноши калмыки достигали своего совершеннолетия к 15 годам, поскольку за необучение их монгольской грамоте до этого возраста штрафу подвергались родители. Следовательно, можно предположить, что для лиц женского пола уголовная ответственность наступала с 14 лет, а для лиц мужского пола с 15. Такая разница в возрасте,

видимо, объяснялась национальными особенностями патриархально-родовых пережитков, бытовавшими среди калмыков в области брачно-семейных отношений.

Обоснованность вышеизложенного вывода о возрастных пределах, в частности, подтверждается следующими уголовно-правовыми нормами. Цааджин-Бичик особо предусматривал ответственность в случаях "ежели за одним мужем будучи две жены одна другую убъет до смерти" и "ежели невестка свекровь или свекра своего побъет".

Так как девушка могла стать замужней женщиной в 14 лет, значит, она с этого возраста могла стать и субъектом убийства другой жены мужа или нанесения побоев его родителям. Подтверждением этому также служит регламентация уголовной ответственности женщин за прелюбодеяние или за бегство от мужа с другим мужчиной.

Может возникнуть естественное замечание, каким образом представители мужского и женского пола, достигшие 15 и 14 лет, еще не имеющие своего обособленного имущества, что могло бы иметь место в случаях женитьбы или замужества, но совершившие какое-либо преступление, могли возместить материальный ущерб и уплатить штраф за свое деяние. Как показывают нормы монголо-калмыцких памятников права, семейные отношения калмыков XVII–XVIII веков были наиболее пронизаны патриархально-родовыми пережитками. В соответствии с внутрисемейными обычаями отец, глава семьи, мог выделить часть своего имущества сыну – в случае его женитьбы, либо в виде приданого дочери – в связи с её замужеством. А до этого вся семья составляла единое целое под верховенством своего главы и несла ответственность всем имуществом за противоправные действия каждого члена своего клана.

В соответствии с уголовно-правовыми нормами Калмыкии рассматриваемого времени к уголовной ответственности могло быть привлечено лицо, полноценное в психическом отношении, т. е. вменяемое. Вместе с тем, в этих нормах нет определений, раскрывавших бы медицинские и

юридические критерии понятия вменяемый, и оно, очевидно, составителям этих норм в полном его смысле не было известно.

Уголовному наказанию, вероятно, подвергались лица, которые понимали запрещенность совершаемого ими деяния, сознавали их общественную опасность, воспринимали смысл и значимость вредных последствий, т. е. по современной терминологии являлись вменяемыми. Такое упрощенное понимание комплекса явлений, охватываемых понятием вменяемость, диктовалось уровнем общей культуры и правовых концепций монголо-калмыцких народов того периода.

В нормах Цааджин-Бичик встречается слово “бешеный”, употреблявшееся применительно к людям, страдавшим психической неполноценностью. При этом, вероятно, имелись в виду индивидуумы, которые, вследствие того или иного душевного заболевания, не отдавали отчета своим действиям и примитивно назывались в народе “бешеными”. Подобные лица отстранялись от владения и распоряжения своим имуществом и последнее передавалось в ведение наследников или иных родственников. Если “бешеный” человек причинял кому-либо ущерб, то он возмещался из его имущества.

Нахождение виновного в состоянии алкогольного опьянения, какой бы степени оно не было, не исключало его уголовной ответственности, не являлось смягчающим вину обстоятельством. Наоборот, употребление вина признавалось преступлением. Конечно, данному уголовному праву калмыков не были известны понятия патологического и простого алкогольного опьянения.

Уголовному праву калмыков XVII–XVIII веков были известны, так называемые, специальные субъекты преступлений. Их природа была обусловлена спецификой некоторых видов преступлений, предусмотренных нормами монголо-калмыцких памятников права. Совершение этих

преступлений возможно было лишь в связи со специфичной деятельностью людей, вследствие исполнения ими определенных обязанностей в области административного или хозяйственного управления, а также в деле обеспечения обороноспособности калмыцких улусов от внешнего нападения. То есть специальные субъекты, которые помимо вменяемости и достижения ими определенного возраста, характеризовались еще иными, только им присущими свойствами.

Эту группу субъектов можно подразделить на субъектов, наделенных административными полномочиями в области управления, на субъектов, выполнявших определенные, по преимуществу разовые поручения посланцев и на субъектов преступлений, связанных с посягательствами на основы военной дисциплины. Так, к первой группе субъектов могли быть отнесены зайсанги, демчеи, шуленги и десятские, виновные в несвоевременном и неполном сборе податей своему нойону, допустившие безнадзорность за албату, вследствие чего произошли самовольные откочевки или гибель людей от голода, пытавшиеся скрыть преступников из числа своих подданных и т. д. К этому виду специальных субъектов могут быть отнесены и судьи в случаях совершения ими злоупотреблений, неправильного рассмотрения дела из корыстных побуждений и допустивших взяточничество.

Ко второй группе субъектов относились посланцы "по делам веры, государства и для вызова на суд свидетелей и обвиняемых", ненадлежаще исполнившие свои обязанности или превысившие свои полномочия.

Третью группу специальных субъектов могли составить лица, обязанные подчиняться требованиям воинской дисциплины, и которые либо уклонились от явки на сборный пункт для участия в военном походе, либо дезертировали с поля боя, проявив трусость, либо оставили в опасности своего нойона. Регламентация специальных видов субъектов, очевидно, вызывалась повышенной общественной опасностью

преступных действий, которые могли быть совершены этими лицами, для основ порядка управления и внешней безопасности.

Нормы Цааджин-Бичик предусматривали группу преступлений, где субъект определялся по степени родства. Так, особо регулировалась ответственность за убийство сыном отца или матери, отцом сына, нанесение побоев невесткой родителям мужа, нанесение побоев родителями своим детям и другие. В этих нормах нашла свое отражение казуистичность права кочевого народа эпохи феодализма.

Таким образом, обобщая изложенное, можно констатировать, что по уголовному праву калмыков XVII–XVIII веков субъектом преступления признавалось физическое лицо, достигшее определенного возраста и вменяемое, в соответствии с современной терминологией.

Формы вины и стадии совершения преступления

Уголовно-правовое воззрение калмыков рассматриваемого времени оценивало преступные действия человека не только по чисто внешним признакам совершенного деяния, но и по той активности сознания и воли субъекта, проявленные им для достижения преступных последствий. Следовательно, при установлении степени общественной опасности конкретного преступления, учитывалась и его внутренняя сущность, т.е. психическое отношение субъекта к своим противоправным действиям и их последствиям. Значит, уголовному праву калмыков XVII–XVIII веков было известно понятие вины. При этом имелось в виду, что сознание субъектом общественной опасности деяния и его отношение к последствиям, должно было найти свое выражение в совершении конкретного преступления.

Понятие вины по исследуемому уголовному праву носило классовый характер. Социально-политическое содержание последнего характеризовалось тем, что наличие

вины в действиях субъекта предопределяло общественную опасность совершаемого им деяния с точки зрения господствовавшего феодально-нойонского класса, как посягавшего на его политические и экономические интересы и функционировавший правопорядок. В особенности открыто демонстрировалась классовость понятия вины по преступлениям, непосредственно направленным против личности представителей класса феодалов. Так, по нормам Цааджин-Бичик оставление в бою в опасности рядовыми воинами своего нойона каралось смертной казнью, а нанесение оскорбления нойону влекло полное имущественное разорение виновного. Это означало повышенную общественную опасность психологической решимости субъекта посягнуть на жизнь и честь избранной элиты, каковой себя считала калмыцкая знать.

Уголовно-правовые нормы монголо-калмыцких памятников права не содержали отдельно сформулированных понятий вины и его форм. Тем не менее содержание многих норм позволяет сделать аргументированные выводы о формах вины, бытовавших в исследуемом уголовном праве.

Вина различалась умышленная и неумышленная. Подобная дифференциация, прежде всего, обуславливалась ее практическим значением. Разграничение вины на умышленную и неумышленную позволяло классифицировать преступления на тяжкие и менее тяжкие, отграничить виновные деяния от невиновных и контрастировать психическое отношение субъекта к совершаемому деянию, что имело важное значение для установления конкретной меры наказания.

Совершение преступления умышленно признавалось более опасным, нежели неумышленно. Умышленная форма вины по данному праву не подразделялась на прямой или косвенный умысел. Под этой формой вины подразумевалось сознание субъектом общественной опасности своих действий, предвидение вредных последствий и допущение их наступления. Так, как умышленно совершенные деяния

рассматривались убийства, недоносительство о приближении "великого неприятеля", кражи, изнасилования, нанесение побоев и оскорблений, похищение женщин, самовольные откочевки, лжесвидетельство, взяточничество и другие.

За совершение преступления умышленно предусматривались более строгие виды и меры наказания. Так, несообщение о приближении "великого неприятеля" каралось смертной казнью и конфискацией всего имущества виновного. Убийство влекло штраф в 1000 овец, кража одного верблюда наказывалась штрафом в 135 голов скота.

Неумышленная форма вины по исследуемому уголовному праву примитивно соответствовала понятию неосторожности. Но в отличие от него не имело делений на преступную небрежность и преступную самонадеянность. Анализ отдельных норм позволяет сделать предположение, что как неумышленно совершенные расценивались такие деяния, по которым преступные последствия наступали вследствие небрежности или самонадеянности субъекта. Так, как неумышленно совершенные рассматривались: "если кто будучи на облаве диких коз, стреляя по них нечаянно убъет человека до смерти, и за то с оного взять против вышеизложенного за убийство определения вполы; а кто будучи в бою, вместо неприятеля убъет человека из союзных себе неведением, что и засвидетельствует, то взять с оного двадцать семь скотин; ежели на какой игре человека убъет до смерти, и за оного наследникам с того, который убил, взять одну ценную вещь; кто в какой игре убъет чью скотину..., то взять с него такую же скотину, да сверх того одну лошадь; но притом надлежит рассуждение иметь, не с умыслу ли он ту скотину убил.[10]

Последнее замечание наиболее рельефно подтверждает практическое значение деления вины на умышленную и установления психического отношения субъекта к совершаемому деянию. Из приведенных выше норм явствует, что преступления, совершенные неумышленно, расценивались

как менее опасные явления и потому за них определялись сравнительно мягкие меры наказания, чем умышленные. Обращает на себя внимание и тот факт, что по преимуществу разграничение вины на умышленную и неумышленную производилась по преступлениям против личности. Это обстоятельство соответствует замечанию А.Пионтковского, что "в древнем праве разделение преступлений на умышленные и неосторожные впервые начинает производиться по преимуществу в отношение наиболее тяжких преступлений против личности".[11]

По уголовному праву калмыков XVII–XVIII веков мотивы, цель и способ совершения преступлений для классификации преступлений и определения меры наказания особой роли не играли. Но это не есть свидетельство того, что данному праву совершенно не были известны отягчающие или смягчающие вину обстоятельства.

Ряд норм монголо-калмыцких памятников права указывают на отдельные случаи дифференциации степени вины и меры наказания в зависимости от способа и мотивов совершения преступления, личности субъекта или потерпевшего и обстоятельств, сопутствовавших преступлению. Так, различался поджог "по злобе", в результате которого, если погибал знатный человек, то виновный подвергался полному разорению. Предусматривалась ответственность если "кто, злодействуя, умертвит какой-либо чужой скот". По-видимому, под деянием по "злобе" или же "злодействуя", имелось в виду совершение преступлений из низменных побуждений, при том дерзким способом.

Вообще за умышленное убийство полагался "великий штраф" в 1000 овец. Убийство сыном отца или наоборот наказывалось разорением. В то же время за убийство в процессе обоюдной драки предусматривался штраф в одну ценную вещь и восемь голов скота, а за убийство мужем "покинутой жены" взыскивался штраф в 45 голов скота.[12] Следовательно, убийство, за которое полагался "великий

штраф" или разорение, рассматривалось как совершенное при отягчающих обстоятельствах. Убийство же жены по бытовым мотивам или кого-либо "в драке" считалось менее тяжким видом убийства.

По Токтолам Дондук-Даши особо опасным считался субъект, который в третий раз совершал кражу. Наказанием такому лицу являлась продажа в рабство. По этим же Токтолам совершение кражи вещей у чужестранных послов служило отягчающим вину обстоятельством и за эти действия предусматривался "особый штраф в пользу княжеской ставки".[13] Через нормы монголо-калмыцких памятников права красной нитью проходит, что любое преступление, направленное против представителей светской и духовной знати, являлось совершенным при отягчающих обстоятельствах и наказывалось значительно строже, чем за анлогичное деяние против албату.

Следует заметить, что уголовное право калмыков рассматриваемого времени предусматривало ответственность и за такие действия, которые носили характер случая. Это объяснялось, во-первых, самой природой понятия преступления у калмыков и, во-вторых, так называемым объективным вменением, которое было характерным для неразвитых уголовно-правовых воззрений.

Поскольку под преступлением понималось, прежде всего, причинение материального или морального ущерба и наказания в подавляющем большинстве носили характер штрафов, то получение материальной компенсации, естественно, было превуалирующим в понятии преступление среди калмыков. Утверждая, что "древние памятники права уделяли мало внимания субъективной стороне совершения преступления", - А. Пионтковский отмечал еще, что "при определении уголовной вины они исходили из объективного вменения – и умышленное, и неосторожное, и случайное причинение вреда порождало право частной мести, влекло возмещение ущерба, уплату штрафа или другие наказания".[14]

Факты применения объективного вменения, т.е. ответственности без вины находят свое выражение в следующих нормах Цааджин-Бичик. Так, "а ежели бешеный человек кого умертвит, то с наследников оного наследникам умершего взять пятьсот баранов", а буде чья собака бешеная изъест человека до смерти, то с хозяина оной взять за знатного человека по девяти, за среднего по семи, а за простого по пяти скотин". Также предусматривалась ответственность в случаях: "ежели с чьих гор от ходящего на них скота с хозяином свалится камень и убъет человека до смерти" и "ежели какой скот убъет человека до смерти".[15]

Интересно, что объективное вменение предусматривалось только в случаях насильственной смерти потерпевших, без непосредственного отношения к этому событию физического лица. Хотя наследники "бешеного" человека или владельцы "бешеной" собаки и скота не были причастны к смерти потерпевшего, они обязаны были выплатить соответствующий штраф, т.к. нормами права была регламентирована их ответственность без личной вины за подобные случаи.

Столь прозаический способ компенсации смерти потерпевшего был характерным для кочевых народов эпохи феодализма, когда за ущерб любого свойства, прежде всего, стремились получить имущественное удовлетворение. Развитию этой тенденции среди калмыков, безусловно, способствовали догматы буддизма о том, что душа насильственно умерщвленного без подобного удовлетворения не сможет в будущих перерождениях воплотиться в благородное существо. Необходимо заметить, что ответственность без вины по Токтолам Дондук-Даши уже не предусматривалась.

В заключенис нссколько слов о стадиях совершения преступления. В нормах монголо-калмыцких памятников права нет прямого указания об уголовной ответственности за приготовление к совершению преступления или за покушение

к его совершению. Можно лишь предполагать, что в случаях покушения ответственность наступала за фактически имевшие место последствия. Например, если покушавшийся на убийство лишь причинял телесное повреждение потерпевшему, то он, вероятно, и отвечал как за его ранение. Подтверждением этому выводу может служить встречающееся в ряде норм ориентирующее выражение "если убъет до смерти". Исходя из него маловероятно, чтобы за нанесение тяжкого ранения, не повлекшего смерти потерпевшего, виновное лицо в условиях строгих феодальных нравов оставалось безнаказанным. А покушение на совершение таких преступлений, как изнасилование, похищение женщин, попытка поджога, могли расцениваться как нанесение оскорбления.

Исследуемое уголовное право, очевидно, либо не знало института приготовления к преступной деятельности, либо подобные действия не казались столь общественно опасными, чтобы особо оговаривать применение за них мер уголовного наказания. Имеющиеся в Цааджин-Бичик нормы, предусматривавшие ответственность за "ежели каким оружием только прикоснется" и "буде кто какое оружие обнажит".[16] по-видимому, следует рассматривать как угрозу оружием. Отсутствие фактического материала не позволяет сделать развернутого вывода по вопросу о стадиях совершения преступления по уголовному праву калмыков XVII–XVIII веков.

Обстоятельства, исключавшие применение мер уголовного наказания

По уголовному праву калмыков XVII–XVIII веков признак общественной опасности, характеризуя материальную, классовую природу преступления, прежде всего, определял почему именно то или иное деяние калмыцкая феодальная знать относила к категории преступных. Вместе с

тем, данное право ряд деяний не признавало преступлением, хотя они по своим характерным чертам внешне выглядели как общественно опасные. В подобных случаях законодатели, очевидно, не считали, что причинение вреда носит виновный характер и поэтому не предусматривали за них уголовные наказания.

Анализ конкретных норм, предусматривавших такие деяния, показывает, что исследуемому уголовному праву калмыков были известны понятия, отдаленно сходные с современными понятиями необходимой обороны, крайней необходимости и осуществления своего права. Однако в силу ограниченности общего уровня развития уголовно-правовых концепций калмыцкого феодального общества указанные понятия не были четко очерченными и страдали отсутствием самостоятельных критерий. Поэтому для раскрытия их юридического смысла приходится оперировать предположениями, основанными на содержаниях конкретных норм.

Нет сомнения в том, что среди калмыков XVII–XVIII веков в вопросах защиты своих личных моральных и материальных благ бытовали определенные, издревле укоренившиеся взгляды, напоминающие внешне признаки института необходимой обороны. Монголы и калмыки, родившиеся в суровых условиях кочевой жизни и выросшие в седле с оружием в руках, безусловно, воспитывались в духе обязательной защиты своей жизни, чести и имущества от лиц, – посягавших на них. Это в полной мере соответствовало их исторически традиционным понятиям мужского достоинства и мужской доблести.

Моралью кочевого общества, освященного патриархально-родовыми пережитками, не осуждалось, а , наоборот, поощрялось убийство или причинение ранения обидчику, преследование и "отбитие" своего имущества у грабителей. Так, если "кто явно вошедшего в дом злоумышленника, или гнавшись в погоне за его товарищами,

на дороге поймает и убъет до смерти...такового в преступлении виновным не почитать".[17]

В калмыцком феодальном обществе, как свидетельствуют литературные источники, нередки были случаи, когда за обиду, причиненную одному, поднималось все население хотона или аймака, движущей пружиной чему служило издавно сложившееся понятие частной мести. Подобные взгляды не могли, естественно, не найти своего разрешения и в системе калмыцкого феодального права.

Отсутствие специальной правовой регламентации рассматриваемого вопроса можно объяснить тем, что отражение нападения обидчика считалось естественным правом человека, присущим ему от рождения. Вследствие такового представления о защите своих интересов причинение вреда лицу, напавшему на человека, или грабителю, посягнувшему на имущество, не признавалось калмыцким обществом общественно опасным деянием, т.е. преступлением. Очевидность и полезность этого естественного права в глазах калмыков, по-видимому, не вызывала необходимости в фиксации подобных обычаев специальными нормами в целях его правовой защиты. Наоборот, Цааджин-Бичик предусматривал ответственность тех лиц, которые не оказывали помощи в противодействии преступным намерениям, а Указы Галдана-Хунтайджи поощряли лиц, оказавших содействие в преследовании грабителей и возврате похищенного имущества. Так, "а буде кто, увидя, какую воровскую партию, и другим о том не объявит, и с того взять штрафу половину его скота; "кто от воровских людей с драки отобъет чей скот, и оному из того взять от пяти одну лошадь".[18] Напрашивается вывод, что калмыки в целях организации защиты личных и имущественных интересов придавали большое значение своевременному оповещению о приближении "воровской партии" и об оказании отпора грабителям посредством "драки". Естественно, что такой отпор зачастую был связан с убийствами и ранением нападавших,

что, бесспорно, не считалось преступлением и освобождало от уголовного наказания.

Еще раз следует подчеркнуть, что было бы глубоко ошибочным полагать известность калмыкам рассматриваемого периода института необходимой обороны в трактовке более развитых правовых систем. Концепцию калмыков на природу и сущность необходимости обороны личных и имущественных интересов от преступных посягательств, вероятно, "следует рассматривать не как правило необходимой обороны, ...а как принцип осуществления потерпевшими частной мести".[19]

Содержание некоторых норм свидетельствует об известности исследуемому уголовному праву критериев понятия крайней необходимости. Так, за убийство "бешеного" человека, который "в жизнь свою другим какие несносные обиды продолжал, убийца оного от штрафа освобождается". Таким образом, избавление общества от психически больного человека, причинявшего людям "несносные обиды" по уголовному праву калмыков расценивалось как общественно полезное деяние, исключавшее применение мер уголовного наказания. Физическое уничтожение, как средство избавления от буйствующего "бешеного" человека, видимо, являлось крайней необходимостью. Также не считалось преступлением, если посланец "по делам веры и государства", проезжая через чужое кочевье, самоуправно брал пропитание и переменял свою усталую лошадь на свежую без ведома владельца.

Вышеизложенное наталкивает на вывод, что уголовному праву калмыков XVII–XVIII веков деяние, внешне подпадающее под признаки преступления, но совершенное непосредственно из общественных интересов, не признавалось преступным и выступало обстоятельством, исключавшим уголовное наказание.

В свете настоящего раздела обращают на себя внимание следующие нормы. Если "кто из чиновных владельцев, ...управителей народных, ...и ясашных сборщиков за

Государево дело, во исполнение права, кого побьют, и оное им, хотя бы тот битый умер, за ничто вменяется; "...битье отцом сына, свекровью невестки, для нравоучения, в вину не вменяется".[20]

Аргументирование освобождения от наказания в рассматриваемых случаях доводами "во исполнение права" и "для нравоучения", видимо, должно было подтвердить правомочность указанных лиц на подобные действия. А поскольку должностное лицо или родители действовали в пределах своих прав, то за наступившие преступные последствия они уголовной ответственности не несли. Также на ненаказуемости осуществления своего права базируется и следующая норма. "Кто у ближних матери своей родственников...что и украдет, с него за то...штрафу не взимать". Природа данной нормы кроется в старинном монголо-калмыцком обычае, представлявшем молодому человеку право угонять определенное количество скота у братьев своей матери.

Исследуемому уголовному праву был известен институт явки с повинной. Причем явка с повинной по делам о групповом ограблении освобождала виновное лицо от уголовного наказания. Но это могло иметь место, если явка с повинной была добровольной, до раскрытия преступления и субъект способствовал изобличению других соучастников. "Ежели воры компаниею что украдут и из той компании кто один о том объявит, и за то объявитель от штрафа освобождается; а ежели такой объявитель о том откроет в такое уже время, в которое и мимо его известие было, и того оному в оправдание не вменять".[21]

Заключая вышеизложенное, можно обобщающе констатировать, что по уголовному праву калмыков рассматриваемого времени внешне преступные действия, совершенные лицом либо в целях защиты своих личных и имущественных благ от преступного нападения, либо непосредственно в интересах общества, либо в процессе

осуществления своих административных и родительских прав, а также явка с повинной являлись обстоятельствами, исключавшими применение мер уголовного наказания.

Вопросы соучастия и прикосновенности к преступлению

Как свидетельствуют отдельные нормы Цааджин-Бичик, Указов Галдана-Хунтайджи и Токтолов Дондук-Даши уголовному праву калмыков XVII–XVIII веков было известно понятие соучастия. Но уровень этой известности, естественно, был ординарным в силу не раз подчеркнутых выше причин социально-экономического характера.

По данному уголовному праву как соучастие признавалось совершение преступления совместно несколькими лицами. Такого рода явления, в особенности, имели место по делам о набегах с целью кражи скота, иного имущества и захвата рабов. В то же время соучастники группового преступления не разделялись на исполнителей, организаторов, подстрекателей и пособников. Это, очевидно, объяснялось следующими обстоятельствами. Калмыки в силу патриархально-родовых пережитков и традиций кочевого образа жизни проживали группами семей, связанных между собой узами родства. Первичная административно-этническая единица таких объединений называлась хотон. И если члены одного хотона уличались в нападениях на чужие хотоны, то почти невозможно было установить конкретную роль каждого участника набега. Кроме того, феодально-нойонская знать сама не была заинтересована в разграничении соучастников, так как ее представители зачастую выступали в роли организаторов и подстрекателей к набегу своих подвластных. Подобные набеги в случае их успеха служили одним из

источников обогащения знати, поскольку она забирала себе львиную долю добычи. Поэтому все непосредственные участники таких нападений считались соисполнителями. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что по нормам монголо-калмыцких памятников права все участники преступления несли равную ответственность.

Аналогичный взгляд на соучастие по групповым грабежам, по всей вероятности, был перенесен и на другие виды преступлений, совершенные совместными действиями нескольких лиц. Так, если частное лицо приглашало к себе шамана, то пригласивший его и сам шаман, а также посторонние лица, не противодействовавшие этому приглашению, признавались соучастниками преступления против господствующей религии и подвергались одинаковому штрафу. В ряде случаев устанавливалась коллективная ответственность группы семей. В этих нормах отчетливо прослеживалось стремление класса феодалов затушевать социальную природу преступлений и выдать их за нарушение общепризнанных обычаев. Регламентируя случаи коллективной ответственности, феодалы твердо гарантировали себе реальность взыскания штрафа, так как отдельные лица могли оказаться и не платежеспособными. Так, 10 семей обязаны были оказать материальную помощь одному лицу в женитьбе. Если же помощь не оказывалась, то взыскивался штраф в два верблюда, пять лошадей и десять овец в пользу нойона. Далее, в каждый год "40 кибиток должны сделать себе две латы, а ежели когда не сделают, и за то взять с них штрафу одного верблюда и одну лошадь".[22]

Приведем еще один пример. У монголов и калмыков одним из способов раскрытия преступлений являлось "гонение следа". Если в случае угона скота, след последнего приводил в чей-либо хотон, а конкретных виновников кражи выявить не представлялось возможным, то штраф и ущерб взыскивались со всех жителей этого хотона. Обоснованность приведенных выше норм, предусматривавших случаи

коллективной ответственности, "была завуалирована лозунгом "один за всех, все за одного" и остатками бытовых и религиозных пережитков". Вместе с тем, ряд данных свидетельствуют о том, что по некоторым категориям преступлений уголовное право калмыков все же разделяло соучастников преступления на подстрекателей, исполнителей и пособников. Косвенным подтверждением этому служит указание: "а буде кто кого научит убить человека или соединиться к тому сотовариществовать, или зная сие скроет, всех таковых отдавать калмыцкому суду".[23]

Уголовное право калмыков рассматриваемого времени признавало преступным отдельные виды деятельности людей, связанных с совершенным преступлением, но не являвшихся вместе с тем содействием ему. То есть данному праву не было чуждо понятие прикосновенности к преступлению и она проявлялась в формах укрывательства и недоносительства. Как укрывательство рассматривались действия, направленные на сокрытие преступника, орудия, предметов и следов преступления. Так, признавалось преступным предоставление подводы для бегства лицу, совершившему преступление, а также хранение оставленного им имущества без объявления официальным лицам. По Токтолам Дондук-Даши считалось как сокрытие самого факта преступления, если потерпевший "помирится с явным вором и возьмет тайно свой иск", т.е.возмещение похищенного. Под недоносительством понималось несообщение властям о совершенном преступлении. Так, за недоносительство о совершенной краже, ставшей известным частному лицу, последний подвергался штрафу четырехгодовалым верблюдом и телесному наказанию в 15 ударов. Если же десятский не сообщал о воровстве, совершенном кем-либо из его десятка, то такому десятскому, как недоносителю, отрубались пальцы обоих рук. Укрывательство или недоносительство по рассматриваемому праву не разграничивалось на заранее обещанное или необещанное. Вероятно, общественная опасность этих форм

прикосновенности к преступлению заключалась в затруднении борьбы с преступными деяниями.

С другой стороны, общественная опасность укрывательства и недоносительства с точки зрения господствовавшего класса, сосредоточившего в своих руках всю судебную власть и извлекавшего из отправления судебных функций материальную выгоду в виде штрафов и судебных издержек, заключалась также и в посягательстве на этот узаконенный источник обогащения. Укрывательство и недоносительство вели к уменьшению количества дел рассматриваемых судами, что, естественно, отражалось на поступлении доходов в казну феодально-нойонской знати. Поэтому эта причина в существенной мере объясняла то внимание, которое придавалось классом феодалов борьбе с укрывательствами и недоносительствами.

Цель и виды наказания

Классовая служебная роль наказания в калмыцком феодальном обществе заключалась в защите экономических и политических интересов светской и духовной знати, установленного ею правопорядка и в закреплении патриархально-феодальных форм эксплуатации подвластных албату. Отсюда и значение наказания в руках феодалов как действенного орудия сохранения и укрепления основ выгодного и угодного им общественного строя. Целью наказания в соответствии с уголовно-правовыми воззрениями господствовавшего класса являлось возмездие за совершенное преступление и устрашение потенциальных преступников. Основная же масса албату придерживалась отвечавшему уровню их развития взглядов на наказание, как средство удовлетворения частных интересов потерпевшего или его родственников.

Для понимания системы наказаний различных общественно-экономических формаций необходимо исходить

из природы и характера наказания в конкретных социальных условиях. Образ жизни калмыков в условиях феодального строя, опутанного патриархальными пережитками, экстенсивное ведение кочевого скотоводческого хозяйства, влияние буддистской идеологии, слабо развитые торговые отношения и соответствующий этим социально-экономическим факторам уровень развития общечеловеческой культуры, естественно, нашли свое отражение в воззрениях калмыцкого феодального общества на виды и меры наказаний за уголовные правонарушения. Анализ всей системы наказаний по уголовному праву калмыков показывает, что наказание, как мера государственной репрессии, в основном, была направлена либо против конкретной личности, либо против его имущества, либо комбинировано на личность и имущество. К числу наказаний, применявшихся непосредственно против личности, относились смертная казнь, выдача виновного "головой" потерпевшему, позорящие и телесные наказания. Направленность наказания на имущество виновного означала возмещение им своим состоянием материального и морального вреда, причиненного потерпевшему, в форме уплаты штрафа или выкупа. Сочетание наказания на личность и на его имущество выражалось, например, в форме смертной казни виновного с одновременной конфискацией всего имущества, телесной экзекуции с уплатой штрафа.

Смертная казнь, как вид наказания, по уголовному праву калмыков XVII–XVIII веков предусматривалась всего лишь в двух случаях и применялась к виновным в оставлении в бою своего нойона или в несообщении о приближении "великого неприятеля". Этим подчеркивалась исключительная общественная опасность данных деяний. За наиболее тяжкие преступления, каковыми с точки зрения калмыцкого общества являлись убийство сыном родителей, нанесение бесчестия нойону, трехкратное совершение кражи, поджог, повлекший гибель "знатного" человека – виновные подвергались конфискации всего состояния.

К позорящим наказаниям относились, в частности, надевание на проявивших трусость в бою женского платья, вождение вокруг юрты в нижнем белье зайсанга, пытавшегося защитить вора, публичное порицание судьи за ошибки, допущенные при рассмотрении дел. Любопытен и такой вид позорящего наказания, как "а кто женский пол ухватит за груди или поцелует и за то оному человеку по тайному уду учинить один щелчок". Говоря о такого рода наказаниях, П.Небольсин утверждал, что "виноватых в неповиновении родителям, грубости и дерзости родственникам и старшим по летам и званию людям наказывали нагайками, и вымарав лицо сажей, водили с таганом на шее по хотону, кругом каждой кибитки".[24]

Телесные наказания заключались в нанесении ударов плетью и отрубании пальцев на руках. Последнее, как вид наказания, предусматривался Указами Галдана-Хунтайджи в отношении десятских, укрывавших воров из своей десятки. Наказание плетью по Цааджин-Бичик и Токтолам Дондук-Даши применялось всего в нескольких случаях, в частности, в отношении лжесвидетелей, укрывателей воров и лиц, проявивших непочтение к родителям или старшинам. Однако есть основания утверждать, что на практике телесные наказания имели место гораздо чаще, чем регламентировались нормами права. Так, И. Лепехин писал, что во второй половине XVIII века у калмыков, виновных в преступлении, кроме взыскания с них положенного штрафа скотом еще и "бьют плетьми нещадно".[25] "За кражу наказания тоже были посрамительные: верховой наездник накидывал на преступника аркан и водил его в таком виде по хотону; все жители стегали виноватого прутьями по обнаженному телу, а некоторые стреляли в него для смеха холостыми зарядами".[26]

Вообще наказания, связанные с причинением физической боли, среди калмыков считались самыми позорными для мужского достоинства. Очевидно, поэтому в ряде случаев представлялась возможность избежать телесной

экзекуции, уплатив соответствующий штраф или выкуп. В частности, за кражу предметов одежды или домашнего обихода полагалось отрубить один палец. Но виновный мог откупиться от этого наказания, отдав пять скотин.

Наиболее распространенными наказаниями являлись уплата выкупа и штрафа. Природа и сущность этих видов наказаний была обусловлена всем ходом социально-экономического развития монгольского и калмыцкого общества периода зарождения и развития феодальных отношений.

Было время, когда главной и единственной формой наказания среди народов монгольского корня являлась месть. Причинение морального или материального вреда потерпевшему или его родственникам посредством убийства, нанесением телесных повреждений, оскорбления, угоном скота и т. д. должно было искупаться местью по принципу талиона, т. е. око за око, зуб за зуб. Подобное осуществление мести носило характер частного наказания. "Месть есть право пострадавшего или его родственников воздать виновному или его родственникам столько, сколько под влиянием раздраженного чувства он находит нужным. Таким образом, месть представляется наказанием чисто субъективным: пострадавший воздает в меру своего разгневанного чувства", – отмечал В. Сергеевич.[27]

Однако к сороковым годам XVII века вследствие развития феодальных отношений и влияния буддийских проповедей месть по указанному выше принципу стала все чаще заменяться выкупом или штрафом, т. е. материальным вознаграждением за причиненную обиду. Принцип талиона стал вытесняться принципом композиции (система выкупов, штрафов). Наказание, как частная форма возмездия, все более приобретало публичный характер. Подобная трансформация сущности наказания нашла свое отражение в нормах Цааджин-Бичик. Данный свод законов не признавал за потерпевшими их права на месть по принципу талиона, устанавливая взамен

своеобразную систему выкупов и штрафов. Анализ норм, по которым была предусмотрена уплата выкупа, показывает, что данный вид наказания применялся по преступлениям, непосредственно связанным с посягательствами на личные моральные, физические и имущественные блага потерпевшего или его родственников. То есть по таким преступлениям, за которые ранее обязательно объявлена была бы месть. К числу подобных преступлений относились, прежде всего, умышленные убийства, оскорбление, нанесение побоев и ранений, изнасилования, кражи и др.

Уплата выкупа означала, что "виновный или его родственники расплачивались с обиженной стороной определенным количеством меновых единиц – деньгами, скотом или другим имуществом, даже иногда людьми".[28] Так, за умышленное убийство виновный принуждался к уплате выкупа в 1000 овец, за нанесение побоев чиновным владельцам – 45 голов скота, за убийство мужем своей покинутой жены также полагался выкуп в 45 голов, за изнасилование девушки – 18 голов и т. д. Выкуп, как правило, уплачивался потерпевшему, а в случае его смерти – его родственникам. В ряде норм об этом имеется прямое указание. Так, ежели за одним мужем будучи две жены одна другую убъет до смерти, и за это взять убитой родственникам плату, что за убитие человека определено; ежели "бешеный" человек кого умертвит, то с наследников оного наследникам умершего взять 500 баранов; буде кто чью жену изнасильничает и за то с оного той жены мужу взять 9 скотин; кто скотоложствуя будет пойман...хозяину той скотины взять с скотоложника 5 скотин.

Необходимо обратить внимание на возможное утверждение, что выкуп внешне схож с возмещением вреда в форме чисто гражданского взыскания и потому не является мерой уголовного наказания. Ошибочность такого предположения видна хотя бы из размеров регламентированных выкупов, когда фактически

причиненный ущерб в несколько раз был меньше полагавшегося выкупа.

Введение курултаем 1640 года выкупов, являвшихся как бы своеобразной таксой платежей, объяснялось, очевидно, желанием этих законодателей таким способом прекратить кровопролитие и взаимную вражду внутри ойрато-халхаских народов и посредством системы выкупов создать основу для мирного урегулирования конфликтов в связи с совершением преступлений.

Штраф, как вид 'наказания, по исследуемому уголовному праву предусматривался за преступления, затрагивавшие интересы не только отдельной личности, но и общества в целом. Для штрафа характерным являлось, что имущество, взымавшееся с виновного в качестве штрафа, шло в пользу нойона. Штраф накладывался на дезертиров военного похода, воинов, проявивших трусость в бою, за укрывательства, недоносительство, за противодействие посланцам, за лжесвидетельство, за ложный донос, за нападение на чужестранных послов, на пограничные селения и другие деяния. В этих случаях наложение на виновного материального взыскания выступало в качестве непосредственного наказания за проступки перед обществом. Следовательно, в штрафе наиболее последовательно сочетались частный и общественный моменты.

Выкуп и штраф взыскивались в основном скотом, предметами воинского снаряжения, а с середины XVIII века и деньгами. Наиболее распространенной единицей материального взыскания был скот. Это и естественно, поскольку основным видом материального богатства степных кочевников того времени являлся скот. Последний, как указывал Энгельс, для пастушеских народов служил главным предметом обмена с соседями, посредством которого оценивались все другие товары и который "...приобрел функцию денег и служил деньгами...".[29]

При назначении выкупа или штрафа скотом размеры

его, в основном, определялись количеством девяток (ийсн-исн). Каждый девяток представлял собой определенную группу животных из 9 голов. Составы девяток по своей структуре не были постоянны, но вместе с тем весьма продуманными, чтобы наказывать виновных изъятием у них наиболее ценного в хозяйственном отношении скота. Так, некоторые варианты девяток состояли из следующих видов и количества скота: из верблюда, четырех четырехлетних лошадей, трех трехлетних коров и овцы; из двух лошадей, двух волов, двух коров, двух трехлетних быков и одного двухлетнего".[30] В вопросах установления размеров выкупа или штрафа исследуемое право отличалось исключительной детализацией. Исходя из конкретных видов выкупа или штрафа, можно сделать определенные выводы о дифференциации преступлений законодателями в зависимости от степени их общественной опасности. Чем выше размер выкупа или штрафа за преступление, тем, видимо, опаснее оно считалось.

В размерах штрафа и выкупа с особой наглядностью проявляется классовость права, основанная на социальном неравенстве калмыков периода феодализма. За преступления, совершенные в отношении представителей феодальной и духовной знати, именовавшей себя цаган-ясн (белая кость), наказания были гораздо строже, чем в отношении людей класса хар-ясн (черной кости). Так, если в случае умышленного поджога погибал "знатный" человек, то виновный подвергался разорению, если погибал "посредственный", то взыскивался выкуп в 30 ценных вещей и 300 скотин, а за "подлого" человека 1 ценная вещь и 134 головы скота. Такое открытое неравенство в вопросах наказания вынуждены были признать и буржуазные исследователи. В частности, Бергманн отмечал, что у калмыков "преступления по большей части наказываются пенею, смотря более по званию виновного, нежели по важности самого поступка".[31]

Исследуемое уголовное право предусматривало случаи, когда у виновного могло не оказаться требуемого количества имущества для уплаты выкупа. В этих случаях обязанность возмещения ущерба накладывалась на родственников виновного. Такая форма коллективной ответственности усиленно насаждалась калмыцкими феодалами. Побудительные мотивы этой тенденции наиболее полно раскрыты Т. Культелеевым, писавшим, что "принцип возложения коллективной ответственности на членов общины, очень долго сохранявшийся при патриархально-феодальных отношениях у казахов и других народностей, был одним из самых реакционных обычаев древнейшей эпохи, служивший орудием подчинения угнетенных масс трудящихся воле господствующего класса".[32]

Особо регламентировалась ответственность в случаях, когда у виновного или его родственников могло не оказаться необходимого количества имущества для уплаты выкупа. При таких обстоятельствах виновный выдавался "головой" потерпевшему и последний становился полным хозяином его судьбы. В частности, говоря о видах наказания за убийство у калмыков середины XVIII века, И. Лепехин отмечал, что "если нет имущества у убийцы, то отдают его с женою и детьми в вечное служение наследникам убитого".[33] Более подробно об этом виде наказания сказано у П. Небольсина. "В тех случаях, когда виновный был не в состоянии выполнить положенную на него пеню, он не только сам, но целой семьею отдавался в кабалу тому, кому принадлежало возмездие; он вправе был употребить кабальных людей в работу по произволу, продать постороннему лицу или выменять своего должника на стадо баранов".[34]

Вышеприведенные выдержки наиболее ярко подчеркивают карательную сущность системы выкупов и штрафов. Имущие слои калмыцкого общества за любое преступление, уплатив выкуп или штраф, по существу оставались безнаказанными. Тогда как взыскание крупных

размеров выкупов или штрафов приводили к обнищанию албату, а невозможность выплаты – к неминуемой кабале.

Даже при беглом взгляде на систему наказаний по уголовному праву калмыков XVII–XVIII веков нельзя не заметить ограниченности применения смертной казни и телесных наказаний. В соответствии с Цааджин-Бичик эти виды наказаний предусматривались каждый в двух случаях, а по Указам Галдана лишь в одном. Несколько расширено было назначение телесных наказаний в Токтолах Дондук-Даши, в частности, за воровство, укрывательство, лжесвидетельство. Такое узкое ограничение применения смертной казни и телесных наказаний не может не вызывать удивления, если принять во внимание жестокость нравов феодального общества и ту степень образованности, на которой могли стоять калмыки в первой половине XVII века.

В то время как у казахов и киргизов, бывших с калмыками почти на одинаковом уровне общественного развития, широко практиковалась смертная казнь, например, за убийства, оскорбление феодалов, изнасилование, прелюбодеяние, убийство жены посредством повешения, удушения, утопления, оставления в горах, связанным для растерзания волками.[35] Русское уголовное законодательство XVII–XVIII веков предусматривало многочисленные случаи смертной казни и членовредительских наказаний. В ряде европейских стран периода феодализма уголовные наказания за отдельные преступления были доведены до жесткости в жестокость.

При сравнении с этими системами наказаний виды и размеры наказаний по уголовному праву калмыков рассматриваемого времени резко контрастировали и отличались определенной мягкостью. По этому поводу высказывались различные предположения. Так, П. Муллов объяснял это явление тем, что "вообще у младенчествующих народов наказания заключаются, если уже не исключительно, то по преимуществу в денежных пенях".[36] Однако, если

следовать логике подобного рассуждения, то аналогичные наказания должны были иметь место в Великой Ясе Чингисхана, принятой еще в XIII веке. Но для последней было характерно широкое применение смертной казни даже за малозначительные проступки. Отмечая сравнительную мягкость наказаний по монголо-калмыцким памятникам права, профессор М. Владимирский-Буданов изумлялся, что "кнута нет в отечестве кнута".[37] Профессор Ф. Леонтович объяснял рассматриваемый вопрос влиянием относительно гуманных воззрений буддизма, отрицавшего смертную казнь и вообще щадившего личную жизнь. Данной точки зрения относительно природы и сущности наказаний по уголовному праву калмыков исследуемого периода придерживался и В. Рязановский, писавший, что "это обстоятельство объясняется общим смягчением нравов монголов, происшедшим под влиянием падения великой военной империи монголов, развития удельно-феодальной системы и распространения ламаизма".[38]

Глава третья

Классификация преступлений по уголовному праву калмыков второй половины XVII–XVIII веков

Подавляющая часть работ исследователей права калмыков XVII–XVIII веков посвящена истории разработки и принятия Цааджин-Бичик, Указов Галдана-Хунтайджи и Токтолов Дондук-Даши. Полного и систематизированного анализа конкретных преступлений по изучаемому уголовному праву не имеется. Вместе с тем следует заметить, что есть ряд работ, в которых либо описательно зафиксированы виды преступлений, имевших место в калмыцком феодальном обществе, либо делалась попытка объяснить их природу с точки зрения российской правовой науки XVIII–XIX веков. Сведения, содержащиеся в этих трудах, были почерпнуты или непосредственно в процессе наблюдения за бытом калмыков, или были взяты из названных монголо-калмыцких памятников права с последующим их анализом. Так, в работах И. Лепехина "Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году" и П. Палласа "Собрание исторических известий о монгольских народах" содержится перечисление деяний, каравшихся как преступление и направленных против личности, обычаев гостеприимства, неприкосновенности имущества и феодальных привилегий. Вопросы уголовной ответственности и наказания за убийство нашли свое отражение в работе П. Небольсина "Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса". О том, что уголовному праву калмыков того периода было известно деление телесных повреждений по степени их тяжести, указывал Войеков в своей статье "Описание

калмыцкого народа", опубликованного в 1822 году в журнале "Сын Отечества".

Первым на наличие в Цааджин-Бичик норм уголовного права указал П. Муллов, сделавший также попытку классификации прступлений на военные, духовные, семейные, против собственности и личности. Попытка классификации преступлений и характеристика некоторых видов нашла свое отражение в работах В. Бентковского и Я. Гурлянда. Так, В. Бентковский в статьях "Военные законы монголов..." и "Грабежи, разбой и воровство калмыков с точки зрения монгольских законов и буддизма" дает объяснение природе этих преступлений и о причине их распространенности среди калмыков[1] .

Значение уголовных норм, регулировавших ответственность за преступления против нравственности, собственности и правил охоты раскрывается в работе Я. Гурлянд "Степное законодательство с древнейших времен по 17 столетие".

Вопросы классификации преступлений и их характеристика изложены в труде В. Рязановского "Обычное право монгольских племен", ч. III, "Обычное право калмыков". В частности, В. Рязановский подразделял преступления по уголовному праву калмыков XVII–XVIII веков на преступления против порядка управления, против общества, должностные преступления, на преступления против личности и имущества. Вот и все те немногие исследования, которые более или менее непосредственно касаются круга тех вопросов, освещение которых и составляет одну из задач настоящей работы.

Вышеназванные исследователи, рассматривая право калмыков XVII–XVIII веков в отрыве от их конкретных материальных условий жизни и не имея полного представления об истории и быте кочевого общества, зачастую не могли научно правильно объяснить как сущность уголовно-правовых норм, так и специфику отдельных преступлений. Вследствие

этого, анализируя рассматриваемые уголовно-правовые нормы, они утверждали, что "сии законы более странные, нежели строгие"[2] и что в них "много не только оригинальных черт, но и так сказать чудачества".[3]

Поэтому в настоящей работе ставится задача дать классификацию преступлений по уголовному праву калмыков XVII–XVIII веков и анализ их сущности с точки зрения современного учения о праве. При этом характеристика отдельных видов преступлений для их более полного понимания увязывается с соответствующими общественными явлениями из социально-экономической жизни калмыцкого общества того времени.

Преступления против общей безопасности и порядка управления

Приступая к характеристике этого вида преступлений, нельзя не коснуться хотя бы в общих чертах истории образования на территории России Калмыцкого ханства, защите общественного строя и правопорядка которого служило исследуемое уголовное право. Необходимость этого вытекает из неотъемлемой взаимосвязи права и государства и оно позволит более полно уяснить место калмыцкого феодального уголовного права в вопросах обеспечения внешней безопасности ханства, управления внутренними делами.

Уже отмечалось, что процесс добровольного вхождения калмыков в состав России, начавшись в 1609 году в Сибири, окончательно завершился в 1655–1657 гг. под стенами Астрахани. 4 февраля 1655 года и 30 марта 1657 года между калмыцкими нойонами и русскими воеводами были подписаны шерти (договоры), в соответствии с которыми калмыки обязывались "быть в вечном подданстве и послушании" и принять участие в военных походах против Польши и Крыма.

В ответ на это русское правительство разрешило кочевать по обеим сторонам Волги до Царицына и Самары, а также предоставило право беспошлинной торговли в городах Астрахани, Царицыне, Самаре, Саратове и других.

Положительное разрешение русскими властями столь жизненно важной и кардинальной для калмыков территориальной проблемы создавало благоприятные условия для консолидации калмыцких улусов и образования калмыками своей государственности на землях России в форме ханства. Причинами этого являлись следующие политические и социально-экономические факторы. Многочисленные источники свидетельствуют о том, что калмыки, вошедшие в состав России, пришли из Западной Монголии уже "имея вполне сложившуюся и довольно сложную феодально-иерархическую структуру, сословный строй и традиции, которые на новой территории, в новых исторических условиях, географических и социально-политических условиях получили дальнейшее развитие применительно к изменившейся обстановке".[4]

В среде самих калмыков также нарастала тенденция к сплочению и подчинению единой, централизованной власти. Установление централизованной власти обуславливалась необходимостью ликвидации сепаратизма отдельных феодалов, укрепления внутреннего единства и стремлением предстать перед русскими властями не в виде "дикой орды", а организованным обществом. В последнем также было заинтересовано и русское правительство, желавшее вести переговоры и заключать шерти не с отдельными разрозненными нойонами, а с одной "сильной личностью", руководившей бы ими. Таким образом, как отмечает М. Кичиков, "объективные обстоятельства требовали сосредоточения власти в руках одного деятельного лица, который мог бы вступать в сношения с русскими властями как выразитель интересов и глава калмыцких феодалов".[5] Таковым лицом в 1655–1657 гг. являлся глава торгоутов

Шукур-Дайчин, старший сын Хо-Орлюка, погибшего в одном из походов. Личная заинтересованность самого Шукур-Дайчина в вопросах вхождения в состав России, концентрации власти в его руках объяснялось, возможно, и его честолюбивыми замыслами об автономном существовании калмыков под его верховенством на землях России. При наличии такой личной тенденции у номинального главы "покровительство русского правительства должно было принесть Дайчину выгоды и становилось почти необходимостью".[6] Помимо вышеизложенного необходимость в централизации власти диктовалась и классовыми противоречиями калмыцкого феодального общества, необходимостью держать в строгом повиновении массы албату.

Поэтому "столкновение указанных факторов с объективными общероссийскими условиями того времени обусловило создание калмыками такого своеобразного государства – первого в их истории – как Калмыцкое ханство".[7] Данное ханство было типичным феодальным государством, характерным для кочевых народов Монголии и Средней Азии того периода. Оно служило орудием политического господства класса калмыцких феодалов. Основными задачами этого ханства являлись защита феодальных порядков, обеспечение внешней безопасности и внутреннего единства, охрана системы управления и подавление сопротивления феодально-зависимых масс. Важная социальная роль в практическом осуществлении этих функций принадлежала уголовному праву.

Совокупность составов преступлений, посягавших на общую безопасность и порядок управления, можно разделить на преступления, подрывающие внешнюю безопасность и внутреннее единство, против порядка управления и на преступления против системы военной организации калмыцкого феодального общества.

а) - преступления, посягавшие на внешнюю безопасность и внутреннее единство

Обеспечение внешней безопасности и укрепление внутреннего единства являлось одним из центральных аспектов деятельности калмыцких ханов. В достижение этого они, прежде всего, видели гарантию прочности режима ханской власти и свидетельство политической респектабельности. Поэтому такие калмыцкие правители, как Шукур-Дайчин, Аюка-хан и Дондук-Омбо, решительно применяли суровые меры против тех феодалов, которые противились централизации и усилению ханской власти.

Подавляющая часть феодальной знати также была заинтересована в действенной ханской власти, видя в ней орудие защиты их сословных и экономических интересов. Им также было ясно, что только единство калмыцких улусов под эгидой сильной личности дает им заманчивую возможность автономного существования на землях России, и, в особенности, успешно отражать набеги азиатских, кавказских и крымских народов, посягавших на их жизнь и имущество.

Основатель Калмыцкого ханства Шукур-Дайчин ясно сознавал конкретную служебную роль рассматриваемых уголовно-правовых норм, так как он являлся непосредственным участником съезда 1640 года, на котором они были приняты и на котором вопросы прекращения распрей, объединения монгольских народов в целях защиты от внешнего нападения являлись самыми узловыми. Кроме того, безусловно, в памяти Шукур-Дайчина были еще живы события дербето-торгоутовского конфликта 1641–1642 годов, который вспыхнул из-за дочери Хо-Орлюка, бежавшей в торгоутовские кочевья с 2 тысячами подвластных от своего мужа дербетовского нойона Дайчинг-Хошучи. Последний организовал погоню и в стычке с торгоутами погиб, потеряв пленными около 7000 человек. В связи с этим между торгоутами и дербетами произошел ряд вооруженных

столкновений. Виновниками этого конфликта были признаны торгоуты и в отношении их впервые были применены санкции, предусмотренные нормами Цааджин-Бичик за нарушение межмонгольского мира.[8]

Поэтому естественно полагать, что Шукур-Дайчин, а также и последующие калмыцкие ханы рассматривали соответствующие уголовно-правовые нормы, как правовую основу для применения силы в деле обеспечения внешней безопасности калмыцкого общества и укрепления внутреннего единства.

Уголовное право калмыков XVII–XVIII веков расценивало как преступление, посягающее на внешнюю безопасность и внутреннее единство калмыцкого общества, несообщение о приближении "великого" неприятеля, взаимные набеги и ряд других. В условиях разбросанности калмыцких улусов по степным просторам исключительно важное значение придавалось незамедлительному и быстрому извещению о вторжении неприятеля. Своевременно полученное сообщение об этом позволяло перегнать скот и увести людей с пути следования неприятеля, собрать военные отряды и организовать отпор.[9] Повышенная общественая опасность данного преступления проявлялась и в наказании за его совершение. Виновное лицо со всем своим семейством подвергалось смертной казни, а все их имущество конфискации. Нельзя не учитывать и предупредительно-устрашительного значения этой нормы, которое, по всей вероятности, было заложено в ее смысле.

Обеспечением внешней безопасности пронизана следующая уголовно-правовая норма: "по получении ведомостей о приближении неприятеля всем чинам собраться к своему владетелю. А буде кто не приедет – такового штрафовать". Очевидно, что как преступление рассматривалась неявка на сборный пункт. Кто мог быть субъектом этого деяния прямо указан в тексте самой нормы и наказание зависело от социального положения виновного. Так,

с некоторых феодалов как штраф взыскивались 50 панцирей, 50 верблюдов, 5 кибиток людей и 500 лошадей: с знатных зайсангов – 3 ценные вещи, 3 кибитки людей и 30 лошадей; с воинов – 1 кибитку, 1 панцирь и 8 скотин. Интересно отметить, что при решении ответственности за это преступление надлежало принимать во внимание дальность кочевья виновного от сборного пункта и его возможность к своевременному прибытию.

Воцарению мира между калмыцкими улусами и пресечению взаимных набегов должны были способствовать нормы, регламентировавшие ответственность за организованные нападения в целях грабежа, угона скота и захвата людей. При этом подразделялись нападения, связанные с убийством людей и разграблением небольшого аймака. Анализ содержания этих норм приводит к выводу, что субъектами подобных преступлений могли быть только представители феодальной знати, например, в ранге нойона, зайсанга. Данный вывод объясняется тем, что для совершения организованного и успешного нападения, тем более на крупный аймак, необходимо было значительное число воинов. Нойоны и наиболее богатые зайсанги не только располагали военными отрядами, но и могли для участия в набеге привлечь своих подвластных, снабдив их оружием и лошадьми. А к самостоятельной организации аналогичных нападений рядовые кочевники, то есть надвластные феодально-нойонской знати, естественно, не имели ни средств, ни возможностей. Да и подобные действия албату помимо воли их феодала практически исключались.

Наказание за эти преступления определялось в зависимости от характера нападений. Убийство людей и разграбление большого аймака влекло к полному разорению феодала, организовавшего конкретный набег. У виновного отбиралось все его имущество, в том числе подвластные и скот. Из части его имущества возмещался ущерб, причиненный потерпевшим, а другая часть переходила в собственность хана или других феодалов, выступивших против нарушителя мира.

С лица, виновного в разграблении небольшого соседнего аймака полагался штраф в 100 панцирей, 100 верблюдов и 1000 табуна, с обязательным возмещением убытков потерпевшим.

Нет сомнений в том, что калмыцкие правители в борьбе за упрочение своего положения опирались на эти нормы, и в особенности, если была необходимость окончательно сокрушить своих противников. Так, В. Бакунин указывал, что хан Мончак, пришедший к власти после Шукур-Дайчина, "противного себе родного племянника своего, имянуемого Доналбу, разбил и его самого поймал и отдал в Россию, а улусом его завладел".[10]

Аналогично действовал против нарушителей единства ханства и противников усиления ханской власти Аюка-хан. В частности, он нанес поражение своему двоюродному брату Дугару и его сыну Церену, завладел их улусами, а самих отправил в Астрахань.[11] Правовая основа таких действий, безусловно, зиждилась на нормах исследуемого уголовного права.

Одной из причин межфеодальных распрей служили самовольные откочевки части феодально-зависимого албату от одного феодала к другому, либо вообще из пределов Калмыцкого ханства. Подобные откочевки носили характер стихийного социального протеста эксплуатируемых низов калмыцкого общества. Убегая от одного деспота к другому, они наивно рассчитывали на возможное облегчение своего положения. Стремясь избежать жестоких и разоряющих феодальных поборов и повинностей, массы албату в XVIII веке в порыве отчаяния откочевывали на Дон, за Волгу, убегали в русские селения или принимали христианство.

Калмыцкие ханы и нойоны прекрасно понимая, что только феодально-зависимые от них рядовые албату составляют основу их богатства и благополучия не могли, бесспорно, смириться с такой формой протеста и принимали необходимые меры к пресечению таких явлений. На съезде 1640 года между монгольскими феодалами была достигнута

общая договоренность об обязательной выдаче друг другу перебежавших албату. Причем в Цааджин-Бичик это соглашение было зафиксировано следующим образом: "К кому прибегут перебежчики и тому половину их имения взять себе, а с другой половиною возвращать их к прежним владельцам".

Сознавая важность реального соблюдения в действительной жизни этой нормы, была предусмотрена уголовная ответственность представителей знати за укрытие и невыдачу перебежчиков. "Буде кто примет к себе чьих беглых людей и оных под видом своих защищать...и про то сыщется и за то с оного владельца взять 100 панцирей, 100 верблюдов и 1000 лошадей". Устанавливая такое наказание, законодатели - феодалы полагали возможным мирным путем разрешать конфликты из-за самовольно откочевавших албату, не давая вспыхнуть пламени междоусобицы в целях сохранения внутреннего единства.

К числу рассматриваемых норм следует отнести и следующую, принятую при правителе Дондук-Даши: "если самовольно учинят воровство и разбой в жилищах киргизов, крымцев, черкесов и кубанцев, то, отобравши все привезенные ими вещи, взять всех их лошадей".[12] Данный состав преступления, очевидно, был введен в уголовное право в целях пресечения самовольных набегов калмыков на соседние народы. Этим самым создавались условия для предотвращения ответных набегов со стороны потерпевших, то есть проявлялась забота об обеспечении внешней безопасности.

б) - преступления против порядка управления

Калмыки после вхождения в состав России в течение длительного времени сохраняли свою внутреннюю структуру, бывшую характерной для народов монгольского происхождения. Она подвергалась некоторой трансформации после распада Калмыцкого ханства. Во второй же половине

XVII и до начала 70-х годов XVIII столетия общественный строй калмыков в целом оставался неизменным.

Во главе всего калмыцкого общества до 1771 года находился хан, который фактически являлся главным собственником всей земли, отведенной калмыкам русскими властями для кочевий. Хан распределял пастбищные угодья среди своих вассалов, вел переговоры с царским правительством, поддерживал отношения с Джунгарией, Китаем, Тибетом и другими народами, собирал войска и командовал им, то есть проводил деятельность, затрагивающую интересы ханства в целом.

Основными административно-территориальными единицами Калмыкии того периода являлись улус, феодальное владение нойона, аймаки под управлением зайсангов и хотоны, во главе которых стояли хотонные аха (старосты). Нойоны, зайсанги и другие представители светской знати находились в вассальной зависимости от хана. А после распада ханства нойоны сами непосредственно сносились с русскими властями.

Существовала определенная, веками выработанная система управления как в масштабе ханства, так и отдельных улусов, организованная применительно к кочевому образу жизни и соответствовавшая уровню экономического и культурного развития калмыков XVII–XVIII веков. Хан и нойоны располагали специфическими судебными органами и штатом специальных должностных лиц по административному управлению. Естественно, что калмыцкая феодальная знать правовыми средствами защищала установленный порядок управления, который всецело служил ее классовым интересам. Поэтому уголовное право калмыков XVII–XVIII веков имело своей задачей укрепление функционировавшей системы управления и ее охрану от посягательств. Совокупность всех преступлений, направленных против порядка управления, можно условно разделить на должностные, против отправления правосудия и института посланцев.

К числу должностных лиц, например, относились зайсанг, дарга-управляющий личным двором хана, нойона или наиболее богатого зайсанга, демчей – сборщик подати с 40 кибиток, шуленга – сборщик подати с 20 кибиток, хотонные аха (старосты), десятские и другие. Эти должности являлись наследственными.

В калмыцких улусах и аймаках существовал порядок, по которому каждый должен был проживать и кочевать в строго определенной местности и только в своем феодальном подразделении – "вообще каждый должен жить в своей части или левой, или правой, или средней". Зайсангам и демчеям прямо предписывалось ведение постоянного надзора за рядовыми кочевниками в целях предупреждения самовольных откочевок, бегства албату или их захвата неприятелем. Данные указания вытекали из рассчитанной политики высшей феодальной знати по ограничению и полному пресечению свободы передвижений феодально-зависимого населения и эта политика была "одним из самых ярких проявлений закрепостительных тенденций".[13] Поэтому небрежность или халатность, проявленные по надзору за албату, расценивались как преступление, и виновные зайсанги или демчеи подвергались штрафу.

Предусматривалась ответственность зайсангов и демчеев, если они даже вместе со своими аймаками и хотонами "кроме определенного к кочеванию мест будут кочевать на чужом месте". Безнадзорное и свободное передвижение масс албату, безусловно, затруднило бы сбор податей с них, выполнение ими феодальных повинностей, сбор ополчения и ставило бы их под угрозу захвата другими феодалами или угона в плен как военной добычи.

В обязанность зайсангов и демчеев также вменялось "ведомства своего убогих людей питать". Невыполнение этого, повлекшее гибель людей от голода, считалось должностным преступлением и с виновного взимался штраф "положенный за убитие человека". Строгому наказанию

подвергались должностные лица, не обеспечившие своевременного и полного сбора податей в пользу хана, нойона и других феодалов. Как свидетельствуют источники, калмыцкие нойоны ежегодно получали от своих албату в виде подати десятую часть от всего их скота.. Кроме того, зайсанги в свою пользу также облагали податью рядовых кочевников своего аймака. Однако количество и размеры поборов этими не ограничивались. Зачастую подать, как это наблюдал И. Георги, дополнительно "собирались также во время войны, княжеской свадьбы, или когда правители малых улусов хотели жить попышнее...".[14] Отсюда становится ясной роль демчеев и шуленг и их ответственность в бесперебойном снабжении ханских, нойонских и зайсангских дворов предметами подати.

Если по вине демчея или шуленги подать "великому владельцу" собиралась неполно или несвоевременно, то с них взыскивался штраф в 81 скотину, если недобор происходил в отношении "малых владельцев", то штраф равнялся одному девятку.

В калмыцком феодальном обществе "суд, являясь частью политической надстройки, служил важным орудием господства нойонов, орудием внеэкономического принуждения трудящихся".[15] Вследствие сословных привилегий калмыцкие ханы, нойоны и зайсанги являлись носителями основных судебных функций и располагали специальным штатом судебных чиновников. Особая заинтересованность светской знати в сосредоточении в своих руках отправления суда помимо политической мотивации объяснялась и тем, что "карательная система монгольских законов в преобладающем большинстве случаев основана была на штрафах, которые большею частью поступали "ко двору" и заменяли подать. Понятно, что ханы, нойоны и мелкие владельцы в видах пресечения преступления усердно преследовали грабежи и воровство, находя в том и собственную пользу".[16]

Содержание норм, регламентировавших ответственность за преступления против правосудия,

свидетельствовали о том пристальном внимании, которое уделялось вопросам борьбы с укрывательствами преступников и преступлений, с лжедоносами и злоупотреблениями судей. Укрывательством преступника считались действия, связанные с предоставлением подводы и пищи скрывающемуся от погони "зломыслящему человеку", уничтожением следов, по которым ведется погоня и недопущение до обыска. Наказание за эти действия достигало до семи девятков. Также преступлением считалось сокрытие совершенного преступления. "Если кто зная, скроет воровство, с того, наказавши 15 ударами, взять 4-х годовалого верблюда в пользу князя".

Под угрозой штрафа запрещалось тайное примирение грабителя с потерпевшим. Если в этом примирении участвовали зайсанги, то они штрафовались 4-годовалым верблюдом.

Известную опасность для внутреннего правопорядка представляли клеветнические обвинения. Поэтому предусматривалась специальная ответственность за лжедоносительство. Виновные подвергались наказанию как за совершение того преступления, в котором они пытались обвинить потерпевших. Также преступлением считалось, когда свидетель из корыстных побуждений соглашался давать ложные показания. Виновный в лжесвидетельстве подвергался 15 ударам нагайкой.

Наиболее распространенным видом преступлений в калмыцко-феодальном обществе были кражи скота и иного имущества. В целях усиления борьбы с ними было постановлено о назначении старшего над десятью кибитками. Десятский обязан был сообщать о кражах, совершенных людьми его десятка. При попытке к сокрытию у виновного отрубались пальцы на руках.

Разбор дел на практике зачастую ханы и нойоны перепоручали своим специальным судебным чиновникам, именовавшимся заргачи, т. е. судья. Заргачи обязаны были производить суд в строго определенном месте, что имело

важное значение в условиях большой разбросанности кочевий, т.к. представляли потерпевшему возможность быстрого обращения к услугам судебных органов. Судьи при рассмотрении дел должны были всегда взыскивать штрафы, шедшие в пользу хана или нойонов. Забвение этого положения расценивалось как судейский проступок и невзысканное судьей в двойном размере взыскивалось с него самого. Судья, трижды решивший дело неправильно, отстранялся от своей должности. Также особо регулировалась ответственность судьи, проявлявшего необъективность в процессе судебного разбирательства.

В условиях широких степных просторов и кочевого образа жизни для управления калмыцкими улусами, аймаками и хотонами особую важность приобретала система связи. Это, вероятно, и обусловило возникновение в структуре калмыцких органов управления специального института посланцев. Через посланцев передавались распоряжения ханов, нойонов, зайсангов и должностных лиц по оперативному управлению; от посланцев зависела быстрота их исполнения, что наиболее требовалось во время сбора войска, отражения нападения, созыва на совет и так далее. Институт посланцев являлся крайне необходимым рычагом по управлению кочевым обществом. Поэтому, естественно, что исследуемое уголовное право содержало ряд норм, охранявших права, здоровье и достоинство посланцев. Посланцы имели право в любом населенном пункте переменять лошадей, брать продовольствие и пользоваться кровом для отдыха. Воспрепятствование в этом расценивалось как преступление. Наиболее тяжким видом такого преступления считалось непредоставление подводы посланцу по делу "о всенародной пользе", в связи с болезнью "главного владетеля или его супруги" или с извещением о приближении "великого неприятеля". За такое преступление накладывался штраф в 81 скотину. Субъектом такого преступления могло быть любое лицо, независимо от социального и имущественного положения.

Имелась специальная норма, охранявшая здоровье и достоинство посланца. "Ежели кто посланца побъет и за то взять 9 скотин; а буде только с лошади стаща уронит на землю и за то взять 5 скотин.

Определенную общественную опасность представляло самовольное присвоение полномочий посланца, так как это было связано с дискредитацией органов управления и незаконным пользованием подводами, ночлегом и продовольствием. Поэтому такие действия также считались преступлением и наказывались штрафом.

Подобная детализация еще раз подчеркивает особую важность института посланцев в системе управления.

в) - преступления, посягавшие на систему военной организации

Монгольские народы рассматриваемого периода в силу своего общественного строя и древних традиций кочевого образа жизни вели постоянную жизнь с оружием в руках как в целях совершения набегов для захвата пленных, пастбищных угодий и скота, так и самозащиты от подобных посягательств. Это определяло то высокое значение, которое монголы придавали организации своих военных отрядов и укреплению воинской дисциплины. Подобных же взглядов придерживались и калмыки.

Свои военные отряды калмыки использовали не только для разрешения внутренних конфликтов, но и против соседних народов в целях захвата военной добычи. "Повышенная военная активность кочевых феодалов, – указывает П. Преображенская, – имела свои социально-экономические корни. Экстенсивный характер хозяйства, крайняя слабость промышленного производства, обмена, потребность в обширных территориях для кочевок толкали калмыцких феодалов на организацию частых военных походов".[17]

Н. Бичурин, характеризуя военные качества калмыков,

писал: "Калмыки с малолетства, занимаясь военными упражнениями, обладали всеми качествами, потребными воинам. Они отважны были в нападении, мужественны в сражении, единодушны в предприятиях, неутомимы в трудах".[18] Учитывая эти боевые качества калмыков, царское правительство после их вхождения в состав России постоянно использовало калмыцкую конницу в войнах против Крыма, Польши, Турции. В XVIII веке калмыки на стороне России участвовали в Северной войне, в Полтавской битве и в походах на Кавказ и Кубань.

Военным делам калмыки в своей общественной жизни отводили особую роль и, естественно, обращали внимание на укрепление воинской дисциплины. Важным средством в этом выступало уголовное право калмыков XVII–XVIII веков. Данное право рассматривало как преступление ряд деяний, которые посягали на основные начала системы военной организации калмыцкого общества. Нормы этого права предусматривали ответственность за посягательства на организационные и военно-этические принципы. В соответствии с организационными принципами при объявлении мобилизации в связи с совместным походом или необходимостью отражения нападения в каждом улусе собиралось ополчение. В это ополчение входили военный отряд нойона данного улуса, воины-телохранители отдельных зайсангов, а также представители низовых масс, призванных к воинской повинности своими господами. "У монгольских народов вообще каждый простолюдин есть воин и должен лошадь и оружие в готовности иметь, дабы немедленно по приказанию князя своего явиться в поле", – отмечал П. Паллас[19].

Нойон, возглавлявший ополчение, носил специальное военное звание – хошучи. Всем калмыцким ополчением командовал либо сам хан, либо один из самых доверенных его сановников. Постоянных крупных военных сил калмыцкий хан не имел. При такой организационной структуре особое

внимание уделялось своевременному прибытию воинов к месту сбора, пресечению самовольных действий отдельных отрядов, сохранности воинского снаряжения и военной добычи. Поэтому как преступление рассматривались случаи неявки воинов по тревоге на сборный пункт. В частности, предусматривалось: "если не выедут вовремя, то взыскивать: с князя по два девятка, с знатного человека по панцырной лошади и 4-х годовалому верблюду,... с людей низкого сословия по 4-х годовалой лошади".

В военной организации калмыков крайне нетерпимым являлись факты самовольства командиров и неподчинения общим для всех распоряжениям. Так, если передовой отряд, то есть авангард калмыцкого войска, вопреки общему плану вступал в бой с неприятелем, то этот отряд штрафовался тридцатью лошадьми и лишался захваченной добычи. Командир или воины, преждевременно и самовольно до окончания похода возвратившиеся домой, подвергались штрафу в двойном размере.

В соответствии с принципами организации вооруженных сил каждые 40 кибиток обязывались ежегодно изготовлять двое лат. Невыполнение этого требования влекло штраф в размере одной лошади и верблюда.

Исследуемое уголовное право специально предусматривало ответственность за кражу предметов воинского снаряжения. Так, например, за кражу латы и панцыря, виновный штрафовался 9 девятками, за кражу кирасы – 3 девятками, за кражу хорошего меча или сабли взыскивался один девяток. Любопытно, что по нормам Цааджин-Бичик штраф за кражу ружья был одинаков со штрафом за похищение сабли или меча. Здесь следует иметь в виду, что, очевидно, в период принятия Цааджин-Бичик монголы и калмыки не придавали особого значения огнестрельному оружию из-за их несовершенства, малого количества и ограниченности боеприпасов.

У калмыков издревле существал особый порядок раздела военной добычи, нарушение которого признавалось преступлением. За самовольный раздел добычи виновные штрафовались одним девятком и с них взыскивалось захваченное. Обращает внимание, что особо регламентировалась ответственность за сокрытие трофеев. За первый случай брался штраф в 5 скотин, а за повторный с виновного взыскивался штраф как за действительную кражу.

Уголовное право строго карало дезертиров. Наказанию подвергались не только рядовые воины, но и представители феодальной знати независимо от их сословного ранга. Этим подчеркивалась степень общественной опасности проявления трусости в ратном деле. Так, за побег с поля боя нойон наказывался штрафом в 100 панцырей, 100 верблюдов, 50 кибиток людей и 1000 табуна. Феодалы меньших рангов штрафовались 10 панцырями, 10 верблюдами, 10 кибитками людей и 100 лошадьми. Лица, бежавшие из авангарда до соприкосновения с противником, подвергались позорящим наказаниям. Одним публично надевали женскую одежду, других изгоняли нагими из отряда.

Не заслуживающим никакого оправдания и пощады расценивались случаи оставления в бою в большой опасности рядовыми воинами своих нойонов. Это считалось самым тяжким преступлением и виновные карались смертной казнью и разорением. "А кто владельца оставит, того разорить и умертвить".

На такой оценке подобных деяний, безусловно, отразилась классовость феодального права. Господствовавшая феодально-нойонская знать стремилась привить своим подвластным чувство полного повиновения и рабского поклонения своим господам. Смертной казнью и имущественным разорением угрожали они, чтобы не допустить случаев оставления в бою рядовыми воинами своих нойонов. Вместе с тем феодалы щедро поощряли воинов, выручивших представителей знати из опасности во время боевых действий.

Такие воины переводились в сословие дарханов, пользовавшихся рядом льгот. В частности, семья дархана освобождалась от уплаты податей. Цааджин-Бичик предусматривал и другие меры поощрения воинов, проявивших отвагу и доблесть в бою. Подобная регламентация в одном своде наказаний за воинские преступления и видов поощрения за воинскую доблесть является сравнительно редким правовым явлением и объясняется оно казуистичностью права монгольских народов периода феодализма.

Преступления против личности

Чтобы более правильно разобраться в характере и направленности этих видов преступлений и глубже понять их внутренние контрасты необходимо, прежде всего, уяснить социальную структуру калмыков XVII–XVIII веков. В "Очерках истории Калмыцкой АССР" правильно, на наш взгляд, указывается "что калмыцкое общество и в XVIII веке делилось на два основных класса: класс светских и церковных феодалов и класс феодально зависимых...".[20]

К первым относились ханы, зайсанги и члены их семей. Эти лица составляли категорию цаган-ясн, то есть белую кость. Данной сословной группе принадлежали и такие служители буддистской церкви, как например, ламы (высшие духовные лица), бакши (учители веры), гелюнги (священники) и другие.

Класс феодально зависимых людей подразделялся на албату, шабинеры и кетчинеры. Албату составляли самое многочисленное сословие и они являлись главным объектом феодальной эксплуатации. Массы албату, как непосредственные производители, несли основное бремя господских повинностей. Они пасли скот феодалов, вносили натуральный и денежный оброк, несли воинские и подводные повинности, платили чрезвычайные дополнительные подати продовольствием – "от чего многие претерпевали великое угнетение".[21] Повинности албату вышеназванными не ограничивались и как утверждает И. Златкин они "не были

регламентированы законом и были многообразными и надуманными".[22]

Власть представителей цаган-ясн над албату была фактически неограниченной. Например, как указывал П. Паллас, нойон мог "по своему изволению их подарить кому хочет, наказывать их телесно, велеть им носы и уши обрезать или другие члены обрубать, но только не явно умерщвлять"[23]

Монгольские и калмыцкие феодалы делали крупные пожертвования буддистской церкви. Они дарили своим духовным пастырям скот и своих подвластных людей. Эти люди становились собственностью церкви и назывались шабинеры, то есть послушники. Практически они несли те же тяготы, что и албату, но только в пользу духовенства.

В калмыцком феодальном обществе при нойонах находились группы людей, именовавшихся кетчинеры и выполнявшие роль княжеских дружинников. В XVIII веке их обязанности при нойоне значительно трансформировались и по существу они являлись дворовой прислугой. Из их среды назначали главного конюшнего, главного ключника, приказчика и других.[24]

Как свидетельствуют нормы Цааджин-Бичик и Токтолов Дондук-Даши в калмыцком обществе XVII–XVIII веков существовали рабы. Таковыми были, как правило, пленные, захваченный либо во время набегов, либо военных столкновений. Рабы выполняли все тяжелые физические работы и находились в полном подчинении своего хозяина. Рабы рассматривались также, как товар, за который можно было бы получить выкуп.

Албату, шабинеры, кетчинеры и рабы составляли самое низшее социальное сословие калмыцкого феодального общества – хар-ясн (черную кость), тогда как светская и церковная знать, аккумулировав всю полноту политической и экономической власти, составляла господствующее высшее сословие. Такое размежевание полярных социальных сил на политической сцене феодальной Калмыкии, само собой

разумеется, нашло свое отражение в регулировании ответственности за преступления против личности.

Система преступных деяний против личности в настоящей работе классифицируются на посягательства против жизни, здоровья, половой неприкосновенности, чести и достоинства.

а) - преступления против жизни

По исследуемому уголовному праву убийства в калмыцком феодальном обществе считались тяжкими и наиболее общественно опасными посягательствами. "Высшим преступлением у калмыков по правилам собственного калмыцкого вероисповедания почитается смертоубийство; преступление это называется у них безотрадным, непростимым или по нашим убеждениям тяжким, смертным грехом", – отмечал П. Небольсин.[25]

Для уголовного права калмыков XVII–XVIII веков была характерна своя особая система классификации убийств. Но, естественно, что в ней отсутствовали те критерии классификации рассматриваемых преступлений, которые характерны для более развитых правовых систем. Общей нормой, определявшей ответственность за убийство, служила статья, гласившая – "ежели кто человека убъет и за то с онаго взять великий штраф, т. е. тысячу овец". Однако, наряду с этой нормой, существовали и другие, устанавливавшие как бы специальные составы убийств. Анализ этих конкретных норм показывает, что разделение убийств производилось по субъекту, личности потерпевшего и по обстоятельствам преступления. Так, по субъекту преступления отдельно предусматривалась ответственность за убийство отцом сына, сыном родителей, убийство мужем своей покинутой жены, убийство замужней женщиной другой жены своего мужа. Предусмотрение таких видов убийств объяснялось традиционной спецификой семейного быта кочевых народов.

Хотя общественный строй калмыков того периода уже был феодальным, но в нем были еще сильно развиты патриархально-родовые пережитки, в особенности, в сфере семейно-брачных отношений. В этой связи исключительно тяжким злодеянием считались убийства детьми родителя и наоборот.

Исходя из личности потерпевшего, различались убийства рабов, "бешеного человека" и беглеца из одного феодального владения в другое. Казуистичность феодального права проявилась и в том, что данное уголовное право специально выделяло ответственность за убийства, совершенные на облаве, "в игре" и "на войне союзника", то есть в зависимости от места и обстоятельств совершенного убийства. Диспозиция данных норм в некоторых случаях излагалась следующим образом: "Кто будучи на облаве диких коз, стреляя по них, нечаянно убъет человека до смерти, и за то с онаго взять за убийство человека определения вполы". А буде два человека, играя между себя, один другого убъет до смерти, и за то наследникам убитого взять 9 скотин. А буде два человека, играя между себя, один другого убъет до смерти, и за то наследникам убитого взять 9 скотин. А кто, таким образом, убив человека, утаит и за то взять 27 скотин".

Анализ этих норм дает нам основание сделать вывод, что убийства по психическому отношению виновных к совершаемому деянию разделялись на умышленные и неумышленные. Об этом свидетельствуют диспозиции и санкции исследуемых норм. Так, из диспозиции норм об ответственности за лишение жизни "на облаве", "игре", "на войне союзника" видно, что здесь имелись в виду случаи причинения смерти по неосторожности.

Хотя у калмыков исследуемого периода убийства вообще считались тяжким преступлением, вместе с тем они подразделялись на особо опасные и менее опасные. Так, к наиболее опасным видам убийства относились убийства между родителями и детьми, убийства, за которые взыскивался

штраф в 1000 овец, убийство знатного человека путем поджога и другие. В последнем случае исключительно конкретно проявлялась классовость феодального права. За причинение смерти таким способом знатному человеку виновный подвергался разорению, за убийство человека среднего достатка взыскивалось 30 ценных вещей и 300 скотин, а за убийство простого кочевника – 1 ценная вещь и 134 скотины". Менее общественно опасными убийствами, по всей вероятности, расценивались убийства рабов, перебежчиков, бешеного человека, хотя бы они и носили ярко выраженный умышленный характер. Сюда же следует отнести и убийства по неосторожности.

Кроме вышеприведенного способа убийства путем поджога других конкретных указаний в нормах об ответственности за лишение жизни не имеется. Также нет прямых регламентаций и о мотивах преступления. Вероятно, было бы ошибочным утверждать, что уголовное право калмыков XVII–XVIII веков не придавало серьезного значения способу совершения и мотиву убийства. Очевидно, эти факторы принимались во внимание и играли определенную роль как в общей оценке опасности деяния, так и при избрании меры наказания. Это подтверждается тем, что соответствующая норма не указывала за какое убийство виновное лицо подвергалось штрафу в 1000 овец. Применение этой санкции, по-видимому, находилось в зависимости от способа и мотива конкретного убийства.

Система наказаний за убийство выглядела следующим образом. За наиболее тяжкие виды применялись полное разорение и изгнание или великий штраф. Так, убийство сыном своего отца влекло к конфискации всего имущества, лишении семьи, а сам виновный изгонялся. "А ежели отец сына убъет до смерти и за то с онаго кроме его собственной фамилии взять всех людей и имение".

Штрафы за менее тяжкие убийства по своим размерам были значительно меньше. Так, за убийство покинутой жены

виновный уплачивал штраф в 45 скотин; таких же размеров взымался штраф за убийство раба или перебежчика. Такая мягкость наказания за эти виды убийства объяснялась патриархально-феодальным положением женщин в калмыцкой феодальной семье, социальным бесправием рабов и стремлением пресечь случаи бегства албату и шабинеров. Любопытно, если замужняя женщина совершала убийство другой жены своего мужа, то последний в качестве наказания мог отрезать убийце уши и выдать замуж за другого.

Безусловно, что система наказаний за убийства в XVIII веке претерпела определенную эволюцию. Как свидетельствуют источники, в качестве наказаний применялись не только штрафы, но и членовредительские наказания. Так, И. Лепехин относительно наказания у калмыков за убийство в 60-х годах XVIII столетия писал, что такого виновного в публичном месте бьют плетями нещадно и ломают правую руку и левую ногу, взыскав 500 овец черноголовых, одного верблюда и одну лошадь.

Интересно отметить, что в исследуемом законодательстве не предусмаривалась специальная уголовно-правовая ответственность за убийство нойонов, зайсангов или хана. Видимо, в калмыцком обществе того периода, пронизанному патриархально-родовыми пережитками и где господствовали культ и ореол божественного происхождения личности нойона, подобная регламентация разумеется исключалась. Также обращает внимание отсутствие нормы, регулировавшей бы ответственность за приготовление к убийству или за покушение на его совершение. По-видимому, такие случаи на практике рассматривались как соответствующие оконченные преступления. Например, как причинение ранений или угроза оружием. Обоснованность такого предположения косвенно подтверждается содержанием следующей нормы – "а буде кто какое оружие обнажит, и кто оное от него отымет, и то оружие отдается ему, а тому человеку, на которого оное было обнажено, взять одну лошадь".

б) - преступления против здоровья

К преступлениям против здоровья относились причинение телесных повреждений, лишение каких-либо органов тела и нанесение побоев.

Уровень развития калмыцкого феодального права, отсутствие в нем четко сформулированных основных обобщающих критериев также заметно отразилось на содержании уголовно-правовых норм, определявших ответственность за преступления против здоровья. Подтверждение этому исключительная детализация почти всех возможных случаев причинения вреда здоровью потерпевшего. Так, предусматривалась ответственность за лишение "кого-либо шести членов", то есть рук, ног и глаз. Виновный в этом подвергался штрафу в 5 десятков с ценной вещью, примерно такой же ответственности как и за убийство раба, перебежчика или покинутой жены.[26] Казуистичность данного права проявлялась и в регламентации отдельной ответственности за лишение среднего, безымянного пальца и мизинца, за повреждение больного глаза, трясущегося зуба и так далее.

По-видимому, у калмыков того периода существовали свои критерии и понятия степени тяжести ранений оружием, основанных на длительной судебной практике. Так, нормы Цааджин-Бичик разграничивали повреждения, нанесенные мечом или огнестрельным оружием, на малые, средние и большие. "А кто кого каким-нибудь оружием подстрелит или порубит, или поколет и с того взять за большую рану 45, за среднюю 27, а за малую 9 скотин". Способ такой классификации ран в источниках не указывается. Есть только замечания Войекова со слов Монтескье, что у калмыков "раны на руке измеряются подобно геометрическим фигурам".[27] Возможно, что это замечание и было близко к достоверности. По данному уголовному праву различалось причинение телесных повреждений умышленно и неумышленно. Последнее

по смыслу конкретных норм близко подходит к понятию неосторожности. К числу неумышленных преступлений, в частности, относились "кто в игре повредит кому-либо глаз, или зуб, или руку, или ногу или если ранение было причинено от самострела, место установки которого не было объявлено". О сравнительно меньшей опасности неумышленных повреждений говорит и то, если виновное лицо вылечивало потерпевшего, то наказание вообще по этим преступлениям не применялось.

Умышленными признавались ранения, например, нанесенные либо в драке, либо на почве мести. Наказание применялось в форме штрафа скотом. Интересно строилось наказание в случаях – "кто у чреватой женщины выбъет младенца". У виновного в этом деянии изымалось столько девятков скота, сколько месяцев было такому младенцу.

Во второй половине XVIII века за рассматриваемые преступления уже применялись телесные наказания. С лиц, в драке сломавших руку или ногу, повредивших глаз, зуб или вырвавших у потерпевшего косу, взыскивался штраф скотом и, кроме того, виновных били "плетьми нещадно".[28]

При определении ответственности за нанесение побоев также имела место чрезмерная детализация. Отдельно устанавливалась ответственность за причинение побоев "деревом или камнем", "кулаком или плетью". Побои как и телесные повреждения также подразделялись на большие, средние и малые. А это вело к дифференциации наказания – чем выше степень тяжести побоев, тем строже наказание. Причем последние по преимуществу налагались в виде штрафа скотом.

Патриархальный уклад калмыцкой семьи требовал безоговорочного подчинения младших старшим. Преступлением считались случаи нанесения побоев детьми родителям или невесткой родителям мужа. Следует подчеркнуть, что за такое преступление невестка подвергалась не только штрафу скотом, но и телесному наказанию до 30

ударов плетью. Родители же, нанесшие побои своим детям или невестке, всегда могли уклониться от уголовной ответственности, заявив, что сделали это в целях нравоучения.

В уголовно-правовых нормах об ответственности за побои также находит свое выражение социальное неравенство: нанесение побоев представителям знати влекло за собой повышенную ответственность, а сами они могли оставаться безнаказанными за аналогичные же действия. В частности, специально предусматривалась ответственность "если кто ударит чиновных князей с того взять 5 девятков, кто побъет малых князей взять 3 девятка, кто побъет придворного служителя или шуленгу... взять девяток". В то же время: "буде кто из чиновных владельцев, управителей народных, меньших владельцев и из ясашных сборщиков за государево дело, во исполнение права кого побъют и оно им, хотя бы тот битый умер, за ничто вменяется".

в) - половые преступления

Уголовное право калмыков XVII–XVIII веков охраняло половую неприкосновенность женщин. За совершение изнасилования устанавливалось наказание, зависивщее от социального положения потерпевшей.

Так, "а буде кто чью жену изнасильничает и за то с онаго той жены мужу взять 9 скотин. А за насилие рабы одну лошадь; а буде по ее согласию учинит и за то оный не штрафуется". Несколько строже наказывалось изнасилование девушки: "а кто изнасильничает девку и за то с онаго отцу девкину взять 18 скотин".

Обращает внимание следующая особенность. Потерпевшими по делам об изнасилованиях выступали не сами женщины, подвергшиеся насилию, а либо мужья в отношении своих жен, либо отцы в отношении своих дочерей. Такая регламентация особенно ярко подчеркивает то общественное положение женщины, которое она занимала в

условиях феодализма, опутанного патриархально-родовыми пережитками. Как видно из вышеприведенных норм, надругательство над честью замужней женщины или девушки, прежде всего, расценивалось как нанесение обиды мужу или отцу, представителю мужского пола, фактическому ее хозяину. Вообще для калмыцкой семьи того времени было характерным неограниченное господство мужа над женой, отца над детьми. Мужчина являлся верховным главой семьи и только ему одному принадлежало право распоряжения семейной собственностью. Поэтому не случайно штраф с насильника шел в пользу мужа или отца фактически пострадавшей женщины.

Многие исследователи истории и быта калмыков периода феодализма обращали внимание на сравнительную мягкость наказания за изнасилования в калмыцком обществе. Тогда как у многих других азиатских народов, в частности, казахов, за изнасилование взыскивались либо очень крупные штрафы, либо насильнику объявлялась кровная месть. В свете этого следует отметить, что в уголовном праве монголов и калмыков XVII века имелась норма, обязывавшая бездетную вдову под страхом наказания принимать к себе на ночлег проезжающего человека. Смысл этой нормы исследователи монголо-калмыцкого права В. Рязановский и Ф. Леонтович объясняли все еще действием у монголов и калмыков рассматриваемого времени древнего обычая гостеприимного гетеризма.

В последующем, в конце XVIII века, за изнасилование и среди калмыков стали применять телесные наказания. Подтверждение этому содержится в работах И. Потоцкого и П. Небольсина. И. Потоцкий описывает, что будучи в гостях у калмыцкого нойона Тюменя Дербетовского, был очевидцем того как "обольстителю было дано несколько ударов".[30] П. Небольсин отмечал, что за изнасилование виновных, помимо штрафа "раздев в собрании мужчин до гола, наказывали телесно".[31]

г) - оскорбление

Объектом данного вида преступления являлись честь и достоинство личности, к которым калмыки, как свидетельствуют предусмотренные составы преступлений, относились очень ревниво. Это подтверждается, в частности, тем, что как оскорбление достоинства рассматривался срыв красной кисти с шапки калмыка, обязательное ношение которой обуславливалось религиозными догмами. С субъективной стороны подобные преступления должны были быть совершены только умышленно. В качестве наказания применялась система выкупов различными видами скота. Выкуп шел в пользу потерпевшего, чьи честь и достоинство были оскорблены. Субъектом преступления могло быть физическое лицо, достигшее совершеннолетия и в психическом отношении применительно к современным понятиям – вменяемое.

В нормах данного уголовного права, предусматривавших ответственность за оскорбление, также нашло свое отражение социальное неравенство среди калмыков. Специальная уголовная ответственность устанавливалась за оскорбление нойона, феодалов меньшего разряда, придворного служителя или шуленгу. За оскорбление, нанесенное представителю класса хар-ясн, в качестве наказания взыскивался выкуп в 1 лошадь или одну овцу с ягненком. В то же время "ежели кто великого владетеля обесчестит и за то оного разорить. За бесчестие меньших владельцев и табунагов один девяток и за бесчестие придворных служителей и ясашных сборщиков 1 лошадь и 1 овца". Нормы Цааджин-Бичик содержат подробные перечисления возможных способов нанесения оскорбления. Следующим образом регламентировалась ответственность за посягательство на честь и достоинство "знатного человека". "А буде кто знатному человеку в лицо плюнет или земли

бросит, или лошадь, на которой он будет сидеть, по голове ударит плетью или его с лошади за полу потянет, и за то взять 1 лошадь; а ежели же все вышеизреченное учинил и за то взять 1 лошадь и 2 барана; буде же из вышеизреченных две обиды учинит - взять 1 лошадь и 1 барана".

Весьма своеобразной и оригинальной по своей диспозиции и санкции являлась следующая норма – "а кто женский пол ухватит за груди или поцелует и за то оному человеку по тайному уду учинить один щелчок". Тенденция к детализации отдельных преступлений проявилась и в такой норме: "А кто раздерет на ком платье и за то с онаго взять двухлетнего жеребенка".

У калмыков того периода бытовали свои традиционные понятия чести и достоинства, нарушение которых расценивалось как личное оскорбление. Этим объясняется природа ответственности "за выдрание бороды, усов и косы", которые являлись внешними символами мужского достоинства.

Как отмечалось, наказания за оскорбления назначались в форме композиции, что соответствовало уровню социально-экономического развития кочевых народов эпохи феодализма. Некоторые дореволюционные исследователи, идеалистически представляя природу и систему наказаний у калмыков за рассматриваемые преступления, утверждали, что "честь без корысти у них ничего не значит, также как стыд без боли для них не страшен".[32]

Установленные нормами Цааджин-Бичик наказания за оскорбление отличались заметной стойкостью и сохранялись почти без изменения в течение XVII–XVIII веков. Это подтверждается теми сведениями, которые приведены П. Палласом в названных его работах и были собраны им во время пребывания в калмыцких улусах в 70-е годы XVIII века. Вместе с тем, И. Лепехин, побывавший в калмыцких степях в конце 60-х годов того же столетия, отмечал резкое усиление уголовной ответственности рядовых кочевников за

оскорбление представителей высшей знати. "Буде кто из ханской фамилии или прочих владельцев подданный дерзнет словом или рукою, или злоумышленным коварством общим и действительно уличен будет, таковых казнят смертью и искореняют весь род; а скот и иждивение, сколько бы его ни было, забирают на хана".[33] Такая практика, по-видимому, объяснялась усилением социального протеста, когда рядовые албату, шабинеры и кетчинеры, не выдержав феодальных повинностей, оказывали дерзкое неповиновение своим владельцам и не останавливались перед посягательствами на их личность.

Преступления против собственности

Застойность и склонность к консерватизму кочевого быта, опутанного пережитками патриархально-родового строя, определяли медленную эволюцию производственных отношений. В этой связи хозяйственный режим монголов и калмыков периода феодализма в течение длительного времени оставался неизменным. Хозяйственная деятельность калмыков этого периода заключалась в разведении скотоводства, в ведении торговли с русскими, занятии охотой, рыболовством и домашним производством изделий. Главной сферой приложения общественно-полезного труда, основой всей экономики калмыцкого феодального общества являлось экстенсивное кочевое скотоводство. Скот, обеспечивая непритязательные потребности кочевника в пище и одежде, служил ему одновременно предметом торговли для приобретения товаров промышленного производства и оседлого земледелия. Охота и рыболовство составляли подсобное занятие, не имевших особо важного значения для материального благосостояния калмыцких семей.

Существенное место занимало производство изделий из продуктов животноводства. В частности, калмыки "выделывали кожи и войлоки, арканы из конского волоса и

верблюжьей шерсти, изготовляли из кож и купленных тканей одежду, обувь, предметы бытового обихода. Широко было распространено изготовление напитков из кобыльего и коровьего молока".[34] Часть этих изделий шла на внутрисемейные нужды, часть для торговли. Частная собственность на орудия и средства производства и на предметы потребления составляла основу производственных отношений. В связи с этим охрана скота, продуктов скотоводческого хозяйства, изделий домашнего производства и другого имущества, принадлежавшего на праве частной собственности, считалось важнейшей задачей и этим обуславливалась разработка уголовно-правовых норм для борьбы с посягательствами на них.

Необходимость уголовно-правовой борьбы с "воровством" в калмыцком феодальном обществе объяснялась и тем, что "преобладающие в среде их преступления, составляющие исходный пункт для всех прочих, состояли в похищении имущества и преимущественно скота". Об этом же свидетельствуют и нормы исследуемого уголовного права, которые весьма детализированно регламентировали ответственность за преступления против собственности. Эта группа посягательств нами подразделяются на хищение скота, кражу иного имущества и уничтожение чужого имущества.

а) - уголовно-правовая борьба с хищениями скота

Выделение уголовно-правовых норм, регулировавших ответственность за хищение скота, в специальную группу объясняется тем особым значением, которое придавалось калмыками скотоводству, являвшемуся основным источником удовлетворения материальных потребностей и ведущей отраслью их кочевого хозяйства. Эта же особенность, по всей вероятности, учитывалась и самими степными законодателями, подтверждением чему является разработка особых и по тому времени достаточно продуманных правовых

норм в целях обеспечения наиболее эффективной охраны скота от преступных посягательств.

В повседневной хозяйственной жизни калмыков ведущее место занимало разведение лошадей, верблюдов, коров и овец, скотоводческие продукты которых почти в полной мере удовлетворяли их специфические потребности. Лошадь играла исключительную роль в жизни калмыка-кочевника. Лошадь служила средством передвижения при кочевках, пастьбе скота. Велико было значение лошади для участия в набегах или отражении нападения. Лошадь являлась неотъемлемой частью воина-калмыка. Кроме этих выгод, разведение лошадей обеспечивало мясом, молоком, кожей. Лошадь служила одним из главных видов калмыцкой торговли. Наиболее приспособленным из животных к суровым условиям кочевой жизни по полупустынным степным просторам являлся верблюд. "Если лошадь бойко носила калмыка в набегах и спасала во время преследования, то верблюд в свою очередь оказывал не менее важную услугу семье кочевника, терпеливо перенося на своей спине все его богатство, домашнюю утварь и матерей с малолетними детьми".[35]

Содержание крупного рогатого скота и овец представляло калмыкам-кочевникам многосторонние выгоды, в том числе, в виде обменного товара при торговле в русских городах и селениях. "Богатство и пропитание калмыков в их стадах; у многих до несколько сотен, а у иных до несколько тысяч скотин бывает", - отмечал П. Паллас.[36] В XVIII веке средняя калмыцкая семья имела 60–150 голов овец, 10–50 лошадей, 10–30 голов крупного рогатого скота и 5–15 верблюдов. Похищение скота у рядовых масс албату лишало их основного источника существования, кража части поголовья у феодальной знати серьезно ущемляла ее благополучие.

Особая ценность скота и его значение для материального благосостояния в условиях кочевого быта и определили установление отдельных составов преступления

за хищение каждого вида ведущих в хозяйстве животных. Так, за кражу верблюда взыскивался штраф в 15 девятков скота, т. е. 136 голов, за кражу лошади – 8 девятков; за кражу коровы или овцы – 6 девятков. Само собой полагалось полное возмещение похищенного поголовья. Нормы Цааджин-Бичик прямо устанавливали "и сколько какого скота кто украдет с онаго за каждую скотину брать вышеположенного".

Такими громадными размерами штрафа делалась попытка искоренения подобных посягательств. Если же у виновного не хватало имущества для возмещения штрафа, то он "головою" выдавался потерпевшему.

Интересна ответственность за кражу стельного скота – "а за то, что во чреве того скота после февраля месяца будет, брать по одной лошади". Особо регламентировалась ответственность за "доение чужого скота без разрешения хозяина".

Уголовное право Калмыкии того периода устанавливало специальные нормы, предусматривавшие в различных вариантах ответственность за присвоение утерянного скота. Лицо, обнаружившее в своем стаде чужой скот, обязано было в течение 3 дней объявить об этом кире, специальному чиновнику, занимавшемуся только делами о розыске скота. Если виновный, не делая такого объявления, ездил на найденном скоте, то он подвергался штрафу в одну лошадь, а если накладывал свое клеймо – 9 скотин, если остригал – 5 скотин.

Более строго каралось, если виновный найденный скот передавал в "дальний улус" или в"близости находящийся". В первом случае действия виновного расценивались как кража, а во втором – взыскивался штраф в 3 девятка. Устанавливались поощрения за противодействие лицам, угоняющим скот: "кто от воровских людей с драки отобъет чей скот и оному из того взять от пяти одну лошадь, а от одной – одного барана. А если без драки отоймет – от 10 лошадей взять одну".

В нормах, определявших ответственность за

рассматриваемые преступления, не содержится признаков объективной стороны. Видимо, для наступления ответственности за хищение скота было достаточно самого факта. Степень ответственности не зависела от способа совершения кражи. Однако наказания, установленные Указами Галдана и Токтолами Дондук-Даши, зависели от личности виновного. Указы Галдана предусматривали повышенную ответственность лиц, неоднократно совершивших кражи. Так, ежели кто один приличится в трех кражах и за то оного совсем разорить". Токтолы Дондук-Даши, принятые в середине XVIII века, несколько иначе строили ответственность за подобные преступления. Лицам, трижды уличенным в кражах, Токтолы в качестве наказания определяли продажу их в рабство на Кубань или в Крым. Следовательно, рецидивная преступность признавалась более опасной и виновный подвергался столь оригинальному наказанию.

Пытаясь объяснить природу преступлений, связанных с отгонами скота в калмыцком феодальном обществе, некоторые исследователи утверждали: что "воинственный дух и страсть к удальству и молодечеству, выражаемые отгонами чужого скота, захватами и хищничеством, долгое время сохранялись в калмыцком народе".[37] Безусловно, что такое идеалистическое объяснение социального явления выглядит схоластическим, оторванным от конкретной действительности.

Следует отметить, что Токтолы Дондук-Даши внесли существенные изменения в наказания за хищение скота. В частности, Токтолы устанавливали возмещение ущерба в двойном размере и взыскивание с виновного "на княжескую ставку верблюда, судье по 4-х летней корове, свидетелю обвинения лошадь..."

Вообще штрафы и размеры выкупов по Токтолам Дондук-Даши отличались от таковых по Цааджин-Бичик значительным снижением размеров. Причина этого явления кроется в том, что к середине XVIII века ощущалось

значительное обнищание народных масс вследствие усилившейся эксплуатации и разорительной междоусобицы 30-х годов. В силу этого взыскание тех громадных штрафов за кражу скота, установленных Цааджин-Бичик, становилось практически невозможным. Поскольку эффективность наказания неразрывно связана с возможностью ее конкретного исполнения, то калмыцкая знать во главе с Дондук-Даши в целях реальности взыскания штрафов и выкупов вынуждена была пойти на снижение их размеров.

б)- хищение иных видов имущества

К подобным преступлениям отнесены кражи предметов личного, домашнего и хозяйственного обихода. Анализ этих норм показывает стремление монголо-калмыцких законодателей XVII-XVIII веков исчерпывающим образом предусмотреть все возможные формы проявления этого вида преступлений. Так, в нормах Цааджин-Бичик приведены 88 наименований вещей, похищение которых рассматривалось как преступление. Среди этих 88 названий предметов содержится 12 видов звериных шкур, 9 наименований шуб, 10 предметов сбруи, 14 металлических инструментов и приспособлений.

За кражу этих вещей предусматривалось наказание в форме выкупа в различных размерах. В частности, за похищение шелкового тулупа, соболиной или горностаевой шубы, тигрового или леопардового ковра полагался выкуп скотом в количестве 5 девятков. За кражу волчьей, рысьей и бобровой шкуры взыскивался выкуп в 7 скотин. За кражу молотка, наковальни и щипцов выкуп составлял 1 девяток. За кражу мелких вещей, например, огниво, стрелы, узды, веревки, седла и так далее, а всего 38 видов виновному полагалось отрубить палец. "Если же пожалеет, то взять 5 скотин".

Следует отметить, что постепенно наказания за эти

виды кражи претерпели изменения. Выкуп все больше стал заменяться телесными и иными позорящими наказаниями. В частности, по Токтолам Дондук-Даши виновный в краже наказывался 15 ударами плетью, после чего его клеймили и на шею на один месяц надевали деревянную колодку.

П. Небольсин отмечал, что у калмыков в начале XIX века за кражу наказания были посрамительные: верховой наездник накидывал на преступника аркан и водил его в таком виде по хотону, все зрители стегали виновного прутьями по обнаженному телу, а некоторые стреляли в него для смеха холостыми зарядами".[38]

В Токтолах Дондук-Даши имеется норма, предусматривавшая ответственность за кражу человека – "кто украдет человека, того штрафовать по закону об убийстве". Очевидно, природа этой нормы была связана с императорскими указами 1737 и 1744 годов, которые официально разрешали "калмыцким владельцам продавать крепостных калмыков как обыкновенную движимую собственность".[39] В связи с этим, вероятно, многие калмыцкие нойоны и зайсанги продавали своих подвластных русским помещикам и купцам. Очевидно, имели место случаи похищения калмыков в целях их продажи. Поэтому в правление хана Дондук-Даши и была установлена указанная ответственность за кражу людей.

Анализ Цааджин-Бичик и Токтолов Дондук-Даши показывает, что уголовному праву калмыков XVII–XVIII веков были известны хищения имущества в форме кражи и грабежа. Под кражей имелось в виду простое похищение, а как грабеж расценивались организованные нападения с применением оружия.

в)- ответственность за повреждение или уничтожение чужого имущества

Регламентация подобной ответственности является еще одним свидетельством стремления калмыцкого феодального

общества обеспечить всемерную охрану частной собственности. Различалось умышленное и неумышленное повреждение или уничтожение чужого имущества. К числу умышленных деяний относились разрушения юрты на почве мести или из хулиганских побуждений и если "кто злодействуя умертвит чей скот". За первое преступление взимался выкуп в 1 лошадь. Умышленное уничтожение скота влекло обязательное возмещение потерпевшему фактического ущерба и взыскание штрафа равного штрафу как за кражу погубленного вида скота. Этим подчеркивалась особая общественная опасность таких деяний и необходимость строгого наказания виновных.

Неумышленными считались гибель скота от самострела, место постановки которого не было объявлено, и если чей скот был убит "шутя".

За гибель животного от самострела хозяин последнего обязан был возместить потерпевшему причиненный ущерб. Если место постановки самострела было объявлено жителям хотона, ответственность исключалась. За скот, уничтоженный "шутя", виновный в этом принуждался к восстановлению умерщвленного поголовья и, кроме того, с него взыскивалась лошадь.

Вот и все виды рассматриваемых преступлений, предусмотренных уголовным правом калмыков XVII–XVIII веков. Не трудно заметить, что в этой группе посягательств на собственность опять-таки основное место занимала уголовно-правовая защита скотоводства.

Преступления против веры, брачно-семейных отношений и нравственности

Монголо-калмыцкие памятники феодального права содержали значительное число уголовно-правовых норм, непосредственно относившихся к регламентации данной группы преступлений. Это объяснялось тем, что буддистская

религия и брачно-семейные отношения занимали важное место в сфере общественной жизни калмыцкого феодального общества.

Брачно-семейные отношения калмыков того периода были отношениями наиболее опутанными патриархально-родовыми пережитками. Наличие таких пережитков способствовало широкому проникновению в среду калмыков концепций буддистской религии. Подобные явления обуславливались тем, что хотя существовавшие в Калмыкии XVII–XVIII веков общественно-экономические отношения по своей сущности и являлись феодальными, но они еще не были полностью освобождены от патриархально-родовой оболочки и переплетались в той или иной мере с остатками патриархальных отношений.

Рутинная техника экстенсивного скотоводства, низкий уровень производительных сил кочевого общества обуславливали длительный застойный характер ее общественных процессов, вследствие чего внешние организационные формы патриархально-родовых институтов оказались более живучими, чем их экономическое содержание. Рассматриваемые преступления можно свести в следующую систему: а) посягательства на устои господствовавшей буддийской религии; б) посягательства на брачно-семейные отношения; в) преступления против нравственности.

а) посягательства на устои господствовавшей буддийской религии

Конец XVI и начало XVII веков ознаменовался глобальным проникновением буддизма в общественную среду Северной и Западной Монголии на смену шаманству. Широкое распространение буддизма объяснялось тем, что ее служители по сравнению с шаманами, как писал Б. Владимирцов, несли культурные навыки, выступали против кровавых жертвоприношений и варварских обычаев, содействовали

развитию письменности.[40] С другой стороны, их концепция о том, что "нойоны стали господами за добрые дела в прошлых перерождениях" была вполне приемлемой для господствовавшей верхушки феодалов, видевших в этих воззрениях мощный идеологический рычаг.

Буддисты призывали рядовых кочевников к смирению, непротивлению злу насилием, отказу от материальной обеспеченности, настойчиво убеждая, что их нынешнее подвластное феодалам существование ниспослано бурханами (богами) за прошлые грехи. Служители буддизма утверждали, что простой люд за свои лишения в этом мире после смерти попадет в страну безмятежного и сытого покоя, где будет пользоваться вечными благами и жить так же, как сейчас живут их господа, которые получили такую милость за свои добрые дела в прежних перерождениях. Таким образом, буддисты утверждали божественность социального неравенства. Духовные пастыри калмыцкого феодального общества играли важную роль и во внешних политических делах, поддерживая связь с Джунгарией, Тибетом и Китаем.

Поэтому, естественно, что защита интересов буддийской церкви нашла свое отражение и в уголовно-правовых нормах. Данные нормы, регулировавшие охрану интересов духовенства, предусматривали защиту их имущества, достоинства и укрепление религиозных устоев. Так, признавалось преступлением если "буде кто дерзнет противу духовной власти и на ламинский улус нападет". За эти действия предусматривался штраф в 100 панцырей, 100 верблюдов и 1000 лошадей. В качестве пояснения к этой норме следует отметить, что духовные лица являлись крупными собственниками. Они располагали большими стадами скота и только им подвластными людьми, именовавшихся шабинеры, которые выполняли все повинности.

Особо предусматривалась ответственность за нанесение оскорбления духовным лицам. В частности, за оскорбление ламы взыскивался штраф в 5 девятков, за оскорбление гелюнга – 3 девятка, а за нанесение побоев – 5

девятков. Также устанавливалась отдельная ответственность за оскорбление служителей буддизма более низших рангов. Интересно отметить, что в этих нормах нет указаний о том какие конкретные действия надлежало признавать как оскорбление. Видимо, нанесено оскорбление или нет представлялось, прежде всего, судить самим духовным лицам.

В Цааджин-Бичик и в Токтолах Дондук-Даши содержатся ряд норм, направленных на укрепление устоев буддистской религии. Так, признавалось преступлением преклонение шаманству или самовольное оставление духовного сана. Токтолы Дондук-Даши устанавливали ответственность за несоблюдение поста и за употребление вина духовными лицами, т. е. правовыми средствами охранялся авторитет церкви. Анализ этих составов показывает, что они по преимуществу носили характер незначительных религиозных проступков. Но в силу ряда обстоятельств, в частности, определенного падения престижа буддистской церкви в середине XVIII века, высшая феодальная знать нашла преобразование религиозных проступков в преступление не только желательным, но и необходимым, считая, очевидно, превенцию уголовного наказания эффективнее превенции религиозного осуждения.

б) посягательства на брачно-семейные отношения

Предусмотрение этого вида уголовной ответственности было продиктовано вполне понятным стремлением сохранить многовековые патриархальные традиции кочевого быта. К данным преступлениям относились посягательства на моральные устои семьи и на незыблемость условий заключения брака. Объектом этих деяний являлись общественные отношения, регулировавшие условия заключения брака и укрепления семьи.

Цааджин-Бичик устанавливал обязанность оказания

материальной помощи 40 кибиток (семей) в ежегодной женитьбе четверых молодых парней. Несоблюдение этой обязанности влекло наказание в виде штрафа в 2 верблюда, 5 лошадей, 10 баранов. Цааджин-Бичик устанавливал и специальный ритуал заключения брака, нарушение которого рассматривалось как преступление. Так, "если родители сговоренную дочь свою выдадут замуж за другого", то такие родители штрафовались от 1 до 3 девятков скота. К числу подобных преступлений относились похищение "сговоренной невесты", или девушки, предназначенной в приданое дочери феодала. Также преступлением считался отказ жениха взять замуж уже "сговоренную невесту".

Преступлениями, посягавшими на моральные устои семьи, признавались прелюбодеяние и похищение жен. За прелюбодеяние с женщин взыскивался штраф в 4 скотины в пользу нойона, а с ее любовника выкуп в 5 скотин в пользу мужа. Отмечая такую меру наказания, Бергман писал: "Кажется законы милостивы к женскому полу. Какая порука за супружескую верность, а особливо в достаточных семействах".[41] Подобное удивление Бергмана вполне понятно, если учесть, что у других степных народов, например, у казахов, прелюбодеяние наказывалось смертной казнью.[42]

Похищение жен влекло весьма своеобразное наказание. Потерпевший муж имел право взять себе все имущество лица, похитившего его жену. Если у него имелась жена, то потерпевший мог ее взять в жены или отдать ее родственникам за выкуп. В исследуемом уголовном праве также имелся состав преступления, именовавшийся "увод чужой жены с ее согласия". Ответственность за это преступление зависела от сословного положения мужа. Так, за увод жены знатного человека, виновный подвергался штрафу в 9 девятков с верблюдом во главе, за увод жены человека "среднего сословия полагался штраф в 5 девятков и за жену человека "низкого сословия" – 3 девятка.

в) преступления против нравственности

Данные преступления, прежде всего, посягали на такую группу обычаев, которые у калмыков ассоциировались с укоренившимися среди них понятиями гостеприимства, благопристойности и уважения старших. Поэтому нарушение этих традиций было приравнено к правонарушению. К посягательствам на обычаи гостеприимства относились: отказ в предоставлении ночлега, замене изнуренной лошади путника и в утолении жажды. Виновный наказывался штрафом на одну голову скота.

Как посягательство на правила благопристойности расценивались вольности в отношении девушек, отнятие вина, надругательство над домашним очагом, скотоложество и другие.

Интересна диспозиция следующей нормы: "а кто в кибитке на том месте, на котором обыкновенно горит огонь, воткнет дерево...". За такие действия в кибитке знатного человека взыскивался штраф в 6 девятков, простого человека – в 1 девяток. Природа этого преступления крылась в древнем обычае калмыков преклонения перед огнем и поэтому вышеприведенные преступные действия расценивались как осквернение домашнего очага.

Пререкания со старшими по возрасту, нанесение побоев своему учителю рассматривались как крайне безнравственные проступки, как попирание элементарных обычаев уважения старших и потому карались штрафами от 1 до 3 девятков. Нет сомнений, что уголовно-правовую охрану этих заслуживающих уважения обычаев можно характеризовать как положительное явление.

Глава четвертая

Вопросы гражданского законодательства

Памятники законотворчества далеких предков современных калмыков, как незатухающие маяки, сквозь пласты некогда отшумевших столетий высвечивают почти все грани социального бытия степных кочевников того времени. Подтверждением является то, что правовые нормы калмыков XVII–XVIII веков раскрывают не только вопросы, связанные с преступлением и наказанием, но и общественные отношения в области заключения брака, наследования, усыновления, возмещения материального ущерба, вознаграждения за услуги. Следовательно, применительно к современной правовой терминологии нормами права регулировались также семейно-брачные и имущественные отношения, которые в своей совокупности характеризуют отдельные стороны быта и образа жизни калмыков периода феодализма. Значительное число норм Цааджин-Бичик и Токтолов Дондук-Даши были посвящены условиям заключения брака. Устанавливались возраст для девушки, по наступлении которого она могла быть выдана замуж, формы и размеры выкупа за невесту и ее приданого в зависимости от социального сословия, ответственность за нарушения сговора о браке. Из этих же норм прослеживается, что в калмыцком феодальном обществе бытовали институты наследования, усыновления и удочерения, а также их прекращения. Все это свидетельствует о том повышенном внимании, которое калмыки уделяли созданию семьи, основной социальной ячейки общества, укреплению и развитию родственных отношений. Последние даже выступали в качестве критериев административно-территориальных делений калмыцкого общества. Так, хотоны (селения), первичное звено подобного деления, состояли из группы в 10 -15 семей, находившихся в самой близкой степени родства: дед и бабка, отец и мать, их дети, усыновленные, в том числе

и создавшие свои семьи. Следующее звено административно-территориального деления –аймаки – состояли из группы хотонов, связанных также родственными отношениями, которые у калмыков имели своеобразную трактовку и распространялись на многие поколения.

Уже отмечалось, что основным видом хозяйственной деятельности калмыков рассматриваемого периода и главным источником их материального благополучия было разведение, приобретение и содержание скота. Фактическое количество различных групп скота, бывшее во владении, распоряжении и пользовании конкретной семьи, определяло уровень ее зажиточности. "Состояние калмыков можно разделить, примерно, на богатое, безбедное и самое ограниченное", – отмечал Н. Нефедьев, лично наблюдавший их быт в 1832–1833 г.г. "Богатым состояние считается тогда, когда калмык имеет от 500 до 5 и 10-ти тысяч овец, от 100 до 2 тысяч лошадей, от 100 до 500 рогатого скота и от 25 до 100 верблюдов; безбедным – когда есть от 50 до 150 овец, от 10 до 50 лошадей, от 10 до 30 рогатого скота и от 5 до 15 верблюдов; и, наконец, самым ограниченным, если у калмыка не более 20 овец, две или три лошади и голов пять рогатого скота".[1]

Вполне естественно, что в процессе указанной хозяйственной деятельности у калмыков возникали имущественные отношения, вытекавшие из передачи скота, а равно и другого имущества в долг, его возврата, утраты скота с пастбищ, его гибели по чьей-либо вине и других событий, относившихся к понятию гражданско-правовых споров. По-видимому, подобные случаи были распространены в кочевом быту калмыков и поэтому степные законодатели специально включили в свое право ряд норм, регулировавших данную сферу имущественных отношений. Эти правовые нормы, как свидетельствуют источники, имели широкое практическое применение в действительности и в 1834 году дали повод Н. Нефедьеву к ироническому замечанию, что "за двухсотлетнее пребывание в России калмыки получили

наклонность к тяжбам...".[2] Приверженность калмыков к разрешению имущественных споров на основе регламентаций своего национального права, как наиболее отвечавшего их образу жизни и обычаям, нашла отражение и в Положении об управлении калмыками 1847 года. В соответствии с названным Положением улусным зарго (судам) было предоставлено право разрешать имущественные дела "по древним калмыцким постановлениям".

Рассмотрим конкретное содержание правовых норм памятников калмыцкого феодального права, регулировавших брачно-семейные и имущественные отношения. Они (нормы), как бы приоткрывают завесу своей исторической эпохи и воссоздают отдельные социальные картины семейных и бытовых явлений из образа жизни калмыков того времени.

Брачно-семейные правоотношения

Особо важными и примечательными семейными событиями у калмыков являлись женитьба сына и выдача замуж дочери. К этим событиям родители готовились загодя, с учетом сложившихся традиций у народов монгольского происхождения. "Когда калмыцкий мальчик подрастет, выправится, начнет почище одеваться, перестанет пасти баранов и, сделавшись молодцом, достигнет желанного звания табунщика, "адучи" – отец и мать начинают задумывать о том, как бы сына женить", – подчеркивал П. Небольсин.[3] "...в 10–12 лет девка почитается за взрослую и приучают к домоводству", – отмечал П. С. Паллас, побывавший в одном из калмыцких улусов.[4]

Существовала освещенная веками процедура свадебных обрядов, начиная с выбора невесты, ее смотрин, сговора с родителями, сватовства, уплаты выкупа, проведения

свадьбы и иных обычаев. Естественно, что наиболее важные из этих процедурных обычаев в целях единообразного применения были возведены в законы. Так, нормы Цааджин-Бичик устанавливали, что девушка могла быть выдана замуж в возрасте свыше 14 лет. Если она еще не достигла этого возраста, но была выдана замуж, то это должны были подтвердить демчеи и шуленги (соответствующие должностные лица). Родители девушки, нарушившие эти возрастные пределы, лишались права на получение выкупа за дочь.

Придавая исключительно важное значение созданию молодой семьи, как в целях продолжения рода, увеличения численности населения, в особенности воинов, укрепления родственных начал, законодатели обязывали, чтобы из сорока кибиток четыре кибитки ежегодно женили своих сыновей, а десять человек представляли бы материальную помощь для женитьбы одного. Оказавшие подобную помощь имели право на подарки из приданого в зависимости, например, от вида и количества данного скота. Нормами Цааджин-Бичик, в частности, устанавливалось, что давший одну голову крупного рогатого скота вознаграждался "сшитой" вещью. Тот, кто уклонялся от помощи в женитьбе, наказывался штрафом в два верблюда, пять лошадей и десять баранов.

Особое место в свадебных обычаях, если судить по правовым нормам, уделялось этапу сговора, своеобразной по обряду помолвке. Этот вывод подтверждался тем, что даже устанавливалось количество скота "убиваемого для пира" по поводу сговора, которое обуславливалось социальным положением родителей. Так, расходы скота человека "среднего сословия" на этот ритуал должны были составлять две головы крупного скота и три барана; для человека "низкого сословия" – одна голова крупного скота и два барана. Кроме того, в процессе сговора обговаривались размеры выкупа с жениха и виды подарков родственникам невесты. По поводу последнего П. Небольсин указывал: "Отец невесты

объявляет свой расчет, что такому то надо подарить лошадь, такому халат, такому то довольно и барана и подводит всему итог".[5]

Нормами права регламентировались размеры выкупа за невесту и ее приданого в зависимости от положения родителей жениха и невесты в феодальной иерархической структуре. Так, выкуп "при сватовстве между чиновными князьями" заключался в тридцати ценных вещах, сто пятьдесят табуна и четыреста овец. Выкуп между людьми среднего сословия составлял 3 верблюда, 15 голов крупного скота и двадцать овец. В приданое входили верблюд, лошадь, четыре "сшитых и десять несшитых вещей". Выкуп между людьми "низкого сословия" следующий: два верблюда, десять голов крупного скота и пятнадцать овец; в приданое входили лошадь, верблюд, шуба, безрукавный камзол, седло и узда. Отдельно оговаривалось, что установленные размеры выкупа и приданого могли быть несколько уменьшены по договоренности родителей и что количество приданого зависело от внесенного выкупа. В этом смысле примечательно свидетельство Н. Нефедьева: "уславливался... какое количество скота должен он заплатить за невесту, или лучше сказать, дать ей на приданое: ибо калмык, отдавая дочь в замужество, почти все приданое устраивает на счет жениха. Таков в степях обычай, которому, без сомнения, позавидуют многие отцы в просвещенной Европе".[6]

Из правовых норм, устанавливавших размеры выкупа и приданого, прослеживаются социально-иерархические рамки для отдельных сословий населения и забота класса феодалов о кастовости родственных отношений. Это проявлялось в том, что разрешались браки только между чиновными и малыми князьями. Сыновья людей среднего сословия должны были жениться на девушках своего круга, также как представители "низкого сословия" могли вступать в брак с равными себе по общественному положению.

Видный исследователь истории и быта калмыков

дооктябрьского периода профессор У. Э. Эрдниев утверждает, что "Свадьба для обеих семей была связана с большой хозяйственной подготовкой. Промежуток времени между обручением и свадьбой был до года, а то и до трех лет".[7] Очевидно, что в течение этого срока в реальной жизни наблюдались случаи нарушения состоявшегося сговора, помолвки. Поэтому памятники калмыцкого феодального права предусматривали нормы, в соответствии с которыми разрешались гражданско-правовые споры, вызванные несоблюдением условий обручения. Так, "если родители сговоренную дочь свою выдадут за другого, за то брать: с знатных по пяти девятков с верблюдом во главе: с среднего сословия по три девятка с верблюдом во главе, и с низкого сословия по девятку с верблюдом во главе, и (первый жених) имеет взять свою жену (т. е. невесту) с данным за него (в выкуп) скотом".[8] С другой стороны, если свадьба затягивалась по вине жениха, его родителей, а невесте исполнится двадцать лет, то родители невесты должны были трижды предупредить отца жениха об ускорении свадьбы. Если после таких предупреждений свадьба все же не состоялась, то отец невесты ставил об этом в известность своего нойона и мог выдать дочь замуж за другого соискателя ее руки. Несоблюдение указанных требований процедуры аннулирования состоявшегося сговора влекло изъятие выкупа, полученного отцом за дочь при выдаче ее замуж. Если "сговоренная девица" без согласия родителей выйдет замуж за другого (видимо, имелись в виду побеги девушек – Б. В.), то "второй жених" подвергался "тройному штрафу", который взыскивался в пользу отца девушки. Н. Нефедьев, бывший очевидцем похищения невесты накануне свадьбы, так описывает последствия: "Жених должен был получить от счастливого соперника вознаграждение за понесенные им во время сватовства расходы".[9]

Любопытна правовая трактовка следующей жизненной ситуации: "если девица, по случаю (сговора) которой было

уже пиршество (свадьба), умрет, то приданое ее должно быть выдано (мужу): если ...еще не было пиршества (свадьбы), то (жених) имеет получить половину его скота (т. е. выкупа)".[10]

Памятники калмыцкого феодального права, детализируя порядок заключения брака, вместе с тем крайне скупо освещают условия расторжения браков. Только в Цааджин-Бичик имеется норма, которая предоставляла право родственникам жены, покинутой мужем, выкупить ее, заплативший девяток с ценного (вещью): за (жену) человека среднего сословия – пять скотин и за жену человека низкого сословия – лошадь и верблюда. Исследователи быта и образа жизни калмыков П. С. Паллас, Н. Нефедьев и П. Небольсин в своих работах отмечали, что факты расторжения брака среди калмыков имели место. В познавательных целях приведем обобщенные наблюдения этих авторов, по-видимому, основанные на существовавших в среде калмыков обычаях. В соответствии с ними право требования о расторжении брака формально представлялось обоим супругам. Но практические формы его реализации были не равнозначны, что обуславливалось положением женщины в семейном укладе феодального общества. Так, муж мог расторгнуть брак по собственному желанию или капризу. Для расторжения брака по инициативе жены требовались веские причины, в частности, отсутствие детей от брака. В этом случае вопрос о разводе решался на совете близких родственников. При удовлетворении требования жены она с уважительными церемониями возвращалась в хотон родителей со всем имуществом, привезенным в качестве приданого. Если брак расторгался по инициативе мужа, то он наделял жену имуществом по своему усмотрению. Бытовали и другие обычаи, когда "...жену, проступившуюся перед мужем в нарушение брачных своих обязанностей, везли в хотон к отцу-матери на паршивой кобыле с отрезанным хвостом".[11]

Вышеназванные авторы тождественно отмечали, что разведенная женщина могла вступить в новый брак, но уже

без соблюдения установленных свадебных обрядов. Эти же источники утверждают, что вопросы расторжения брака, в основном, разрешались гелюнгами (священнослужителями). Предварительно принимались меры к примирению супругов, а если они не давали положительного результата, то гелюнги исполняли соответствующие ритуальные обряды. В заключении нельзя не привести выводы Н. Нефедьева, что "случаи сии не столь часты и что порядочные калмыки никогда не обольщаются возможностью переменить жен своих. Что касается жен, то несмотря ни на особенные в семейной жизни их страдания трудно найти примеры, чтобы жена добровольно оставила своего мужа, хотя самого безнравственного".[12]

Если существовали общепринятые обычаи расторжения брака и возвращения жены ее родным с выделенным имуществом, то невольно напрашивается вопрос – а в каких же случаях родственники "покинутой мужем жены" могли выкупить ее, как это регламентировалось соответствующей нормой Цааджин-Бичик. Однозначного ответа, соответствовавшего бы фактической действительности, в нормах права не имеется. Можно лишь предположить, что к категории "покинутой мужем жены" относилась "вдова", не имеющая после мужа сыновей", и которая "...отсылается по древнему калмыцкому закону к ее родственникам".[13] Подобный обычай, видимо, был связан с правовым регулированием вопросов наследования, согласно которому вдова исключалась из числа наследников.

Вместе с тем согласно одной из норм Цааджин-Бичик к категории "покинутой мужем жены" относилась женщина, чей муж, оставив ее, с другой замужней женщиной скрывался "туда, где ее не видно" (очевидно, совершали обоюдный побег – Б. В.). В этих случаях муж, чья жена убежала с другим, имел право взять себе оставленную жену своего обидчика. Если он отказывался от этого права, то только тогда братья "покинутой жены" могли, уплатив вышеприведенные размеры выкупа, взять ее к себе. При отсутствии у родных братьев имущества для уплаты выкупа его могли внести "аймачные

братья", т. е. ближайшие родственники братьев и выкуп составлял один девяток.[14]

К брачно-семейным правоотношениям калмыков следует отнести и нормы калмыцкого феодального права, регулировавшие вопросы усыновления. В калмыцком феодальном обществе были распространены усыновления, удочерения отдельной семьей детей своих близких родственников, в особенности, если их родители испытывали материальные трудности, а также сирот. Чаще этим обычаем пользовались бездетные семьи. Но, как свидетельствуют правовые нормы, имели место случаи возвращения усыновленных детей к своим родителям и поэтому законодательно регламентировались условия прекращения усыновлений, удочерений. В соответствии с ними усыновленные мужского пола, пожелавшие вернуться к родителям, отпускались без выкупа. Если усыновленный имел семью (жену, сыновей и дочерей), то его сыновья также отпускались без выкупа. Но за жену и дочерей он должен был внести выкуп усыновителю. Правда, размеры выкупов конкретно не определены. Вероятно, эти вопросы разрешались на основе традиционных обычаев. Бытовали, по-видимому, случаи, когда усыновитель мог женить усыновленного на своей дочери. По, если такой усыновленный решит уйти от усыновителя, то мог взять с собой сыновей, оставив жену и дочерей.

Несколько иным образом регулировалось возвращение лиц женского пола к своим родителям. Нормами права закреплялась обязанность семьи, взявшей на воспитание девушку, и ее родителей совместно подготовить приданое при выдаче этой девушки замуж. Кроме того, воспитатели и родители имели равные доли в выкупе, уплаченном за девушку женихом.

Вместе с тем родителям девушки, отданной на воспитание в другую семью, предоставлялось право возвратить свою дочь до исполнения ей 15 лет. При этом если дочери было свыше 9 лет, то вносился выкуп в один девяток скота. Но если выяснялось, что девочка не приучена шить,

вести домашнее хозяйство, не усвоила правила поведения, определенные обычаями, то выкуп сокращался на половину. Девочка старше 15 лет возврату родителям не подлежала и оставалась в семье воспитателя до выхода замуж. Родители несли расходы на ее приданое и имели долю в выкупе, как уже отмечалось.

Регламентация вопросов наследования и исполнения долговых обязательств

В тексте Цааджин-Бичик имеется норма, обязывавшая родителя (отца) выделять своему сыну наследство. Но при этом делалась, на наш взгляд, весьма существенная оговорка о том, что выделение наследства должно было производиться по "положению (обычаю)". Что же это были за положения?

Исследователи Цааджин - Бичик 1640 г. И. Я. Гурлянд, Ф. И. Леонтович, К. Ф. Голстунский, В. А. Рязановский, С. Д. Дылыков и другие пришли к выводу, основанному на обширном фактическом материале, что еще задолго до принятия свода законов 1640 года у монгольских народов, в частности , ойратов, уже были сборники их обычного права. Так, С. Д. Дылыков утверждает, что "Источниками для составления "Их Цааз" явились, в основном, письменные законодательные памятники – монгольские уложения, принятые на съездах монгольских феодалов во второй половине XVI и начале XVII в.в., а также некоторые обычаи, бытовавшие в монгольском народе.[15] Вот этими нормами обычного права, очевидно, и следовало руководствоваться в тех случаях, когда отдельные нормы Цааджин-Бичик 1640 года содержали ссылку "по положению (обычаю)".

В этой связи можно предположить, что эти положения, по мнению степных законодателей, были настолько укоренившимися в сознании народных масс, издревле традиционными и широко известными, что не требовали специального включения в Цааджин-Бичик 1640 года,

выступая в качестве отсылочных норм применительно к современной правовой терминологии. Можно также предположить, что эти отсылочные правовые обычаи регулировали такие общественные отношения, которые являлись наиболее живучими, консервативными и освященными незапамятною стариною. Поэтому логично регламентирование подобными нормами именно вопросов наследования, раздела имущества и долговых обязательств, подверженных наиболее медленной эволюции и традиционным формам их разрешения. Данный вывод подтверждается многими источниками по истории права и быта калмыцкого феодального общества, суммировав которые правовую регламентацию вопросов наследования и раздела имущества можно изложить следующим обобщенным образом.

В калмыцкой семье наследование открывалось только после смерти отца и наследниками являлись сыновья. При наличии братьев дочери умершего к наследованию не призывались. Право на наследство они приобретали только при отсутствии брата или братьев. Девять десятых наследственного имущества распределялось поровну между братьями, а оставшаяся десятая доля передавалась старшему из братьев. При выдаче сестер замуж братья, принявшие наследство отца, обязаны были принять на себя все свадебные расходы, в т. ч. по обеспечению сестры (сестер) приданым.[16]

Нельзя не отметить, что после смерти мужа жена, пережившая супруга, не признавалась наследницей. Имеются суждения, что она оставалась проживать с одним из сыновей. Если жена умершего позднее выходила замуж, то сыновья должны были дать матери такое имущество, которое получил их отец в качестве ее приданого в свое время. Этот обычай можно объяснить лишь бытовавшими патриархально-родовыми устоями семейных отношений.

В калмыцких семьях существовала традиция одного из четырех сыновей отдавать на службу ламаистской церкви.

Такие сыновья, получившие звания священнослужителей, как и жены, исключались из числа законных наследников.

Правовое регулирование порядка наследования отражало и некоторые нюансы процесса усыновления. Так, в статье 49 Зинзилинских постановлений закреплялось, что “Всякий, не имеющий детей, ежели пожелает усыновить постороннего сына наследником своего имени, и у того, кто усыновляет есть сыновья ближних родственников отцовой стороны, могущие по правилам тем наследовать, тогда без совета их усыновлять не вправе. А если (у сыновей – Б. В.) без совета, согласия, то установленному наследства не давать.[17] Источники по истории калмыцкого феодального права свидетельствуют, что подобный запрет действовал на практике. Знакомясь с архивом Комитета калмыцких дел, Ф. А. Бюллер обнаружил следующее наследственное дело. После смерти багацохуровского зайсанга Атуя, не имевшего сыновей, на его аймак претендовали как наследники: родственник по женской линии зайсанг Нима, утверждавший, что был усыновлен, и родственник по мужской линии Джанов. Было доказано, что на усыновление Нимы родственники умершего Атуя по мужской линии согласия не давали. Поэтому наследником был признан Джанов. Любопытен и следующий фактор, исключавший право на наследование. Выше излагалось, что калмыцкое феодальное право представляло право наследования дочерям умершего, если у последнего не было сыновей. Это было, так сказать, общее правило. Исключение составлял порядок наследования улусами после смерти нойона, не имевшего сыновей. В этом случае оставшиеся дочери не приобретали наследственных прав. Так, суд - зарго в 1828 году присудил улус умершего владельца Эрдени - Цаган - Кичика в боковую мужскую линию, хотя оставались его дочери, т. к. последние “по закону владеть подвластными не имеют права”. В 1840 году также судебным решением были устранены от наследования Большедербетовским улусом обе дочери капитана Хапчукова, последнего владельца этого улуса.[18]

Своеобразно учитывались материальные интересы наследников в случаях гибели наследодателя "во время игры" (борьбы, скачки, фехтования, стрельбы из лука и т. д.). Согласно нормам Цааджин-Бичик наследники погибшего получали с каждого участника "игры" по одной лошади. А если "в игре" участвовали всего двое, то оставшийся в живых участник уплачивал наследникам девяток скота. Равным образом наследники получали материальную компенсацию за гибель наследодателя "от скота", при спасении людей и имущества во время пожара и от охотничьего самострела.

Весьма существенный аспект наследственного права калмыков раскрывается в замечании академика П. С. Палласа о том, что "оставшиеся после нойона дети обыкновенно делят улус по себе, если отец не сделал другого распоряжения..."[19] Следовательно, наследодатель мог оставить целевое распоряжение о порядке раздела наследственной массы, т. е. составить "духовную" или завещание.

Выше приводилась норма Цааджин-Бичик, согласно которой родитель (отец) имел право выделить своему сыну наследство по положению, т. е. распорядиться частью наследственного имущества еще при своей жизни. Каковы же были побудительные мотивы к этому? "Как скоро юноша вырос и может работать на себя, он не состоит более под властью отца и может, если ему угодно потребовать выдела части стада, совершенно отделиться от него, чтобы стать непосредственно подданным князя", – отвечал на этот вопрос профессор В. А. Рязановский[20] . Однако подобные выводы о быте калмыков подчас бывают основаны на чисто предположительных заключениях автора. При оценке этих предположений, прежде всего, следует исходить из того, что именно семейные отношения калмыков того времени были наиболее пронизаны патриархально-родовыми пережитками, когда по емкому выражению П. Небольсина калмык (имеется в виду глава семьи – Б. В.) строго держал всю семью в слепом повиновении и почтительности.[21] И, вряд ли, юноша-калмык,

по своей воле мог выйти из-под власти отца и требовать части наследства. Но долю истины в суждениях В. А. Рязановского все же необходимо признать. Отец мог наделить имуществом и отделить от себя только женатых сыновей, т.к. по обрядам бракосочетания во время свадьбы устанавливалась и обставлялась домашней утварью отдельная кибитка для новобрачных. Не зря даже у современных калмыков бытует поговорка: женился – стал человеком, хозяином. Допустимость ведения женатыми сыновьями самостоятельного хозяйства подтверждается и нормами права, в соответствии с которыми обедневшему отцу разрешалось взять одну голову из каждых пяти голов скота, принадлежавших сыновьям. В связи с изложенным небезынтересно привести случаи из калмыцкой судебной практики, описанные Ф. А. Бюллер. В 1841 году суд-зарго рассмотрел жалобу зайсангского сына Замбаева о том, что отец не дозволяет ему жениться. Суд-зарго заключил: предложить зайсангу Замбаеву не лишать сына своего способов к пропитанию и не препятствовать ему вступать в брак, по тому уважению, что на основании древнего калмыцкого уложения, супружество поощряется.[22]

Калмыцкое феодальное законодательство также достаточно скрупулезно регламентировало наследственно-имущественные права сыновей, родившихся от дочерей и сестер. Если у дочери, выданной замуж, рождался первенец-сын, то она согласно обычаю с сыном торжественно приезжала к своим родителям, которые должны были наделить (одарить) внука скотом и иными ценными вещами. В случае смерти отца эта имущественная обязанность по отношению к сыну сестры переходила к ее братьям, принявшим наследство родителя. Для того, чтобы полнее представить этот компонент наследственного права калмыков, необходимо раскрыть смысл и другого правового обычая. Внук от дочери или племянник по сестре, в свое время и в установленном порядке не наделенный имуществом, в частности, скотом, приобретал

право самоуправного отгона шестой части всего скота, которым располагал его дед по матери. Равным образом он поступал и относительно имущества братьев своей матери, принявших наследство. В этих случаях число угнанного у них скота в сумме не должно было превышать одной доли наследства, принятого каждым из наследников по смерти деда.[23] Вот этот правовой обычай и есть ключ к пониманию нормы Цааджин-Бичик: "если племянник что-либо украдет у родных по матери, то штрафу (уголовному наказанию – В. С.) не подвергается".[24] При этом требовалось, чтобы до отгона скота об этом были поставлены в известность старшина хотона или самое уважаемое лицо в хотоне. Если количество угнанного от деда или братьев матери скота оказывалось меньше полагавшейся доли, то внук или племянник имел право повторить отгон. В случае превышения положенной нормы скота излишек подлежал обязательному возврату. Причем общественное мнение обязывало деда или его сыновей сохранять тесные родственные отношения со своим младшим родственником, осуществившим родовое право, санкционированное законом.

Прежде чем перейти к изложению правоотношений, регламентировавших долговые обязательства, вынуждены, уважаемые читатели, признаться в следующем. Неоднократно изучая тексты Цааджин-Бичик и Токтолов Дондук-Даши, мы вначале не обратили особого внимания на три статьи по списку профессора К. Ф. Голстунского о порядке взыскания долгов, полагали их лишь нюансами кочевого быта. Позднее, осмыслив их характер и происхождение во взаимосвязи с другими источниками, пришли к выводу о необходимости раскрытия правового механизма исполнения долговых обязательств в калмыцком феодальном обществе. В этом плане нельзя было не учитывать расхожего мнения, что достоинство любого закона определяется не только его диспозицией, нормативным содержанием, но и его, если так можно выразиться, живучестью, эффективностью

практического применения. А в том, что данные нормы о порядке заключения договоров займа и возврата долгов действовали в среде калмыков не может быть сомнений. Факты заимствования друг у друга коней и оружия для участия в военном походе, скота для выкупа невесты или восстановления утраченного личного поголовья вследствие падежа, грабежа и т. д., естественно имели место в кочевом обществе, т. к. являлись важным средством разрешения материальных затруднений. Отсюда и необходимость их правового регулирования. В частности, устанавливался общий для всех порядок передачи имущества в долг только в присутствии свидетеля. Иначе договор займа, заключенный без привлечения свидетеля, признавался недействительным и кредитор лишался права требовать возврата долга. Таким образом, санкционированием обязательной формы совершения подобных гражданско-правовых сделок проявлялась забота о пресечении возможных необоснованных имущественных притязаний.

Правовые нормы представляли кредитору право самому взыскивать долги, если должник добровольно не погашал займа. При этом был определен порядок взыскания, нарушение которого влекло материальные санкции. Так, кредитор должен был предварительно заявить шуленге (старшине двадцати кибиток) должника, что последний не возвращает долга и поэтому он (кредитор) приступает к обращению взыскания на его имущество. Можно сделать вывод, что с подобным заявлением кредитор обращался к шуленге вместе с тем свидетелем, в присутствии которого заключалось соглашение о займе. Если кредитор в дневное время, не сообщив шуленге, пытался забрать имущество должника в погашение долга, то он лишался права требовать возврата долга. Кроме того, у кредитора в наказание изымалась лошадь. В случае совершения таких действий в ночное время, к примеру, отгон части скота должника, то кредитор подвергался штрафу в один девяток и долговые требования аннулировались.[25]

Итак, под страхом утраты права на имущество, переданного должнику, а также наложения штрафных санкций кредиторы принуждались к неукоснительному соблюдению установленной процедуры возврата долга. Образно выражаясь, таким путем утверждался известный в юрисдикции принцип "суров закон, но он закон".

Распространенность в быту калмыков того времени договоров займа, вытекающих из них гражданско-правовых споров, подтверждается и нормами Токтолов Дондук-Даши. В соответствии с этими нормами кредитор в присутствии свидетелей должен был потребовать у должника возврата долга. В случае отказа кредитор обращался с ходатайством об оказании содействия не к шуленге, как по нормам Цааджин-Бичик, а к яргачею. По своему процессуальному положению в калмыцких судах яргачей, как бы, являлся заведующим канцелярией. Он принимал заявления, назначал очередность их слушания в суде, извещал о явке в суд, выделял посланцев, судебных исполнителей для исполнения приговоров по уголовным и решений по гражданским делам. Получив сообщение кредитора, что должник отказался при свидетелях добровольно возратить взятое в долг, яргачей выделял посланца, который вместе с кредитором производил изъятие части имущества должника в погашение его долговых обязательств. Что касается ответственности кредитора за нарушение указанного порядка, то она в принципе оставалась в прежнем виде.

Небезынтересно разрешение долговых споров, одной из сторон в которых являлась женщина. В Цааджин-Бичик особо предусматривалась норма, смысл которой заключался в следующем. Если женщина, приехавшая в гости с вином и бараном, брала что-либо в долг, а впоследствии не возвращала взятое, то она освобождалась от принудительного возмещения этого долга. Если же взятое количество скота и вещей было значительным, то подобные долги возвращались только в половинном размере. Изначальная природа этой нормы и ее

социальный характер могут быть поняты из положений обычного права, действовавшего в Джунгарии до принятия в 1640 году Цааджин-Бичик. В частности, существовал правовой обычай, согласно которому женщина могла обратиться к нойону своего рода об освобождении от штрафа, наложенного на нее или ее близких. При подобном обращении женщины "обычно из уважения к ее полу малые штрафы слагаются, большие уменьшаются на половину".[26]

Говоря о происхождении и характере этих норм, нельзя не осветить примечательную особенность в положении женщины в калмыцком феодальном обществе. Во внутрисемейных отношениях женщина-калмычка находилась в зависимом и полном подчинении мужа и отца, т. е. главы семьи. Тем не менее, она имела определенную свободу, некоторые имущественные права, известное положение в обществе. Имелись правовые и морально-нравственные обычаи, ограждавшие честь и достоинство женщины и представлявшие ей традиционные привилегии. Последними, по-видимому, объясняется амнистирование долговых обязательств женщины. Реальность этих привилегий и их национальную черту отмечал П. Небольсин: "Калмыки тем разнятся от племени, исповедующих ислам, что у них женщина имеет человеческое, а не рабское значение. Не скрывает своего лица от постороннего взгляда, молится в хуруле вместе с мужем и сыновьями, она затевает игры с чужими мужчинами. Женщина полная хозяйка дома".[27] Если исходить из конкретно-исторических реалий, то эти суждения автора могут показываться идеализированными, но зерно истины, следует признать, в них имелось.

Анализ правоотношений калмыцкого феодального общества, связанных с заемными и долговыми обязательствами, будет неполным, если не коснуться правового регулирования аналогичных сделок, заключавшихся калмыками с представителями соседних

народов, как например, русского и татарского. Калмыки после вхождения в состав России, занимая отведенные им степные пространства, естественно, соприкасались с другими сопредельными к их территории народами. Устанавливались хозяйственные и торговые связи, характерные для народов, занимавшихся скотоводством и кочевым образом жизни, с оседлыми народами. Поэтому вполне понятно, что калмыки продавали сопредельному с их кочевьями населению скот, шерсть, кожи, а покупали зерно, мануфактуру, металлические изделия. При такой специфике торговых отношений возникала потребность у одних в продукции животноводства, а у других, в основном у калмыков, в денежных знаках Российской империи. Это подспудно обуславливало развитие заемных и долговых обязательств, в силу которых калмыки, главным образом феодальная знать, прибегали к денежным займам у иноязычных деловых кругов. Распространенность этих обязательств и возникшие при этом споры вызвали издание русским правительством в 1748 году специальных правил относительно порядка заключения и исполнения заемных обязательств между калмыками и русскими торговцами. В соответствии с этими правилами надлежало "заемные письма записывать в книгу и, поставя на заемном письме номер, подписывать в них переводчику того языка, каким оно писано и прикладывать той канцелярии печать"[28] . Если договора займа заключались в русских городах, селениях, то они составлялись и регистрировались в "ближайшей воеводской канцелярии с приложением ее печати". При заключении договоров займа в калмыцких улусах, аймаках, хотонах требовалось их скрепление подписью и печатью владельца. Кроме того, требовалась обязательная регистрация таких заемных писем в течение месяца в конторе калмыцких и татарских дел или в ближайшей воеводской канцелярии. Несоблюдение этих строгих регламентаций лишало право обращения в судебные инстанции за защитой в случае нарушения одной из сторон взятых обязательств. Следует

отметить, что к займу денежных средств по преимуществу прибегала феодальная знать. В связи с этим Н. Н. Страхов, бывший в конце XVIII и начале XIX веков Главным приставом калмыцкого народа, проявлял озабоченность тем, что калмыцкие владельцы зачастую составляют заемные письма и векселя на имя своих состоятельных подвластных, на имущество которых впоследствии обращалось погашение займа владельца.[29] Таковы были сословные нравы калмыцких феодалов.

Возмещение ущерба и материальные вознаграждения

В данной работе уже высказывалось предположение, что в исследуемом праве калмыков нельзя искать стройной системы правовых институтов, характерных для современных отраслей права. Это вполне объяснимо, если учесть уровень правотворчества калмыков периода феодализма. Сказанное всецело относится не только к уголовно-правовым концепциям, вытекающим из соответствующих норм Цааджин-Бичик и Токтолов Дондук-Даши, но и к регулированию гражданско-правовых отношений. Ряд правовых норм, исходя из их содержаний и направленности, без видимой натяжки были отнесены авторами к нормам семейно-брачного и наследственного законодательства, а также к нормам, отражавшим условия заключения договоров займа и их исполнения. В Цааджин-Бичик и Токтолах Дондук-Даши зафиксирована довольно значительная группа норм гражданско-правового характера, из которых прослеживаются обязательства по возмещению материального ущерба от преступлений, компенсации за гибель людей и скота, например, от укусов собак, горных обвалов, охотничьих

самострелов, поставленных на зверей и т. д. Кроме того, многочисленны обязательства материального вознаграждения лиц, совершивших конкретные виды общественно полезных действий, как-то затушение костра в покинутом кочевье, вызволение скота, тонущего в болоте, спасение имущества во время пожара и за другие добрые услуги.

Когда вчитываешься в диспозиции этих статей памятников калмыцкого феодального права, то невольно охватывает изумление, что сколько удивительных и до сих пор неисследованных юристами правовых норм содержится в этих памятниках, которые, спустя много столетий, проливают свет на отдельные срезы социального бытия калмыков XVII–XIX веков. Анализ конкретных норм, думается, подтвердит это эмоциональное мнение автора. Рассмотрим юридическое содержание и социальное назначение норм, сгруппированных в настоящем разделе.

Феодальное уголовное право калмыков предусматривало разнообразные составы имущественных преступлений, то есть преступлений, связанных с причинением материального вреда потерпевшим. К примеру, нападения на хотоны, аймаки с целью грабежа, кражи скота, предметов воинского снаряжения, бытового обихода и т. д. Естественно, что за совершение подобных правонарушений, виновные несли не только уголовную ответственность. На них возлагалась обязанность, может быть самая главная, возмещение причиненных материальных убытков.

Так, в соответствии с нормами Цааджин-Бичик в случаях вооруженного набега на большой аймак, повлекшего грабежи и гибель людей, все имущество виновных в этом нападении подлежали конфискации. Половина конфискованного передавалась жителям потерпевшего аймака в возмещение материального ущерба, а другая часть распределялась между теми, кто совершил "акт возмездия" в отношении нарушителей мира и спокойствия в улусах. Если нападение было совершено на "небольшой пограничный

аймак", то потерпевшим возмещался только фактически причиненный ущерб.

Согласно Цааджин-Бичик в вопросах возмещения материального ущерба от краж скота устанавливался общий принцип возврата потерпевшим того количества скота, сколько было реально похищено, т. е. "сколько украдено, столько мер и брать с вора".[30] Однако по Токтолам Дондук-Даши вводилась совершенно иная форма компенсации ущерба потерпевшему, а именно: "хозяину покраденного возместить вдвое, ему же барана для принесения в жертву огню".[31] Если исходить из современной правовой терминологии, то утверждалась кратность материальной ответственности, которая по своей сути удивительным образом перекликается из глубины веков с действовавшими положениями советского гражданского законодательства о полуторном возмещении ущерба, причиненного совхозам и колхозам от хищения скота. Примечательно, что в соответствии с Зинзилинскими постановлениями предполагалось распространить принцип возмещения в двукратном размере и на следующие случаи. Так, согласно статье 191 Зинзилинских постановлений, если кто присвоил чужой скот, выдавал его за принадлежащее ему, но был изобличен, то он должен был возвратить законному владельцу присвоенный скот в двойном размере. Аналогичное правило возмещения ущерба могло применяться и в случае присвоения "найденного скота" (статья 193). Вместе с тем в памятниках калмыцкого феодального права не регламентировался порядок возмещения ущерба при кражах иных видов имущества, чем скот. Отчасти, это следует объяснить тем, что, по мнению степняков-номадов, кражи скота представляли повышенную общественную опасность и ущерб от них был более чувствителен в плане материального благополучия, чем кражи предметов воинского снаряжения, одежды, домашней утвари. Созвучны данному выводу и размеры штрафов за кражу последних. В частности, за кражу лат, кирасы, шлема, ружья, сабли, меча, лука, колчана с

десятью стрелами полагался штраф от 1 до 3 девятков. Парадоксально, что за кражу шелкового тулупа, собольей шубы, тигрового, леопардового и выдрового ковра взыскивался штраф в 5 девятков, т. е. больше, чем за кражу воинских доспехов. За кражи предметов хозяйственного назначения (огнива, веревок, мотыги, топора, пилы, щипцов и т. д.) штраф определялся в пределах 5 голов скота. Еще меньше размеры штрафов (в одну овцу с ягненком или козы с козленком) устанавливались за кражу предметов упряжи (поводьев, седельного ремня, подпруги и т. д.), домашнего обихода (иголки, шила, гребня, наперстка, ниток, дратвы, пуговиц, чашек, ведер, сундука и т. д.). Можно логически предположить, что штраф, подлежавший взысканию за кражи предметов военного и хозяйственного назначения (кроме скота), служил одновременно и наказанием и материальной компенсацией за ущерб, если похищенное не возмещалось в натуре. Такая служебная роль наказания вполне соответствовала правовым концепциям многих народов периода феодализма. И в заключение, казалось бы, какое отношение могут иметь нормы права к этнографии. Впрочем, есть вещи, кажущиеся несовместимыми лишь на первый взгляд, но внимательный взгляд помогает раскрыть их внутреннюю связь. Так, в отдельных статьях Цааджин-Бичик подробно перечисляются свыше 100 видов имущества, которые могли быть объектами кражи. Эти перечни имеют и этнографическое значение, т. к. представляют конкретные и достоверные сведения о предметах воинского снаряжения, бытового пользования и хозяйственного назначения калмыков XVII–XVIII веков.

Особо устанавливался порядок возмещения ущерба за "скот, убитый шутя".[32] В этих случаях хозяин скота получал право возмещения виновным всего количества умерщвленного в шутку поголовья и кроме того лошадь.

Памятники калмыцкого феодального права довольно скрупулезно регламентировали вопросы, связанные с

нахождением и возвратом утраченного во время пастьбы скота. Калмыки в описываемое время располагали значительными территориями пастбищных угодий. Естественно, что в силу специфики кочевого скотоводства, были распространены случаи перехода скота на пастбища других хотонов, аймаков и улусов. Подобные факты, очевидно, приводили к спорам между владельцами утерянного скота и жителями хотонов, нашедшими заблудившееся поголовье. В целях единообразного регулирования аналогичных конфликтов устанавливался определенный правовой механизм их разрешения. Чтобы наиболее полно раскрыть его сущность, необходимо в какой-то степени повторить уже сказанное в разделе об уголовно-правовой охране животноводства. Разный по правовым последствиям смысл вкладывался в понятия "заблудившийся скот", т. е. приставший к чужим гуртам или отарам, и найденный в степи "бродячий скот". В первом случае кочевник, обнаруживший в числе своих приблудившийся скот, в течение 3 суток обязан был оповестить о находке ближайшие кочевья. Если он, не выполнив эту обязанность, ездил на чужой лошади, накладывал мету на чужой скот или остригал его, то подвергался штрафу. Обнаруживший в степи бродячий скот, должен был доставить его щуленге или кире (чиновнику по спорам такого характера). Нарушитель этого правила подвергался штрафу в двойном размере. Сокрытие факта находки чужого скота при его розыске также влекло штрафные санкции.

По нормам Цааджин-Бичик своеобразно разрешался возврат утерянного скота. В частности, если подобный скот кем-то был куплен и покупатель называл конкретного продавца, то хозяин безвозмездно забирал лучшую часть своего найденного скота, а покупателю оставлял худшее поголовье. Продавец чужого утерянного скота привлекался к уголовной ответственности как за совершение кражи. Если исходить из положений Зинзилинских постановлений, то

покупатель, не назвавший лица, продавшего ему чужой утерянный скот, лишался права и на худшую часть, т. е. хозяин полностью забирал свой скот. Человек, сохранявший в течение года приблудший скот, приобретал право на половину его приплода. Если в последующем приплод сохраняемого маточного поголовья рождался " от его собственного верблюда, быка или жеребца, имеет взять сполна".[33] За содержание одного-двух голов чужого скота до объявления хозяина плата не полагалась. Если такого скота было от трех до девяти, то в качестве вознаграждения за содержание оставлялась одна голова. При количестве поголовья больше десяти вознаграждение возрастало до двух голов. Обеспечивалось право на возмещение материального ущерба в случаях гибели скота от укусов "бешеной" собаки или от установленного на диких зверей охотничьего самострела. Но данный вид материальной ответственности наступал только в том случае, если хозяин самострела "не объявлял" о месте его постановки. Если же такое предупреждение было сделано, то владелец самострела освобождался от возмещения погибшего скота. Обнаруживший чужой павший скот, обязан был об этом оповестить соседей. Если кто в нарушение этого правила воспользуется падалью, то с него взыскивалось семь голов того вида павших животных, чьи трупы были найдены. По-видимому, существовали какие-то глубинные, но вполне ясные степным законодателям мотивы установления подобной завышенной ответственности. Быть может, пресечения фактов самоуправства, сокрытия кражи или отстрела чужого бродячего скота. Косвенным подтверждением данному предложению могут служить нормы Цааджин-Бичик, в соответствии с которым и передача найденного в степи чужого скота " дальним людям" приравнивалась к краже, а "близкому (по месту жительства) человеку" наказывалась штрафом в три девятка.

Весьма своеобразно решалась материальная компенсация в случаях скотоложества. Свидетель такого

преступления, изобличивший виновного, "должен отнять скотину, а хозяин той скотины имеет получить с того преступного человека пять скотин".[34]

Калмыцкое феодальное законодательство весьма скупо освещает регламентацию материальной ответственности за гибель людей, причинение вреда их здоровью. Правда, за убийства, ранения людей предусматривались крупные штрафы, но какая их часть предназначалась потерпевшей стороне в качестве материальной компенсации, а какая в виде уголовного наказания не раскрывалась. Только в трех случаях прямо указывался порядок материального возмещения. Так, если убийство совершал "бешеный" человек; то половина его имущества изымалась в виде компенсации. За гибель участника военного похода или набега полагалось материальное возмещение в один девяток с ценной вещью из захваченной добычи. Если в результате физического или психического воздействия (побоев, оскорблений) на беременную женщину у нее произошел выкидыш, то виновный в этом уплачивал столько голов скота, сколько месяцев было плоду.

В памятниках калмыцкого феодального права содержится значительное число норм, регламентировавших основания и размеры вознаграждений за воинскую отвагу и добрые услуги в повседневном быту. Подчеркивая эту правовую особенность, в частности, в Цааджин-Бичик, профессор В. А. Рязановский характеризовал ее как "сравнительно редкое явление, когда кодекс, наряду с наказаниями, предусматривал и награды за доблесть".[35] По данному поводу еще более снисходительно высказывался профессор Киевского университета М. Ф. Владимирский-Буданов: "В рассматривасмом памятникс права можно наблюдать весьма много особенностей чисто национального характера, много не только оригинальных черт, но и так сказать чудачества".[36]

Безусловно, эти маститые для своего времени профессора имели веские основания для подобных оценок тех положений монголо-калмыцкого законодательства, которые в своей совокупности составляли их национальное своеобразие и самобытность. Природа проявления последних в правовых нормах объясняется тем, что право калмыков XVII–XIX веков являлось продуктом своей эпохи, исторически обусловленного политико-экономическим укладом общественной жизни. Поэтому в рассматриваемых сборниках права были спрессованы концепции философских, религиозных, нравственных, бытовых, политических, экономических взглядов калмыцкого феодального общества. Вот эти-то концепции в своей совокупности и определяли служебную роль права, формировали понятие и виды преступлений, наказаний за их совершение, основы брачно-семейного законодательства, возмещения материального ущерба и утверждали нравственный принцип народов монгольского корня, освященные многовековыми обычаями и устоявшимися традициями. В силу этого степные законодатели считали крайне важным необходимость бережного сохранения в народе древних обычаев и традиций, подчиненных целям внедрения в сознание людей простой человеческой признательности за оказанное добро и проявленную воинскую доблесть. "Его (Цааджин-Бичик–Б. В.) задача... воспитать дисциплину, добросовестность, воздержанность, осторожность – свойства, необходимые воинам, наконец, сохранять те национальные обычаи и обряды, которые освящены незапамятною стариною и поддерживают исконный монгольский быт," – признавал В. А. Рязановский.[37] Отдельные нормы Токтолов Дондук-Даши и Зинзилинских постановлений также служили этой задаче, тем самым способствуя возведению в юридический долг чисто нравственных поступков и подтверждая социальную значимость права, как необходимой части нравственности и культуры. А теперь перейдем к конкретному

анализу нравственных поступков, за совершение которых устанавливалась обязанность выдачи вознаграждения, возведенная в юридический долг и зафиксированная в многочисленных правовых нормах.

Предусмотренные случаи и формы материальных вознаграждений можно разделить на поощрения за воинскую доблесть, содействие правосудию и оказанные добрые услуги в повседневном быте.

Так, в соответствии с нормами Цааджин-Бичик устанавливалось, что рядовой воин, спасший в бою нойона или другого представителя феодальной знати, в порядке вознаграждения переводился в сословие тарханов. Тарханы освобождались от феодальных повинностей и не несли наказаний за первые девять совершенных ими проступков. Привилегии тарханов – носили наследственный характер. Данный вид вознаграждения по существу закреплялся и в статье 14 Зинзилинских постановлений. Только имелось дополнение об одновременном представлении "к монаршему награждению". В Токтолах Дондук-Даши указывалось: "отличившихся и неробевших в сражении награждать и наказывать по мере, справляясь с древним уложением.[38] Если учесть, что Токтолы были приняты спустя более ста лет, а Зинзилинские постановления почти через 200 лет со дня принятия Цааджин-Бичик, то становится ясным стойкая приверженность калмыков к вековым традициям награждения званием Тархана отличившихся в бою воинов. Аналогичная приверженность к обычаям предков прослеживается и в других случаях.

У калмыков того периода особо поощрялись мужество и отвага тех, кто пускался в погоню за грабителями, напавшими на кочевье и угнавшими табуны. В случае успеха погони воины вознаграждались половиной отбитого скота и имущества. Материальная компенсация полагалась и в случае гибели воина, принявшего участие в преследовании. Если во время сражения воину удавалось убить главного командира

противника, то он получал его жену. Если удавалось сразить неприятеля, одетого в панцирь, то победитель имел право на его панцирь. Воины, помогавшие победителю в схватке, награждались латами и шлемом убитого. Двумя лошадьми и панцирем награждался воин, спасший другого воина во время преследования неприятелем. Оказание помощи воину, ворвавшемуся в строй противника и оказавшемуся окруженным, поощрялось девятком скота и ценною вещью из захваченной после боя добычи.

Не были упущены размеры вознаграждений для отбивших "с дракой" угоняемое скотокрадами поголовье. В случае отбития пяти голов награда составляла одну лошадь, четырех–трех голов– трехлетнюю кобылицу. За отбитие двух голов полагался двухгодовалый жеребенок и за девять голов– одна лошадь, за пять–двухгодовалый жеребенок и за скот числом менее пяти–овца. По статье 192 Зинзилинских постановлений предполагалось вознаграждение за отбитие у воров скота также в зависимости от возвращенного хозяину поголовья.

В памятниках калмыцкого феодального права содержатся не только нормы материального права, но и процессуального законодательства. Последние регламентировали судебную систему, порядок судопроизвоства, исполнения судебных решений, виды доказательств, их закрепление и т. д. Процессуальные нормы настолько впечатляющи и обширны, что авторы предполагают исследовать их юридическое содержание в отдельной работе. В настоящем разделе освещаются только нормы, предусматривавшие материальные вознаграждения за содействие в раскрытии преступлений, изобличении преступника и выступление в качестве свидетеля. Социальное назначение этих норм вытекает из служебной классовой роли калмыцкого феодального судопроизводства, в соответствии с которой суд феодально-нойонской знатью рассматривался не только как орган власти и эффективный инструмент

внеэкономического принуждения, но и как источник материального обогащения. Определенная часть штрафов за уголовные преступления взыскивалась непосредственно в пользу нойонов, а судьи за рассмотрение судебных дел получали специально установленную плату. Поэтому, наряду с уголовной ответственностью за укрывательство преступлений, предусматривались материальные вознаграждения за содействие в осуществлении правосудия.

Феодально - нойонская знать калмыцкого феодального общества особо ревниво относилась к побегам своих подвластных, которые несли на себе весь социальный груз феодальных повинностей. В частности, несли воинскую службу, составляли домашнюю прислугу, платили подати, пасли многочисленные табуны и стада феодалов, изготовляли предметы хозяйственного, бытового, охотничьего назначения, продукцию животноводства и т. д. Поэтому за побеги хар - ясн (черной кости – Б. В.) законодательством устанавливалась не только уголовная ответственность. Предусматривались значительные материальные вознаграждения тем, кто раскрывал намерения перебежчиков, задерживал их или доставлял к владельцу. Анализ норм Цааджин - Бичик, регулировавших основания и порядок выдачи таких вознаграждений, позволяет подразделить побеги феодально-зависимых людей "в другую страну" или к другому владельцу. В первом случае между монгольскими, ойратскими и калмыцкими феодалами существовала договоренность о возврате перебежчиков с половиной личного скота, имущества. Видимо, таким образом материально вознаграждалось соблюдение договора о взаимной выдачи перебежчиков. Если кто задерживал в пути перебежчиков, направлявших "в другую сторону", то он также получал право на половину скота и имущества изобличенных в побеге. При самовольном переходе подвластных от одного владельца к другому, к примеру внутри калмыцких кочевий, беглецы возвращались со всем имуществом. Но когда приютившая сторона наделяла их

скотом, одеждой, утварью, то половина такого имущества при возврате изымалась. Если кто в пути задерживал подобных перебежчиков и доставлял к законному владельцу, то он награждался таким числом скота из поголовья доставленных сколько в его колчане было стрел. По Указу Галдана-Хунтайджи указанный способ вознаграждения был несколько изменен: из десяти лошадей – средняя, из пяти – последняя, из двух – двухгодовалого жеребенка, за одну – овцу. Естественно, эти "наградные" выдавались из скота неудачливых перебежчиков. Тому, кто задержал беглеца и доставил его в прежний аймак, управляющий (зайсанг) этим аймаком должен был выдать вознаграждение в виде лошади, "с других же столько баранов, сколько было в аймаке юрт".[39]

В Токтолах Дондук-Даши не содержатся изменения установленного Цааджин - Бичик порядка возврата перебежчиков и материального вознаграждения за их задержание и доставку к владельцу или зайсангу. Только констатировалась обязанность каждого проживать в пределах своего отока или аймака. Усиливалась требовательность к зайсангам по надзору за управляемыми. Если откочевавшие от своего аймака подверглись нападению и ограблению, то допустивший бесконтрольность зайсанг отстранялся от управления аймаком. Зинзилинские постановления, повторяя аналогичную ответственность зайсангов, в качестве мотива приводили следующую формулировку: "как не пекущегося о благе народа". В дополнении можно сказать, что Зинзилинские постановления устанавливали ответственность зайсангов и демчеев за сокрытие от нойонов самовольных откочевок. За подобные должностные проступки они наказывались штрафом "четырехлетним рогатым скотом на призрение бедных". Виновные в самовольной откочевке подвергались штрафу в одну лошадь или наказанию в 15 ударов плетью (ст. ст. 119–120). Небезынтересно заметить, что в начале XIX столетия разрешались откочевки отдельных калмыцких семей для проживания "у россиян, татар и других калмыков".

Необходимо было иметь "вид от владельца на бумаге достоинством в 50 копеек". Вероятно допускались так называемые отходы на промыслы.

Калмыцкие законодатели периода феодализма поощряли материальным вознаграждением сообщения о совершенных кражах, тайном примирении с ворами, а также выступления в качестве свидетелей обвинения. Складывается впечатление, что они руководствовались принципом, чем-то созвучным с принципом советского права о неотвратимости наказания. Естественно, что максимальное выявление, раскрытие краж, наказание виновных и возмещение причиненных убытков, всецело отвечало интересам как феодальной верхушки, так и рядовых кочевников. В этом однозначно совпадали взгляды и богатых, и бедных калмыков. Но нельзя не учитывать в данных вопросах меркантильные побудительные мотивы нойонов, зайсангов, судей, для которых судебные процессы над ворами, грабителями служили дополнительными источниками личного обогащения, так как часть штрафов непосредственно взыскивалась в их пользу. По Токтолам Дондук-Даши с вора взыскивались: на княжескую ставку – верблюда, судьям – по четырехлетней корове, яргачею – четырехлетнюю лошадь, посланному по делу – трехлетнюю лошадь и так далее.[40] Следовательно, тайные пружины теневой экономики побуждали политически и экономически господствующий класс феодалов, сосредоточившего в своих руках судебную власть, материальными вознаграждениями поощрять по существу доносительство, облекая его в форму юридического долга.

Так, Цааджин-Бичик прямо устанавливал свидетелю по делам о кражах скота вознаграждение в один девяток из налагаемого на виновных штрафа, а по делам о кражах "пожитков" в зависимости от количества пожитков". Также устанавливалось вознаграждение в девяток с ценною вещью за задержание убийцы и его доставку к князю. Токтолы Дондук-Даши более детализировали основания и размеры

выдачи вознаграждения по делам о кражах. Свидетелю обвинения полагалась четырехлетняя лошадь. Довольно строго, а по существу справедливо, наказывался ложный донос, т. е. необоснованное возведение обвинения в целях получения вознаграждения. В отношении такого свидетеля устанавливалось: "обнажив при обществе, дать пятнадцать ударов нагайкою, и вознаграждение, которое следовало бы ему получить за то дело, взыскать с самого свидетеля и отдать таковое в пользу княжеской ставки (князя)".[41] Вероятно, поощрение к доносительству имело и обратную негативную сторону. Жажда к легкой наживе, очевидно, способствовала проявлению лжесвидетельства.

Сообщение достоверных сведений о сокрытии воровства вознаграждалось четырехлетней коровой. Заявившему о краже у "послов чужеземцев, как-то: русских, киргизов, черкесов, кубанцев и крымцев"[42] полагался четырехлетний верблюд. Свидетели, изобличившие хозяина украденного имущества в тайном примирении с вором, а также, задержавшие с поличным и доставившие грабителя к нойону, вознаграждались четырехгодовалым верблюдом. Подлежал материальному поощрению и свидетель, доказавший присвоение бродячего скота. По Зинзилинским постановлениям предполагалось "доказателю тайного мира с вором" вознаграждение четырехлетним верблюдом. За ложный донос о совершенной краже – 20 ударов нагайкой с взысканием полагавшегося вознаграждения в доход владельческого дома. В соответствии со статьей 97 этих постановлений в случае примирения "без объявления" хозяина украденного скота с вором с последнего положенный штраф взыскивался в пользу владельца, а примирившийся хозяин подвергался наказанию в 50 ударов нагайкой. Вполне понятно, что данная норма носила и предупредительно устрашительный характер. Подобными правовыми средствами феодальная верхушка стремилась не столько к защите собственности своих подвластных, соблюдению принципа неотвратимости

наказания, сколько к надежному обеспечению неиссякаемости внеэкономического источника обогащения. Не зря современной правовой наукой феодальное право характеризуется как право привилегий для господствующего класса, социального неравенства и сословного верховенства.

Перейдем к характеристике других норм, связанных с выплатой вознаграждений за добрые услуги. Чтобы правильно осмыслить изначальные мотивы правового закрепления нижеприводимых случаев выдачи вознаграждений, необходимо учитывать следующее. Почти все исследователи памятников калмыцкого права подчеркивали, что содержащиеся в них правовые нормы воссоздавали своеобразную красочную палитру национальной жизни калмыцкого общества XVII–XIX веков. Бытовавшие в народе многовековые нравственные обычаи зеркально отражались в памятниках права и преломлялись в отдельных нормах как сгустки некогда бушевавших страстей. Разрешение межфеодальных усобиц, вопросов укрепления воинской дисциплины, раздела военной добычи, последствий лихих набегов, охраны имущества, пресечение угонов скота, самовольных откочевок, похищения женщин, регулирование права собственности на пастбища, охотничьи угодья, брачно-семейных отношений, наследственных и долговых обязательств и многих других социальных явлений бытия калмыков того периода, естественно находили отражение в нормах права и требовали правового закрепления. Совокупность добрых услуг и обязанность их материального вознаграждения также зиждились на многовековых народных традициях, составляли колоритную мозаику своеобразия нравов калмыков и как маяки нравственности, доброты, взаимоуважения были возведены в ранг юридического долга.

В частности, погасивший открытый очаг костра, оставленный в покинутом людьми кочевье, вознаграждался овцой. Очевидно, за предупреждение возможного пожара в степи, представлявшего повышенную опасность для скота,

пастбищных и охотничьих угодий. Вознаграждения предусматривались за спасение жизни, здоровья людей, имущества и скота во время пожара, наводнений, а также за спасение от гибели в водоемах (реках, озерах и т. д.). За спасение человека, "долженствующего умереть от пожара или воды", полагалась награда в пять скотин. Если пытавшийся в этих случаях оказать помощь сам погибал, то наследники в виде компенсации за гибель получали девяток с ценною вещью. За извлечение из огня раба, или лат, или панциря вознаграждение составляло по одной лошади в отдельности. За спасение юрты с имуществом хозяин обязан был за добрую услугу выдать лошадь и корову. Если во время пожара, вероятно, возникшего в кочевье, удавалось спасти "несколько стад скота, за то из многого (количества) имеет получить две (скотины), а из малого (количества) одну (скотину); впрочем, должно выделять, соображаясь со временем и обстоятельствами".[43]

За спасение чужих овец числом более десяти от нападения волков полагалось вознаграждение в одну овцу. Спаситель также получал право воспользоваться тушами зарезанных волками овец. Если же спасенных от волков овец было менее десяти, то награда составляла пять стрел для лука. За высвобождение "из грязи" верблюда выдавалась трехлетняя кобыла, лошади–овца, коровы–пять стрел и овцы –две стрелы. За излечение больного человека, оказание помощи женщине во время родов и привидение в чувство "обмершего от задавления" полагалось заранее обещанное вознаграждение. Если за подобные добрые услуги выдача вознаграждений предварительно не была обусловлена, то выдавалась лошадь.

Отголоском бытовавших среди калмыков обычаев взаимопомощи является следующее положение. Если кто-либо, следовавший на лошади или верблюде в гости, на войну или на охоту, вследствие несчастного случая лишался средства передвижения и оказывался в беспомощном состоянии, то

пришедший ему на помощь и доставивший домой получал лошадь. Чувством естественной благодарности проникнута и следующая норма: “Если лошадь брыкаясь, изобьет малого ребенка почти до смерти, то тот, который помог, имеет взять овцу".[44]

Составители Токтолов Дондук-Даши сочли необходимым особо зафиксировать, что награждения за оказанные добрые услуги (спасение скота от нападения волков, во время пожара и т. д.) производятся согласно положениям Цааджин-Бичик. Зинзилинские постановления также устанавливали вознаграждение за "избавление человека от огня и потопа", спасение скота от пожара, за помощь роженице, спасение "в петле давящегося человека" (статьи 220 – 221).

Заключая обзор норм, регулировавших основания и порядок выдачи вознаграждений за добрые услуги, нельзя не констатировать, что в повседневной жизни калмыцкого феодального общества, опутанного патриархально-родовыми пережитками, подобные гуманные поступки вероятно были более разнообразными и обширными. В рамки законодательства в качестве нравственных маяков были включены наиболее важные из них, касавшиеся основ материального благополучия, здоровья и жизни людей. Следовательно, отбор отдельных видов добрых услуг и возведение их в ранг юридического долга носили избирательный характер.

Послесловие

Итак, вниманию уважаемых читателей представлены историко - правовые исследования памятников калмыцкого феодального права, уголовного и гражданского законодательства калмыков второй половины XVII–XIX веков. В рамках историко-правовых очерков освещены причины принятия Цааджин - Бичик, Указов Галдан - Хунтайджи, Токтолов Дундук - Даши, их политическая и социальная направленность, а также юридическое содержание. Дана характеристика понятиям преступление, соучастие, вины и неосторожности по уголовному праву калмыков того периода. Изложена система, виды и цели применявшихся наказаний. Создана попытка классификации уголовных преступлений в зависимости от конкретных объектов преступных посягательств. Также проанализированы формы гражданско - правовых сделок у калмыков XVII –XIX веков в области договоров займа, наследования, усыновления, возмещения материального ущерба, раздела имущества, выплаты вознаграждений и т. д.

Учитывая трудную доступность широкому кругу читателей текстов памятников калмыцкого права, в настоящей книге помещены тексты Цааджин - Бичик, Указов Галдана - Хунтайджи и Токтолов Дондук - Даши из упомянутой книги К. Ф. Голстунского.

Вместе с тем, авторы считают необходимым высказать ряд предложений будучи уверенными, что настоящая работа вызывет познавательный и научно - исследовательский интерес не только юристов и историков.

Настоятельной необходимостью является перевод текстов Цааджин - Бичик и Токтолов Дундук - Даши с заяпандитской письменности на современный калмыцкий язык. Строго говоря, отсутствие подобных переводов до настоящего времени является немым укором калмыцким языковедам, историкам и правоведам. Устранение этого пробела могло бы

способствовать установлению подлинного титульного названия законов 1640 года, т. к. заглавие Цааджин - Бичик скорее всего обусловлено историческими традициями монголов и калмыков. В частности, доктор исторических наук С. Д. Дылыков утверждает, что подлинным названием законов 1640 года является “Их Цааз” (Великое Уложение) и оно содержится в тексте этих законов на монгольском языке. Тогда, естественно, возникает вопрос – почему автор настоящей книги упорно именует законы 1640 года как Цааджин - Бичик.

Суть в том и это признают многие исследователи законов 1640 года, кодекс законов 1640 года в наиболее полном объеме, последовательно и на протяжении почти трех веков действовал в калмыцком обществе, принявшем подданство России. В течение всего этого исторического периода калмыки, если так можно выразиться, считали данный свод законов своим национальным правом, относились к нему с глубоким почтением и даже благоговением. Невозможно не отметить, судя по источникам, поразительную привязанность сотен поколений калмыков к своему степному кодексу 1640 года и который они именовали Цааджин - Бичик. Это заглавие и до настоящего времени сохранилось в народной памяти калмыков. Отдавая дань памяти своим далеким предкам, авторы в своей книге по истории калмыцкого феодального права посчитали возможным сохранить титул Цааджин - Бичик.

Нельзя не отметить и следующую проблему. Уникальные сведения по истории калмыков, их права, общественном устройстве, быте, нравах и народных традициях содержатся в трудах Страхова Н. Н., Небольсина П., Нефедьева Н., Новолетова М., Лепехина И. И., Бюллера Ф. И., Костенкова К., Паллас П. С., Рязановского В. А. и многих, многих других. Однако, эти книги относятся к фонду редких книг и, к сожалению, труднодоступны широкому кругу читателей. Поэтому следует изыскать

возможность переиздания этих книг, чтобы извлечь их из неоправданного забытия. Тем самым современные поколения калмыков могли бы выразить искреннюю благодарность русским историкам, юристам, ориенталистам за их огромный вклад в собирании и закреплении исторических фактов из жизни калмыцкого народа за прошедшие столетия.

Уникальность юридических источников калмыцкого феодального права проявляется и в том, что они высвечивают не только внутреннее содержание уголовных и гражданских правоотношений, но и процессуальное законодательство, т. е. судебную систему, права и обязанности обвиняемых, свидетелей, потерпевших, истцов, ответчиков, виды доказательств и порядок судопроизводства. В текстах Цааджин - Бичик, Указов Галдана - Хунтайджи и в особенности Токтолов Дундук - Даши содержится значительное число норм процессуального характера, с достаточной полнотой раскрывающих служебную роль судебного органа и основы судопроизводства. В соответствии с ними судебные органы калмыцкого феодального общества являлись органами политического господства феодально - нойонской знати, укреплявшими ее сословные привилегии. В качестве носителей реальной судебной власти выступали ханы, нойоны, зайсанги. Рассмотрение конкретных уголовных и гражданских дел, в частности, в улусах и аймаках, осуществляли заргачи (судьи – Б.В.) и при судах имелся специальный штат судебных чиновников. К примеру, яргачей, нечто, вроде, секретаря, делопроизводителя суда, ельчи – посланец, засакчи – исполнитель. Устанавливалась ответственность судей вплоть до отстранения от должности. К судебным чиновникам предъявлялось требование, чтобы каждый из них был "постоянного поведения и деятельный, а не дурного обращения и не поступающий противно всякого порядка".

Утверждались принципы гласности, состоятельности и формального равенства. Судебные заседания проводились открыто. Потерпевшие и истцы сами должны были

представлять доказательства обвинения или обоснованности исковых требований. Обвиняемые и ответчики имели право активной защиты посредством представления доказательств своей невиновности в преступлении или в причинении материального ущерба. Доказательствами считались признания обвиняемого или истца, показания свидетелей, “гонение следа”, факты задержания с поличным, вещественные доказательства и т. д.

Следует признать, что правовые нормы не раскрывают процедуру вынесения судебных решений. Но имеется достаточно других источников, которые позволяют воссоздать завершающую часть судебных разбирательств. Так, Н. Н. Страхов в своей работе “Нынешнее состояние калмыцкого народа с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства ...”, изданной в 1810 году, указывал, что заргачи свое решение писал прутиком на самре, дощечке величиной в лист бумаги, покрытой салом и золой. После оглашения составленного на самре решения заргачи “правому” выделял исполнителя, потом все с самры стиралось и предавалось вечному забвению.

Интересно, что в уголовном судопроизводстве калмыков рассматриваемого времени не применялись пытки, как средство достижения признания обвиняемого, бывшие весьма популярными в средние века. Вместе с тем, по нормам калмыцкого феодального права допускалось принесение очистительной присяги, т. е. религиозно - культового обряда клятвы в невиновности. Как свидетельствуют источники, подобная присяга назначалась судом в случаях, когда рассмотренные доказательства не давали веских оснований ни для признания обвиняемого виновным, ни для его полного оправдания, т. е. когда складывалось впечатление нерассеянного подозрения. По делам о тяжких преступлениях приносилась колоритная по обряду присяга – шахан. Ритуал принесения присяги шахан отличается особым церемониалом и поэтому, думается, будет небезынтересным привести его

краткое описание на основе упомянутых работ Н. Нефедьева и П. Небольсина. Обычно такого рода присягу предлагалось принести стороне обвиняемого. При этом потерпевшему представлялось право указывать на одного из наиболее уважаемого и состоятельного родственника обвиняемого, чтобы он принял присягу шахан. Выбор подобного лица мотивировался тем, что “человек наслаждающийся счастливою жизнью, не так легко подвергнет себя неизбежным следствиям клятвопреступления, т. е. не продаст особу свою эрлику (черту), как ожидать сего можно от человека бедного”. Выбранный присягатель не вправе был отказываться от присяги, к которой обязал его потерпевший своим выбором. Присягатель предварительно сам проводил дознание обоснованности отрицания обвиняемым своей вины в совершении преступления. Если по результатам этого дознания присягатель приходил к выводу о виновности своего родственника, то он, страшась клятвопреступления, уклонялся от присяги и из своего имущества уплачивал выплату или штраф потерпевшему. В таких случаях дело считалось законченным. Но когда присягатель убеждался в невиновности обвиняемого, то он извещал суд, что готов к принесению присяги.

В связи с этим суд назначал день и место приема присяги, а также решал организационные вопросы. Как правило, присяга шахан принималась в хотоне самого обвиняемого или присягателя. В указанное судом место привозилась белая хуральная кибитка, которая устанавливалась дверями на юг. Внутри кибитки, в северной части, ставился стол, покрытый парчой, и над ним развешивались изображения бурханов (богов), под которыми на столе зажигалась лампадка. По обеим сторонам кибитки, оставляя свободное место от дверей до стола, расстилались ковры, на которых располагались духовные лица (гелюнги) с музыкальными инструментами.

На свободном месте внутри кибитки шерстью вниз

стелили шкуру коровы черной масти, которая специально для церемониала присяги приносилась в жертву. Поверхность шкуры, обращенной вверх, намазывалась свежей кровью той же коровы. Сердце последней ложили на стол рядом с горящей лампадкой, а голову вместе с человеческим черепом вешали над входом в кибитку с внутренней стороны.

После всех этих приготовлений присягатель раздевался до нижнего белья, читал молитву и босиком входил в кибитку. Здесь он должен был пройти по скользкой шкуре, задуть лампадку, взять зубами коровье сердце и выйти из кибитки. Естественно, что все действия присягателя контролировались заргачами.

Во время вхождения присягателя в кибитку собравшиеся люди обязаны были поднять крик, стрелять из ружей, бить в литавры и барабаны, а гелюнги играли на музыкальных инструментах. Все это шумовое оформление призвано было "поразить воображение и потрясти душу". П. Небольсин, лично наблюдавший весь процесс шахана, отмечал, что "лишь только присягающий приблизится к бурханам шум инструментов стихает и начинается тихое чтение молитв, в которых могильные звуки басов торжественно разносятся по кибитке и снова поражают воображение присягающего неведомым трепетом".

Если присягатель, "входя в кибитку или выходя из оной, хотя б несколько поскользнется, или задует горящее масло не с одного раза, или выронит из зубов сердце, то ... присяга считается ложной и обвиняемый потерпевшему уплачивает заранее оговоренное отступное".

Авторы надеются, что вышеизложённые отрывочные сведения о процессуальном законодательстве и судопроизводстве калмыков XVII – XIX веков, интересны и привлекательны в историко - познавательном значении. Правда, процессуальные нормы, содержащиеся в памятниках права, носят эскизный характер и не составляют стройную, компактную правовую систему. Фактический материал о

судопроизводстве калмыков тех времен, зафиксированный в трудах авторов XVII – XIX веков, требует обобщения и критического анализа. Все эти наблюдения и правовые нормы в своей совокупности составляют обширный материал, позволяющий воссоздать четкие контуры процессуального права и основ судопроизводства калмыков периода феодализма. Проведение такого специального историко - правового исследования, авторы настоящей книги считают своим долгом правоведов. Тем более, что в советский период эта тема не разрабатывалась и вопросы судопроизводства Калмыкии XVII – XIX веков являются малоисследованными.

И последнее. Социальная память больших и малых народов хранит все то, что составляет их национальную историю и культурное наследие. Памятники калмыцкого феодального права – это своеобразные накопители и хранители многовековых обычаев и практического опыта предшествовавших поколений калмыков. Не позволить им ускользнуть из памяти народной, внедрить их социальное значение в сознание нынешнего поколения и сохранить для будущих – историческая обязанность калмыцкой общественности. Тем более, что многие аспекты исторического прошлого калмыцкого народа и до настоящего времени остаются областью неотысканных истин, невысказанных взглядов и неопровергнутых мнений.

Библиография

Предисловие

1. Небольсин П., "Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса" СПБ. 1852. С. 7.

2. Нефедьев Н. "Подробные сведения о волжских калмыках" СПБ. 1834. С. 267.

3. Пальмов Н. Н. "Этюды по истории приволжских калмыков". Ч. 2. Астрахань. 1927. С. 105.

4. Эрдниева К. О. "Списки монголо - ойратских законов 1640 года и их изучение". Сборник статей Калмыцкого НИИИФЭ. Элиста. 1987. С.37.

5. Костенков К. "Статистическо-хозяйственное описание калмыцкой степи Астраханской губернии". СПБ. 1868. С. 19.

Глава первая
Памятники права калмыков XVII – XVIII веков

Цааджин - Бичик

1. Калмыкия в истории СССР. Элиста. 1968. С. 22.

2. Костенков К. Статистическо - хозяйственное описание калмыцкой степи Астраханской губернии. СПБ. 1868. С. 118.

3. Очерки истории Калмыцкой АССР. М. 1967. С. 66.

4. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). Л. 1934. С. 175.

5. Голстунский К. Ф. Монголо - ойратские законы 1640 года... СПБ. 1980. С. 35.

6. Бюллер Ф. Калмыки. Отечественные записки. 1846. № 11. С. 7.

7. История Монгольской Народной Республики. М. 1967. С. 146–155.

8. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М. 1964. С. 173.

9. Законы мунгальские и калмыцкие. Северный Архив. 1828. № 2, февраль. С. 259.

10. Паллас П.

11. Гурлянд Я. И. Степное законодательство древнейших времен по XVII столетие. Казань. 1904. С.52–53.

12. Бичурин Н. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия. СПБ. 1834. С. 50.

13. Рязановский В. А. Обычное право монгольских племен, ч. III. Вестник Азии. 1924. № 52. С. 136–137.

14. Рязановский В. А. Указ. соч. С. 136.

15. Бюллер Ф. Указ. соч. С. 21.

16. Бичурин Н. Указ. соч. С. 50.

17. Гурлянд Я. И. Указ. соч. С. 9–10.

18. Пальмов Н. Н. Очерки истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань. 1922. С. 11.

19. Леонтович Ф. И. Древний монголо - калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. С. 26.

20. Ровинский И. В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию... СПБ. 1809. С. 176–177.

21. Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 19.

22. Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М. 1957. С. 32.

23. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 96.

24. Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 13.

25. Монгольский сборник. 1959. Том 24. С. 161.

26. Кичиков М. Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов... Элиста. 1966.

27. Опыт трудов Московского Вольного Российского Собрания. 1776. Часть III. С. 217. Северный Архив. 1828. № 2. С. 259.

28. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М. 1964. С. 230.

29. Златкин И. Я Указ. соч. С. 238, 257.

30. Златкин И. Я Указ. соч. С. 252.
31. Златкин И. Я Указ. соч. С. 241.
32. Бичурин Н. Указ. соч. С. 88–89.
33. Выдержки из текстов Цааджин - Бичик приводятся по книге Леонтовича Ф. И., а Токтолов (Законов) Дондук - Даши по тексту из книги Голстунского К. Ф.
34. Златкин И. Я История Джунгарского ханства. М. 1964. С. 253.
35. Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 18, 137.
36. Златкин И. Я Указ. соч. С. 250.
37. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 57–59.
38. Пальмов Н. Н. Указ. соч. С. 107.
39. Пальмов Н. Н. Указ. соч. С. 81–82.
40. Очерки истории Калмыцкой АССР. М. 1967. С. 183.
41. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 13.
42. Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 230.
43. Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 145.
44. Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 19.
45. Лебединский А. К истории калмыцкого права в 40-х годах 18-столетия. Ойратские известия. 1922. №№ 3–4. С. 86–87.
46. Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 182.
47. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 13–14.
48. Лебединский А. Указ. соч. С. 87.
49. Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II. Астрахань. 1927 г. С. 92– 93.
50. Новолетов М. Калмыки, исторический очерк. СПБ. 1864. С. 63.
51. Пальмов Н. Н. Указ. соч. С. 93.
52. Новолетов М. Указ. соч. С. 64.
53. Пальмов Н. Н. Указ. соч. С. 95.
54. Пальмов Н. Н. Указ. соч. С. 100.
55. Попов Н. Татищев и его время. М. 1861. С. 312.
56. Попов Н. Указ. соч. С. 314–315.
57. Новолетов М. Указ. соч. С. 63.

Глава вторая

Вопросы, связанные с понятием преступления по уголовному праву калмыков второй половины XVII–XVIII веков

1. Маркс К. Критика Готской программы.

2. Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М. 1946. С. 170.

3. Исаев М. М. Уголовное право Калмыцкой Руси. Ученые труды ВИЮН. Выпуск VIII. 1946. С. 159.

4. Юшков С. В. История государства и права СССР. М. 1950. С. 200.

5. Культелеев Т. М. Обычное уголовное право казахов. Алма - Ата. 1955. С. 157.

6. Дурманов Н. Д. Указ. соч. С. 100.

7. Исаев М. М. Указ. соч. С. 161.

8. Голстунский К. Ф. Указ. соч С. 39, 40, 50.

9. Культелеев Т. М. Указ. соч. С. 159.

10. Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 123–124.

11. Пионковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М. 1961. С. 316.

12. Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 87, 113.

13. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 63–64.

14. Пионтковский А. А. Указ. соч. С. 316.

15. Леонтович. Ф. И. Указ. соч. С. 97–99.

16. Леонтович. Ф. И. Указ. соч. С. 113.

17 Леонтович. Ф. И. Калмыцкое право. Ч. I. 1880. С. 63.

18. Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 76, 142.

19. Культелеев Т. М. Указ. соч. С. 170.

20. Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 81, 86.

21. Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 125.

22. Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 92.

23. Леонтович Ф. И. Калмыцкое право. Ч. I. 1880. С. 49.

24. Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПБ. 1852. С. 111.

25. Лепехин И. И. Дневные записки путешествия... СПБ. 1771. С. 450.

26. Небольсин П. Указ. соч. С. 111–112.

27. Сергеевич В. И. История русского права. С. 657.

28. Культелеев Т. М. Указ соч. С. 183.

29. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Соч. Том 21. С. 160.

30. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 104.

31. Бергманн. Любопытные известия о калмыках. Вестник Европы.

32. Культелеев Т.М. Указ. соч. С. 191.

33. Лепехин И. И. Указ. соч. С. 450.

34. Небольсин П. Указ. соч. С. 113.

35. Козноналиев С.К. Материалы по обычному казахскому праву. Алма - Ата. 1948. С. 20.

36. Муллов П. Древние калмыцкие законы. Журнал министерства юстиции. 1863. Т. 18. С. 69.

37. Владимирский - Буданов М. К истории права русских инородцев. Университетские известия. Киев. 1879. № 9. С. 208.

38. Рязановский В. А. Является ли монгольское право обычным. Харбин. 1932. С. 13–14.

Глава третья
Классификация преступлений по уголовному праву калмыков второй половины XVII–XVIII веков

1. Ставропольские губернские ведомости. 1877. № № 8, 13, 24.

2. Бергманн. Любопытные известия о калмыках. Вестник Европы. М. 1805. С. 272.

3. Владимирский - Буданов М. К истории права русских инородцев. Университетские известия. Киев. 1879. № 9. С. 198.

4. Очерки истории Калмыцкой АССР. М. 1967. С. 128.

5. Кичиков М. Л. Исторические корни дружбы русского

и калмыцкого народов... Элиста. 1966. С. 112.

6. Бюллер Ф. Инородцы Астраханской губернии. Отечественные записки. 1846. Т. 47. С. 15.

7. Кичиков М. Л. Указ. соч. С. 79–80.

8. Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа. Красный архив. 1939. № 3. С. 226.

9. Бакунин В. Указ. соч. Красный архив. 1939. № 3. С. 194.

10. Очерки истории Калмыцкой АССР. М. 1967. С. 138.

11. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 71.

12. Преображенская П. К вопросу о социально - экономическом строе калмыков. История СССР. 1963. № 5.

13. Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПБ. 1795. С. 7.

14. Бентковский И. Грабежи и воровство калмыков с точки зрения монгольских законов и буддизма. С. 31.

15. Очерки истории Калмыцкой АССР. М. 1967. С. 181.

16. Преображенская П. Указ. статья.

17. Бичурин Н. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПБ. 1834. С. 199.

18. Паллас П. Собрание исторических известий о монгольских народах. СПБ. 1776. С. 390.

19. Очерки истории Калмыцкой АССР. М. 1967. С. 171.

20. Георги И. Указ. соч. С. 7.

21. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М. 1964. С. 415.

22. Паллас П. Указ. соч. С. 299.

23. Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 177.

24. Небольсин П. Указ. соч. С. 113.

25. Лепехин И. Указ. соч. С. 113.

26. Войеков. Описание калмыцкого народа. Отечество. 1822. Ч. 75. С. 256.

27. Лепехин И. Указ. соч. С. 450.

28. Рязановский В. Монгольское право и сравнительное правоведение. Харбин. 1929. С. 9.

29. Потоцкий И. Путешествие в Астрахань и окрестные страны в 1797 г. Северный архив. 1828. Ч. 31. С. 247.

30. Небольсин П. Указ. соч. С. 112.

31. Бергманн. Указ. соч. с. 280.

32. Лепехин И. Указ. соч. С. 449.

33. Об уголовном правосудии калмыков. Донские областные ведомости. 1874. № 2.

34. Мослоковец Н. Статистическое описание кочевья донских калмыков. Новочеркасск. 1874. С. 71.

35. Паллас П. Указ. соч. С. 222.

36. Костенков К. Исторические и статистические сведения о калмыках, касающихся к Астраханской губернии. СПБ. 1870. С. 119.

37. Небольсин П. Указ. соч. С. 111– 112.

38. Минкин Г. О феодализме у калмыков. Революционный восток. 1933. № 1. С. 132.

39. Владимирцов Б. Общественный строй монголов. Л. 1934. С. 184.

40. Бергманн. Указ. соч. С. 272.

41. Материалы по обычному казахскому праву. Издание Академии наук Каз. ССР. Алма - Ата. 1948. С. 20.

Глава четвертая
Вопросы гражданского законодательства

1. Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках. СПБ. 1834. С. 256.

2. Нефедьев Н. Указ. соч. С. 181.

3. Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПБ. 1852. С. 61.

4. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПБ. 1773. С. 461.

5. Небольсин П. Указ. соч. С. 71.

6. Нефедьев Н. Указ. соч. С. 193.

7. Эрдниев У. Э. Калмыки. Элиста. 1985. С. 185.
8. Голстунский К. Ф. Монголо - ойратские законы 1640 года. СПБ. 1880. С. 44.
9. Нефедьев Н. Указ. соч. С. 198.
10. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 43.
11. Небольсин П. Указ. соч. С. 82–83.
12. Нефедьев Н. Указ. соч. С. 199.
13. Рязановский В. А. Монгольское право. Харбин. 1931. С. 263.
14. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 56.
15. Дылыков С. Д. Их Цааз (Великое Уложение). М. 1981. С. 7.
16. Небольсин П. Указ. соч. С. 109.
17. Леонтович Ф. И. Калмыцкое право. Ч. I Уложение 1822 года. Одесса. 1980.
18. Бюллер Ф. А. Отечественные записки. Т. 49. С. 13, 18.
19. Паллас П. С. Указ. соч. С. 485.
20. Рязановский В. А. Указ. соч. С. 38.
21. Небольсин П. Указ. соч. С. 118.
22. Бюллер Ф. А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской области инородцы. Отечественные записки. 1846. Т. 49. С. 24.
23. Небольсин П. Указ. соч. С. 110.
24. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 57.
25. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 48.
26. Рязановский В. А. Указ. соч. С. 38.
27. Небольсин П. Указ. соч. С. 117 – 118.
28. Бюллер Ф. А. Указ. соч. Т. 49. № 11. С. 30.
29. Страхов Н. Н. Нынешнее состояние калмыцкого народа... СПБ. 1810. С. 27–28.
30. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 47.
31. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 65.
32. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 53.
33. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 57.

34. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 49.

35. Рязановский В. А. Является ли монгольское право правом обычным? Харбин. 1932. С. 26.

36. Владимирский - Буданов М. Ф. К истории права русских инородцев. “Древний монголо - калмыцкий или ойратский устав взысканий”. Университетские известия. Киев. 1879. № 9. С. 198.

37. Рязановский В. А. Указ. соч. С. 17.

38. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 63.

39. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 59.

40. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 65.

41. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 68.

42. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 64.

43. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 47.

44. Голстунский К. Ф. Указ. соч. С. 52, 56.

СОДЕРЖАНИЕ

В. С. Сергеев

Б. В. Сергеев

Уголовное и гражданское право
калмыков XVII–XIX веков
(историко-правовые очерки)

Тех. редактор В. Арбакова
Корректоры В. Улюмджиева, Е Чильденова

Сдано на верстку 14.09.98. Подписано в печать 17.09.98.
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,02.
Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 3000 экз. Заказ 2158.

ЛР № 010169 от 07.02.97. АПП "Джангар",
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245

